

Национальная Академия наук
Украины
Институт языковедения НАНУ
Институт украинского языка НАНУ
Киевский славистический
университет
Алупкинский государственный
дворцово-парковый
музей-заповедник

Российская Академия наук
Институт Славяноведения РАН
Институт русского языка РАН
ИНИОН РАН
Государственная Академия
славянской культуры
Государственный инстиут
им. Е. Р. Дашковой
Фонд академика О. Н. Трубачева
«Славянский мир»

*От поколения к поколению –
в изучении Причерноморья и Крыма.*

Международная конференция

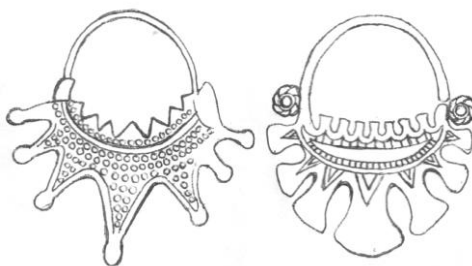
**СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:
К ИСТОКАМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.**

V Чтения памяти академика О. Н. Трубачева.

МАТЕРИАЛЫ

Алупка

25–30 сентября 2008 г.

Киев – Москва

2008

Составители: Г. А. Богатова, А. К. Шапошников

Международная конференция «Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О. Н. Трубачева), Алушка, 25–30 сентября 2008 г. / Материалы конференции. – Киев; М., 2008. – 248 с.

В сборник вошли статьи и материалы конференции по широкому кругу проблем, касающихся истории Крыма и Северного Причерноморья. Среди тем, обсуждавшихся на конференции, – древнейшая ономастика, и этимология языковых реликтов Северного Причерноморья; этимология и история слова, славянская лексика в историческом освещении, реконструкция праславянской лексики; ареальная лингвистика; этническая история, этногенетические процессы в Северном Причерноморье; археология; эпиграфика, нумизматика, геральдика народов Северного Причерноморья; древнейшие государственные образования; культурная преемственность (мифология, фольклор, прикладные искусства); древности Северного Причерноморья в трудах славянских ученых, литературе и искусстве

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей, археологией, славянскими древностями, этимологией и историей славянских языков, культурой и происхождением славян.

***Издание подготовлено и опубликовано при финансовой поддержке
Фонда "Русский мир"***

© Отделение истории и филологии РАН, 2008
© Фонд им. О. Н. Трубачева «Славянский мир», 2008
© Коллектив авторов, 2008

Идея чтений "Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры" родилась при жизни Олега Николаевича Трубачева. После первой презентации в Крыму его книги "Индоарика в Северном Причерноморье" в 1999 году он и А. К. Шапошников в Коктебеле долго обсуждали необходимость дальнейших встреч на крымской земле. Последующие встречи с учеными Крыма оказались очень плодотворными, они привлекли внимание не только исследователей разных специальностей, работавших бок о бок с О. Н. Трубачевым, А. Г. Кузьминым, Г. Г. Литавриным, но и ученых других направлений и этимологов разных языков. Олег Николаевич начал этот путь с исследования южных границ распространения славянства, но это привело и к ряду открытий на скифском пространстве, непосредственно в Таврии, протянулось от Синда (Дона) к Инду.

Идея происхождения Руси привлекала многих историков. Об этом писал А. П. Толочко в книге "История России Василия Татищева", много исследований у В. Г. Склярченко; вплоть до Пятых чтений памяти О. Н. Трубачева эта тема продолжается у А. В. Назаренко, К. А. Максимовича, В. Фомина и многих других. Успехи этимологической лексикографии привели к оживлению этногенетических исследований, расширению этнической истории, контактологии, внимания к языковым реликтам и их реконструкции. Истоки славянской культуры постигались не только через этимологию, но читались и в данных археологии, ономастики, эпиграфики, этнологии. Капитальные исследования выпускает Русское историческое общество: "Россия и Кавказ", особенно "Россия и Крым" (597 с.).

Вызывает некоторое сожаление слабое использование этимологических словарей и исследований, впрочем, это – вина тех, кто такими малыми тиражами выпускает словари, необходимые для фундаментальных исследований. Участие филологов в Трубачевских чтениях отчасти восполняет этот пробел. В предлагаемый сборник включены доклады и сообщения о последних исследованиях по данной теме. Надеемся, что он будет продолжен.

Г.А.Богатова, А.К.Шапошников

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ведет заседание директор Алушкинского государственного дворцово-паркового музея-заповедника К. К. Касперович

- Приветствие от Фонда «Русский Мир»
- Приветствие от Общества «Москва-Крым»
- Приветствие от Киевского Славистического университета (ректор проф. Юрий Николаевич Алексеев)
- Приветствие от Московского Международного славянского университета (ректор проф. Ким Алексеевич Смирнов)
- Приветствие от Государственной Академии Славянской культуры (президент ГАСК, академик Изольда Константиновна Кучмаева; ректор ГАСК Алла Кирилловна Коненкова)
- Приветствие от Государственного Института им. Дашковой
- Приветствие от Славянского фонда России (Галина Васильевна Боголюбова)
- Приветствие от Фонда им. О. Н. Трубачева «Славянский мир» (президент Фонда д.ф.н. Галина Александровна Богатова)

Этническое и национальное в культуре болгар Бессарабии (на материале с. Крыничное)

*Е. Анастасова
София*

Доклад посвящен сложным трансформациям этнической и национальной идентичности болгар в Бессарабии, являющихся результатом политических и социальных перемен в конце двадцатого — начале двадцать первого столетия в Украине. Работа подготовлена на материалах села Крыничное Одесской области, собранных автором в 2006 году.

Национальная политика нового независимого государства, проявляющаяся не только в (ре)конструировании национальных символов (геральдики, языка, истории, традиций и пр.), но и в поисках нового геополитического курса, вызывает активные трансформационные процессы в национальном и этническом самоопределении граждан страны, которая известна своим этническим и религиозным многообразием.

Эти процессы проявляются в нескольких направлениях. С одной стороны, в дискуссиях по основной дилемме, стоящей перед Украиной: о месте страны в новой ситуации в Европе, в которой доминируют две суперсилы: Европейское сообщество и Российская Федерация. В этом плане доклад отражает несколько интересных и своеобразных мнений жителей села Крыничное, среди которых наблюдаются и очень нестандартные предложения и интерпретации основного политического дебата в стране: о вступлении Украины в НАТО, в Евросоюз, о близости с Россией, как и о возможностях самостоятельного политического курса Украины. Эти позиции отражают основные тенденции в национальном самоопределении болгар Бессарабии.

С другой стороны, достаточно агрессивная национальная политика государства «пробуждает» этническое самосознание меньшинств в стране, среди которых одним из наиболее активных является болгарское меньшинство. Украина предоставляет возможность институционализации болгарской диаспоре и оказывает ей регламентированную конституцией государственную помощь. Активная работа лидеров болгарского населения, направленная на «воспитание» болгарского этнического самосознания (различные политические, экономические, образовательные и пр. инициативы), является вторым (этническим) фактором, определяющим самоопределение болгар в регионе.

Не менее важна транснациональная политика болгарского государства, направленная на болгарскую диаспору. Возможности, предоставля-

емые Болгарией (в основном, связанные с получением высшего образования в болгарских университетах), тоже являются одним из основных факторов, определяющих этническую ситуацию в Бессарабии.

Почти двадцатилетний период воздействия всех этих влияний является достаточным сроком для формирования устойчивых и мотивированных мнений, постановок и убеждений (не только о современной ситуации, но и о перспективах развития) среди жителей села Крыничное: как о месте Украины в геополитическом пространстве Европы, так и о позиции болгарского меньшинства в новом, независимом украинском государстве, и о связях и возможностях их реализации на исторической родине.

В этих трех фундаментальных направлениях (этническом, национальном и транснациональном) доклад анализирует и обобщает основные страты национального и этнического самоопределения болгар в Бессарабии.

**Преемственность в изучении наследия выдающихся лексикографов
как фактор сохранения славянского единства
(И. И. Срезневский и О. Н. Трубачев)**

*Е. В. Архипова
Рязань*

Введение в учебный план специальности «Филология», «Филологическое образование» курсов, реализующих принцип преемственности в изучении основных лингвистических дисциплин, например, исторической лексикографии, является не только потребностью, но и насущной необходимостью современного образования, а также исторической традицией высшего филологического образования России.

Преемственность в изучении лингвистических курсов основана на принципе системности в обучении языку и в его изучении. Исторические параллели необходимы в курсе по любой дисциплине. Особенно это актуально в исторической лексикографии. Определенная историческая преемственность, безусловно, существует в изучении вузовского курса истории русского языка. Однако принцип преемственности должен пронизывать собою весь лингвистический цикл дисциплин.

Понятие преемственности — междисциплинарное. В разных областях знаний оно имеет свою специфическую трактовку — как широкую, так и узкую. В широком смысле, как правило, под преемственностью понимается связь между явлениями в процессе развития, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе некоторые его

элементы. Применительно к образовательному процессу (как в вузе, так и в школе) под преемственностью понимается определенный порядок и последовательность в усвоении знаний и формировании умений, причем на каждой ступени образования при определении содержания обучения учитывается все то, что было усвоено на ранних ступенях.

При изучении исторической лексикографии следует, по-видимому, опираться на понимание преемственности как сохранения исторических традиций в подходе к изучению предмета, как сохранения и развития основополагающих научных принципов, заложенных выдающимися лексикографами, как рассмотрения в сопоставлении и дифференциации фактов исторической лексикографии и в выявлении общей, единой линии изучения славянских языков, что объединяет ученых-лексикографов разных времен и эпох.

Само понятие преемственности в качестве основополагающего компонента включает в себя градуальную последовательность в изучении материала, при которой идет не только расширение знаний, но и их углубление, обобщение, наращивание качества и глубины, переосмысление подходов в рамках главного принципа — принципа системности изучения. При этом преемственность как восхождение по иерархии этапов изучения предполагает и учет принципа перспективности, когда лингво- и социокультурные перспективы являются тем ориентиром, с учетом которого рассматриваются основные лексикологические (и шире — лингвистические, исторические, лингво-культурологические, социолингвистические) реалии.

Особенно ярко преемственность в изучении исторической лексикографии в вузе можно проследить на примере жизни и научной деятельности двух академиков-славистов: выдающегося ученого 19 века — Измаила Срезневского и яркого слависта века 20-го — Олега Николаевича Трубачева.

Единство славян — вот главное, чему посвятили свою жизнь О. Н. Трубачев и И. И. Срезневский. Параллелей в жизни этих двух ученых немало. И тот и другой были детьми военного времени, и становление личности каждого проходило в послевоенные годы. Так, Измаил Срезневский родился в 1812 году, и его учеба в Харьковском университете пришлась на время, когда зарождалось славянское движение, что и предопределило его научные интересы. Олег Николаевич Трубачев, попав в послевоенные годы на Украину, закончил факультет русского языка и литературы Днепропетровского университета, защитив дипломную работу по истории общеславянской лексики. Но главное — это личности двух ученых, объединенные одной идеей — идеей единства славянского мира.

Следуя завету Олега Николаевича, данному им в названии книги «В поисках единства», необходимо направить свои усилия на поиски объединяющей идеи — идеи единения славян не только территориального, внешнего, но и на поиски единства внутреннего — единства гражданской и научной позиции ученого и человека.

Применительно к конкретной лексикографической теме «Преемственность в изучении жизни и научной деятельности выдающихся лексикографов» следует выделить, как минимум, несколько ключевых моментов:

— преемственность в изучении жизни и творческого наследия ученых;

— преемственность в изучении главных проблем, которым посвящены их научные изыскания;

— преемственность в определении места и роли ученого в лингвистике прошлого и настоящего;

— преемственность в оценке личности ученого-слависта, патриота, посветившего свою жизнь делу объединения славянского братства.

Темы выступлений на семинарских занятиях, темы студенческих докладов, темы исследовательских заданий могут быть такими:

1. Жизнь и творчество выдающихся славистов — И. Срезневского и О. Трубачева. Параллели судеб.

2. Научное кредо ученого и область научных интересов великих лексикографов.

3. Главное дело жизни — создание этимологического словаря и изучение славянства.

4. Ученые—патриоты, борцы за славянское единство (19—20 вв.).

5. Жизнь, отданная науке и русскому народу (академики И. Срезневский и О. Трубачев).

6. Историческая память народа и выдающиеся слависты России.

Поскольку принцип преемственности должен быть реализован как в содержании лингвистических курсов, так и в их форме, и в способе организации (иначе говоря, должна быть соблюдена как содержательная, так и структурная преемственность), то важно выстраивать программы и курсы, посвященные исторической лексикографии, на разных этапах непрерывного образования, а также в системе высшего профессионального образования — с учетом специфики каждого образовательного уровня. Так, преемственность в системе образовательных программ разного уровня проявляется, например, в организационной форме занятий. Для школы — это уроки, фрагменты уроков, рассказывающие о выдающихся ученых-лексикографах, о словарях разных типов и видов; это внеклассная работа, посвященная изучению жизни и деятельности

ученых-славяноведов, судьба которых связана, в частности, и с Рязанским краем. Для факультетов филологии университетов — это вузовские спецкурсы и спецсеминары по изучению исторической лексикографии, лингвистическому краеведению. Для системы последипломного профессионального образования — это курсы повышения квалификации учителей, в рамках которых выделены специальные темы, посвященные выдающимся лексикографам России.

Разработка конкретных тем и курсов реализуется как одна из задач лингвометодического направления в деятельности Центра славянской филологии и культуры имени И. И. Срезневского. Специально выделено направление, посвященное всемерному упрочению международных славянских связей Центра РГУ с вузами и центрами русского языка в братских Украине и Белоруссии. Большая работа ведется по поддержке русскоязычного населения и наших соотечественников на Украине, и в частности, в Крыму. Обмен литературой, постоянное участие в Международных конференциях и фестивале «Великое русское слово» (Крым, 2007, 2008 гг.), расширение обмена литературой, научно-методическими пособиями и материалами между преподавателями и учителями русского языка Украины и России, публикация материалов по русскому языку в журналах братских славянских республик — вот то, что преемственно развивает идеи славянского единства, высказанные в трудах академиков И. Срезневского и О. Трубачева, — идеи, отстаиваемые ими всей своей жизнью.

Лексика царских грамот фонда Оружейной палаты РГАДА (подарки крымским послам)

*Л. Ю. Астахина
Москва*

О связях Российского государства с Крымом существуют 2 тома памятников, изданных в 41 и 95 томах Сборника Русского исторического общества в 1884 и 1895 годах. Эти документы относятся к концу XV — началу XVI в. (1474–1505 гг. и 1508–1521 гг.). В нач. XVI в. в плену в России томился князь Абды Лети́ф и шли длительные переговоры (в 1509 г.) о его выкупе или обмене, чтобы его «из нятства выпустить». Но в начале XVII в., после Смутного времени, когда Россия едва не лишилась своей независимости, она была заинтересована в мире, должна была восстанавливать свое хозяйство и хотела поддерживать мирные и торговые отношения с соседями.

Фонд Московской Оружейной палаты содержит около 100 тыс. единиц хранения. Столбцы начала XVII в. описаны в трехтомном труде Александром Успенским в 1912–1913 гг.

В столбцах начала XVII в., после воцарения Михаила Федоровича Романова, отражается стремление налаживать добрососедские отношения с Крымом и Ногаями. По приезде крымских послов им подносились щедрые подарки. В основном это были собольи шубы, шапки, однорядки. В памяти № 52 казначею Никифору Траханиотову и дьяку Ждану Шипову в августе 1614 г. даётся распоряжение об изготовлении платья крымским послам «на приезде» и роспись этого платья:

«Цареву послу Мустафе мурзе шуба золотная на соболех, в 50 рублей, шапка лисья в 4 рубля;

Калги Девлет-Гирея царевича послу Магмет Гилада, цареву другому послу Аллаш Богатырю по шубе золотной на соболех, по 30 рублей шуба, да по шапке лисье, по 3 рубля шапка.

Нурадына Азамат Гирея царевича послу Резепу, цареву третьему послу Сафай Аталыку по шубе золотной, на соболех, по 20 рублей шуба, по шапке лисье, по 2 рубля шапка.

Царевы матери Мелек царицы послу Тлешу,
царевы большой царицы послу Магмету,
царевы большой сестры царевны послу Доючали
царевны другой Неслышан царицы послу Ишгазыю
царевы третьей Хансюер царицыны послу Булату
калгины болшия царицы послу Муртосе

царева сына Казы-Гирея царевича послу Акмаметы — тем семи
человекам по шубе камки цветной на куницах, по 15 рублей шуба, по
шапке по полу В рублей шапка.

Царевы четвертой [царицы, или жены?] Перехан царевны послу
Нидану

калгины другие царицы послу Мустофе
нурадынова брата Мубарек-Гирея царевича послу Беки
царева другого сына Мубарек-Гирея послу Асану

большие царицы Саламят-Гирееву царева сына Магмет-Гирея
царевича послу Магмету — тем 5 человекам по шубе камки цветные на
хрептех белых, по 7 рублей шуба».

Далее перечисляется еще 14 человек послов от ближних людей, от казначея и от других должностных лиц.

«Ближних людей:

Ширинского суфы послу князя послу Сеферю
Ахмет Агину послу Имаркуле,
Ахмет паши князя Сулешева послу

Алею-Богатырь Гирей князя Дивеева послу Абдрахману
Мурза бека Агину послу Муртозе
Араслана князя Сулешева послу Янъ Магметю
Калгина ближнего человека Алгазыя князя послу Ромазану — тем 7
человекам по шубе камки цветные на куницах, по 15 рублей шуба, да по
шапке по полу В рубли шапка».

Одаривали и гонцов крымских правителей. Так в росписи под № 69
1615 г. (без начала) перечисляется платье, пожалованное крымским
гонцам:

«Карынского кадыр-Гирей Афиндиеву гонцу (имя стерто: Е...фу)
однорядка аглинская лазоревая цена 2 рубля 21 алтын с полуденгою, в
однорядку сукно 2 рубля купли 123 году, 1.5 аршина кружива шубного по
3 деньги аршин, около 9 аршин круживо.

Капычейскаго головы Сияуш-Агину гонцу Режег(у) однорядка
настрафиль червчата, цена 2 рубля 30 алтын с полуденьгою

Ахмет-пашина брата Ибрагим паши мурзы гонцу Алмалмедю
однорядка настрафиль червчата, цена 2 рубля 30 алтын» — и так далее.
Однорядка — верхняя одежда без подкладки, но как видим, одежда не
дешевая, украшенная дорогим кружевом.

В № 70 на 148 сставах собраны памяти разных чисел 1614—1615 гг.
об изготовлении платья, пожалованного царем крымским, калмыцким и
ногайским послам и гонцам и о посылке крымскому царю других
подарков:

«19 же января царев посол Мустофа мурза и царев гонец Ибраин
паша мурза с товарищи на приезде были и царю Михаилу Федоровичу
челом ударили и дары явили и царь их жаловал: Была им подача меда, а у
подачи дано им его ж жалованья: однорядка сукно багрец, червчата, с
круживом золотным и (с) завязки, цена 6 рублей с полугривною: в
однорядке сукно 3р 16 алт. 2 деньги купли нынешнего 123 году, около 10
аршин круживо золото с серебром цена 2 р 6 алт купли 123 году, в
завязках шелк 11 алтын 4 деньги отписные казны, что отписано у Ефима
Телепнева в прошлом 121 году и купли прошлого ж 122 году».

Упоминается шуба бархат турецкой, на червце 123 году купли; и
шуба камкасейная.

В грамоте № 162 говорится о том, что «велено изготовити тотчас
пяти человекам табунным головам по шубе на хрептех на белых под
бархателью» (1616 г.)

Принимались и ответные подарки из Крыма. Так, в росписи от 19 янв. 1615 г. (№ 60) читаем: «у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в Золотой палате крымского Джанибек-Гирея царевича гонец Ибрагим паша мурза государю челом ударил: 2 лука крымских по (цена оказалась в грамоте стертой — Л. А.), камка лазорева, по ней писано золотом, да полотенцо шито по концом розными шолки».

Из Крыма привозили луки, сабли, ковры, дорогие ткани, редких животных для царского зверинца (например, барсов) № 472 1618 г.: «Два лука крымские, один по лазоревому бакану писан золотом да по кибети завитье — по червчатому бакану писано золотом же, другой по зеленому бакану писан золотом да серебром да красками, багровою да рудожелтою да червчатою, цена 2 рубли с полтиною, да 10 луков мешецких кибеть и завитье по лазоревому бакану писано золотом, цена 5 рублей... государю прислал в поминок шах Аббас во 126 году. Да 3 лука по кибетям писано золотом цена по 2 рубли, что государю челом ударил кизыльбашского шаха Аббаса (посол) во 126 году».

Посылали и из России своих людей в Крым. Но посещение Крымского ханства нашими людьми с дарами было делом не простым. В 1621 г. царь пожаловал «ливенского крымского вожа Осипка Салкова за крымскую службу, что послан он был в вожах з государевым посланником с Микитою Лихаревым, и будучи на степи всякую нужу терпел, и до Крыма государевых посланников с государевою посылкою провел здорово, велел ему дать сукно доброе» (№ 602, 1621 г.).

В № 552 говорится о выдаче «4 аршин сукна настрафильного лазоревоего» тем, кто «возили в Крым государевы посылки и будучи на степи всякую нужу терпели» (1621 г.).

В описаниях этикета дарения ярче всего выступает лексика, касающаяся иерархии Крымского ханства. Калга, мурза, нурадын, паша и другие названия по родству и по должности позволяют осознать положение человека на служебной лестнице, отчего зависела щедрость царских подарков. Такие грамоты могли бы быть полезны для истории пребывания у власти крымских правителей в начале XVII в.

* * *

Эти щедрые подарки послам и гонцам должны были свидетельствовать о богатстве России, хотя иногда деньги брали («отписывали») у богатого человека. Однако другие царские грамоты этого же фонда и этого времени показывают, насколько скудно было положение даже в царском хозяйстве. Необходимо отметить особенность сложившейся в России ситуации после Смутного времени, которая породила появление источников, содержащих специфическую лексику. Не

было царских посохов, даже материала, из которых можно было их сделать. Царская грамота 1614 г. в Тверь требует, чтобы прислали *наструги* доброй для посохов, взяв у токарей и посадских людей. Особенность этой грамоты № 35 состоит в описании ее А. Успенским: «Отпуск с грамоты от 14 февраля 1614 г. тверскому воеводе князю Данилу Ивановичу Долгорукову и Путяте Андрееву, чтобы для государева дела „к посохом взяти во Твери в рядах у посадских и всяких людей и у токарей пять гривенок на струги лучшия“, и прислать (так в изд.) в Москву в Серебряный приказ к кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову и дьяку Ивану Остапову» (Т. 1, с. 11). Слово *наструга* напечатано отдельно «на струги». Обращение к подлиннику дало возможность восстановить слово, не зафиксированное словарями и отсутствующее в материалах КДРС, которое попадёт только в Дополнительный том нашего СлРЯ XI–XVII вв.

И еще два слова в грамотах 1614 г. останавливают внимание: *супорос* и *супоросый*. Так, к Рождеству зимой 1614 года с грамотой был послан «в Кашин да на Угличь сытникъ Дмитреи Текутьевъ, а велено ему взяти на государевъ обиход к рождественскому мясоеду... сто поросят живых с матери или свинеи супоросых, которых чаёт к супоросу в рождественском мясоеде вскоре, да сто поросят битых... и коробки в чом их весть иматъ в городех» (РГАДА, ф. 396, оп. 1. ч. 1, № 19, л. 2. 1614 г.). Слова *супорос* и *супоросый* наверняка были издавна известны в русском языке. Но в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» их первая фиксация будет представлена под 1614 годом, так как в более ранних источниках они не встретились. Обстоятельства, сложившиеся в это время, привели к необходимости *написать* эти слова в таком тексте, который люди захотели *сохранить*, то есть образовались уникальные источники, содержащие не зафиксированные в иных памятниках слова. Как видим, время первой фиксации слова в историческом словаре не свидетельствует о времени появления слова в языке. Оно говорит только о том, когда оно было впервые записано.

Таким образом, лексические «открытия» связаны с необходимостью изучения еще не опубликованных источников. Лингвоисторическое описание подобных рукописей делового содержания может помочь получить сведения о лексическом наполнении подобных источников и обогатить исторический словарь русского языка.

Русско-турецкие противоречия в Северном Причерноморье в 80-х годах XVIII века

*Н. В. Бессарабова
Москва*

В 1768–1774 гг. произошла первая в царствование Екатерины Великой русско-турецкая война. Россия вышла из нее победительницей, но сразу после заключения Кючук-Кайнарджийского мира было очевидно, что этот конфликт не станет последним, потому что между Россией и Османской империей существовал ряд противоречий, как не разрешенных прошедшей войной, так и возникших после нее.

Самая главная русско-турецкая проблема конца 1770–1780-х гг. — это отношение к Крымскому ханству, получившему по Кючук-Кайнарджийскому миру независимость. И Петербург, и Стамбул стремились установить над Крымом свой контроль. В 1783 г. полуостров был присоединен к России. Окончательная потеря вассального ханства побуждала у Порты стремление взять реванш и вернуть его себе.

Вторым «камнем преткновения» между Российской империей и Турцией были Молдавия и Валахия. Возмущение Стамбула вызывало покровительство, которое Россия оказывала им¹. Екатерина же была недовольна частыми сменами господарей, а особенно назначением волошским господарем Н. Мавроени, который покушался на жизнь духовных и светских особ, преданных петербургскому двору². В 1786 г. в Россию бежал смещенный молдавский господарь А. Маврокордато, и Порта безуспешно требовала его выдачи³.

Третье противоречие между Россией и Османской империей порождали Кавказ и Закавказье. Во-первых, турки подстрекали кавказские народы к набегам на Россию, приводили их к присяге себе или заключали с ними союз⁴. Во-вторых, Оттоманская Порта желала отторгнуть от России Картли и Кахети (вассала Петербурга с 1783 г.), и Екатерина намерена была защищать Грузию от посягательств Стамбула⁵.

Кроме того, существовал ряд более мелких проблем. Государыня была недовольна тем, что турки используют добычу соли в районе Очакова с целью набегов на русскую территорию⁶. Казаки, переселившиеся в Османскую империю после ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи, совершали грабежи на границе, и Россия просила удерживать их за пределами Буга⁷. Наконец, алжирские пираты захватывали в плен русские купеческие корабли⁸. Порта, в свою очередь, была недовольна деятельностью русских консульств на ее территории, особенно в дунайских княжествах, полагая, что они вмешиваются во внутренние дела названных территорий, и считая их органами для

возбуждения мятежей⁹. При этом Стамбул требовал учреждения своих консульств в Крыму, чтобы поддерживать там свое влияние, но Екатерина на это не соглашалась¹⁰.

Каждое из противоречий можно было бы решить по отдельности, но все вместе они переплетались в такой клубок, распутать который «по нитке» вряд ли было возможно. Наконец, решение отдельных проблем не ликвидировало бы главной причины, порождавшей остальные противоречия — стремления России закрепиться на Черном море, Кавказе и Балканах, чему противилась Османская империя.

Необходимо сказать о том, какие силы в 1780-е гг. способствовали развязыванию русско-турецкой войны.

Для Османской империи закрепление России в Причерноморье было крайне нежелательным. Порта хотела бы взять реванш за предыдущие поражения, вернуть отторгнутые у нее земли и восстановить свой авторитет среди других стран, однако для нее не прошли даром предыдущие поражения. Русская дипломатия полагала, что султан не хочет воевать, но его толкают на это тщеславные сановники, чернь и мусульманское духовенство¹¹. Османская империя, как, впрочем, и Россия, вела подготовку к войне: к русско-турецкой границе собирались войска, с французской помощью снаряжались корабли, приводились в порядок черноморские укрепления и артиллерия¹².

В связи с этими приготовлениями мы видим еще одну силу, заинтересованную в вооруженном конфликте — европейские державы, подстрекавшие Османскую империю взять в руки оружие. В начале 1785 г. Яков Иванович Булгаков, русский посол в Стамбуле (1781—1787), замечал: «Крым тяжелее французам, нежели самим туркам, кои о том теперь уже и позабыли, если б французы не возобновляли сего горестного для них напоминания». По мнению русского посла, все их услуги Стамбулу были основаны на корысти¹³. Франция желала торговать на Черном море на выгодных для себя условиях, а также иметь базы в Эгейском море, чего Порта не позволяла¹⁴. Булгаков также писал, что английское, прусское и шведское министерства «весьма каверзят»¹⁵, при этом главным подстрекателем Турции к войне была Пруссия. Прусские поверенные Гафрон и Диц всеми силами настраивали Османскую империю против Петербурга, вплоть до утверждения, что Австрия и Россия собираются начать войну, поэтому Турции лучше самой взяться за оружие¹⁶. Навязчивой идеей прусской дипломатии был союз с Оттоманской Портой против России и Австрии¹⁷. Европейские дипломаты желали вооруженного конфликта Петербурга и Стамбула, потому что от России и Турции, ослабленных войной, легче будет добиться тех выгод, которые они хотели иметь на Черном море. Кроме того, если Екатерина

будет занята войной с Османской империей, она не будет вмешиваться в европейские дела, напротив, появится возможность влиять на ее политику.

Некоторые современники и ряд историков обвиняли в стремлении к войне Россию. Тем не менее, Екатерина желала бы мирного разрешения конфликтов, что доказывают ее приказы Булгакову¹⁸. Инициатором войны называли и Г. А. Потемкина, но переписка князя красноречиво убеждает в обратном: Булгакова он просил хлопотать о мире, согласен был и на смягчение русских требований¹⁹.

Во время путешествия императрицы в Крым в 1787 г. русская дипломатия предприняла попытку урегулировать миром противоречия с Османской империей. Булгаков и австрийский интернунций П. Ф. фон Герберт покинули Стамбул (участие Герберта в переговорах можно объяснить тем, что Австрия была союзницей России против Османской империи). С Екатериной дипломаты встретились 12 мая в Херсоне. Здесь были выработаны условия, которые Булгаков должен был предъявить турецкому правительству: споры о зависимости Грузии прекращаются, как и набеги на нее кавказских народов, Османская империя признает Картли и Кахети вассалом России; алжирцы вернут захваченные ими русские суда; России будет дозволено наказать закубанских татар; Порте следует удерживать за пределами Буга запорожцев, поселившихся на ее землях. Турки не должны забирать соли под Очаковом сверх установленного количества и они не будут возобновлять требований о выдаче Маврокордато²⁰.

Эта попытка урегулировать русско-турецкие отношения оказалась неудачной. Более того, путешествие Екатерины в Крым стало катализатором, подтолкнувшим начало войны. Власти Османской империи были возмущены, что русская императрица явилась в пределы их бывшего вассального ханства. Демонстрации русских армии и флота, предпринятые во время путешествия, еще более насторожили Стамбул. Вольно или невольно Екатерина затронула некоторые русско-турецкие противоречия. Так, в Бахчисарай приехал грузинский царевич Давид, представленный Екатерине²¹. К генеральному консулу И. Северину пришли три депутата (епископ и два боярина) от молдаван и валахов, чтобы поблагодарить «за оказанные им благодеяния и просить продолжения высочайшего к ним и к их земле покровительства и защищения». Императрица повелела объявить ее благоволение духовным и светским чинам Молдавии и Валахии и уверить их в ее покровительстве²². В Полтаве ко двору явился А. Маврокордато, принятый государыней²³.

Негативное влияние путешествия императрицы в Крым на развитие русско-турецких отношений хорошо прослеживается по донесениям и

письмам Булгакова за 1787 г. В начале года, еще до своей поездки в Херсон, он сообщал об ухудшении русско-турецких отношений, но еще надеялся на мирный исход противостояния²⁴. В конце июня, по возвращении в Стамбул, Булгаков доносил, что «стали более обыкновенного говорить о войне... будучи, сверх того, возбуждаемы некоторыми от чужестранных министров ложными измышлениями»²⁵. В подобных условиях Якову Ивановичу пришлось довести до сведения Порты выработанные в Херсоне требования «безо всякой по делам пользы»²⁶. В начале августа Турция вступила в войну с Россией.

Таким образом, противоречия, существовавшие между Россией и Османской империей в 1780-х гг., оказалось невозможно разрешить мирным путем, и они привели к началу русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Примечания

¹ Сборник русского императорского исторического общества (далее: Сб. РИО). Т. 47. СПб., 1885. С. 172—173.

² Сб. РИО. Т. 47. С. 172—173.

³ Российский государственный военно—исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 52. Оп. 1. Д. 345. Л. 38—39; Оп. 2. Д. 53. Л. 18—18 об; Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 125; Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791 (Изд. В. С. Лопатин). М., 1997 (далее: Екатерина — Потемкин). С. 214.

⁴ Екатерина — Потемкин. С. 209; Записки Одесского общества истории и древностей (далее: ЗООИД). Т. 8. Одесса, 1872. С. 202. Т. 47. С. 58, 167—168.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 2 об; Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 125; ЗООИД. Т. 8. С. 202; Сб. РИО. Т. 47. С. 171—172.

⁶ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 345. Л. 2—3 об, 10—12 об, 20, 25, 35; Д. 435. Ч. 3. Л. 3; Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 125; Сб. РИО. Т. 47. С. 142.

⁷ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 22—22 об; Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 125; Сб. РИО. Т. 47. С. 163, 192.

⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 688. Л. 39; Д. 693. Л. 3; Д. 694. Л. 5.

⁹ Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865. С. 106.

¹⁰ Герасимова Ю. И. Архив Булгаковых // Государственная Ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 30. М., 1968. С. 43.

¹¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 686. Л. 24 об; Д. 688. Л. 4; Д. 691. Л. 3 об, 76 об, 82 об; Д. 692. Л. 3 об—4; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 345. Л. 4; Оп. 2. Д. 53. Л. 9—9 об, 127; Екатерина — Потемкин. С. 222; ЗООИД. Т. 2. Одесса, 1848. С. 762; Письма Я. И. Булгакова князю Потемкину // Русский архив. 1866. Стб. 1575—1576; Сб. РИО. Т. 47. С. 29, 40, 49—50, 69, 81—82, 86, 156, 166, 195—197, 204.

¹² Сб. РИО. Т. 47. С. 45, 62—63, 88, 120, 124, 132, 161, 163, 165, 199.

¹³ Сб. РИО. Т. 47. С. 138—139.

¹⁴ Там же. С. 95, 110, 119, 149, 186.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 83 об; также: Д. 691. Л. 44—44 об; Д. 692. Л. 3.

¹⁶ *Сегюр Л. Ф.* Указ. соч. С. 78.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 44 об; РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 105 об.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 47. С. 20, 91, 143, 168, 171, 203.

¹⁹ ЗООИД. Т. 8. С. 202; Сб. РИО. Т. 47. С. 192, 204.

²⁰ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 586. Л. 57—60, 94—97; *Сегюр Л. Ф.* Указ. соч. С. 202—203.

²¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 г. СПб., 1886 (далее: КФЖ 1787). С. 470.

²² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 690. Л. 21 об—22; Д. 293. Л. 3.

²³ КФЖ 1787. С. 531.

²⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 9. Д. 686. Л. 27 об; РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 3; ЗООИД. Т. 2. С. 762.

²⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 44.

²⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 84.

Юбилейные даты славистов

*Г. А. Богатова
Москва*

В славистике в 1990-е годы отмечались юбилейные даты П. Й. Шафарика, И. И. Срезневского, В. И. Даля.

В Академии наук в 1990 г. была учреждена медаль В. И. Даля и первым награжденным стал О. Н. Трубачев. Он сказал при награждении: «Уважаемые коллеги! Это имя [имя В. И. Даля, в честь которого учреждена Золотая медаль] прозвучало сегодня последним, но, как говорится, — „последний, но не из последних“.

Я хотел бы здесь обратить ваше внимание на притягательную силу русской культуры: В. И. Даль, сын датчанина и немки, стал русским,

ощутил себя великорусом. Он был медиком и, вероятно, неплохим, держал руку на пульсе умирающего Пушкина в 1837 г. Был медиком, а стал филологом, лексикографом. Вот на эту великую притягательную силу русской культуры и — позвольте мне это сказать как бы *pro domo sua* (из любви к своему родному дому) — притягательную силу нашей науки, филологии».

Текст речи Олега Николаевича о притягательности русской культуры и его медаль находятся сейчас среди экспонатов музея В. И. Даля.

25–29 сентября 1995 г. в Словакии, в городах Кошице, Прешове, Рожнява и Кобелярово проходили дни П. Й. Шафарика (1795—1861) — выдающегося славянского филолога, историка литературы, этнографа, текстолога, палеографа, чьи картографические работы давали возможность уже тогда высказывать гипотезы о происхождении славянства. В 1995 г. отмечалось его 200-летие. Словаки давно готовились к этой дате. 1 апреля 1995 г. делегация педагогического и философского факультетов Кошицкого университета возложила цветы у дома П. Й. Шафарика в Кобелярове и на Ольшанском кладбище в Праге. В возложении цветов принял участие президент Словакии Михал Ковач.

В дни, когда отмечалось двухсотлетие Шафарика, Кошице и Прешов стали местами паломничества. Здесь была проведена крупная международная конференция «П. Й. Шафарик и славистика». В ней приняли участие более ста специалистов из Белоруссии, Германии, Италии, Польши, России, Украины, Хорватии, Чехии. Доклад О. Н. Трубачева «Древние славяне на Дунае» как бы обосновывал гипотезу П. Й. Шафарика, подкреплял ее новыми аргументами, появившимися в процессе создания 30-томного Этимологического словаря славянских языков. Выступали ученые из Прешева: профессор М. Микулаш «П. Й. Шафарик о старославянском и церковнославянском языке». На конференции назывались и другие юбилейные имена соратников ученого, в частности, слависта И. И. Срезневского — в докладе профессора Михаила Вархола «Методологические подходы Шафарика и Срезневского».

Первая медаль П. Й. Шафарика была вручена ректором Кошицкого университета им. П. Й. Шафарика Л. Буковским президенту Словакии М. Ковачу. В ходе торжеств был присвоен почетный титул *Doctor honoris causa* двум славистам — Франтишкеу Мико из Братиславы и академику Олегу Николаевичу Трубачеву. В ответной речи ученый сказал:

«Дамы и господа! Уважаемые коллеги!

Торжество негоже омрачать печалью. Но жизнь есть жизнь. В начале нынешнего лета внезапно умерла моя мать, мой ближайший друг, болейщица всех моих начинаний. Как у Некрасова: „В ночь ночная

богомольница, векова моя сухотница...“ Этот удар выбил меня из седла. До последних дней я не очень верил в то, что приеду сейчас в эту прекрасную страну, следуя этому почетному приглашению. Тот, кто хоть немного знаком с моими работами в последние несколько лет, согласится, что мой путь в Среднее Подунавье не случаен. Меня вели сюда научные убеждения, внутренний зов.

И я вспомнил другого человека, которого тоже неудержимо влек к себе Дунай. Конечно, у другого человека все было по-другому. Другое было время, другими были люди.

Был это князь Святослав, тысячу лет назад... И все же что-то оправдывает в моих глазах это мое свободное сравнение. И пусть у Святослава эта извечная славянская реминисценция о житье на Дунае облечена в форму государственной доктрины „То есть среда земли моей“ (я немного писал об этом), а мой зов сердца, по счастью, далек от политики, и я счастлив что могу опереться на коллективные достижения науки о славянах, — всё же наши взоры обращены в одну и ту же сторону. Я, может быть, именно сейчас не очень готов понять Святослава человека и его действия, но он рвался на Дунай, а больная мать его Ольга укоряла его: „Видиши ли мѧ больнѣ сѣщѣ. Камо хоцѣши от мене ити. Бѣ бо разболеласѧ ѡжеж Рече же емѣ погреб мѧ иди ꙗ може хоцѣши. По трѣхъ днѣхъ ѡмре Ѡльга“.

В сентябре 1993 года был съезд славистов в Братиславе, и в кулуарах съезда ко мне подошел словацкий священник, который подарил мне, как выяснилось, очень знаменательную для меня картину-икону работы художника М. Климчака. Словацкий живописец изобразил русских святых — княгиню Ольгу со своим внуком, будущим князем Владимиром.

Сына Святослава рядом с Ольгой нет. Некрещеный язычник и суровый воин, Святослав сам сделал выбор и заплатил слишком высокую цену, непонятную и непосильную для меня. Конечно, современное сравнительное языкознание и этимология дают возможность искать древних славян на Дунае, не выходя из тесненького кабинета к северу от Москвы. Святославу было труднее ...Сакраментальный для русской науки вопрос — «Откуда есть, пошла Русская земля» — вообще лучше решать, сидя в родительском доме. Я любил приезжать туда из далеких и близких мест, меня всегда здесь ждали и встречали. Мне всегда здесь хорошо работалось.

Всегда ...Умом понимаешь, что никому не уйти от общей судьбы, даже вечному Дунаю, о котором современник Шафарика наш поэт Тютчев сказал:

Всё прошло, все взяли годы,
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне рыщут по тебе...

А сердце противится такому пониманию. Воспоминания не оставляют нас. Я после приезда из Братиславы показываю матери с пояснениями привезенное изображение Ольги. Мать оживает: „Ольга во святом крещении Елена!“

(Тут отмечу не только то, что мою мать тоже знали Еленой, но и то, что, не имея специального филологического или исторического образования, она эту деталь из нашей древней истории знала).

Судьба портрета-иконы княгини Ольги решена. Я водружаю ее в комнате матери на видное место в красном углу, как говорят у нас, мать довольна... Сейчас комната пуста. Со стены по-прежнему смотрит Ольга, во святом крещении Елена, а я подхожу, и вглядываюсь, и прикасаюсь, и нет мне утешения.

Да простится мне, что на сегодняшнем торжестве я произнес слово о матери, что с мыслью о матери я проделал путь от Подмосковья до Подунавья, потому что эти свои мысли и чувства я высказал не в случайном месте, а в восточнословацкой области археологической прешовской культуры, которая, как я понял из новой книги своего коллеги археолога Валентина Седова, играла роль передаточной инстанции между провинциально-римскими культурами Подунавья и остальной пражско-корчакской культурой славян и вообще славянами Русской равнины.

Я рад, что нахожусь в столь важном для славянской культуры месте, испытываю благодарность за оказанную честь и сказанным, пожалуй, ограничусь, утешая себя тем, что я все-таки высказал главное».

В Рязани в 1995 г. был создан музей И. И. Срезневского и мемориал в селе Срезнево. О. Н. Трубачев, выступая на конференции, сказал *«Имя большого ученого обычно стремятся связать с большой теорией, полагая тем прочнее укрепить его славу. Век славянского национально-культурного возрождения, как и всякого возрождения, был материально-романтичен. И именно на этом пути создаются исторические ценности. К такому признанию приходит и наука нашего времени, казалось бы, перенасыщенная теоретической мыслью. Поэтому уместно вспомнить слова французского филолога Антуана Майе о том, что, хотя обычно думают, что науку двигают вперед новые теории, в действительности же ее успех обеспечивает точное описание фактов. Этим одухотворенным научным фактом жива и филология Срезневского, оставленная в наследие нам и нашей науке».*

В 2006 году еще один музей И. И. Срезневского был открыт в Рязанском госуниверситете, его уже посетили слависты многих стран. Здесь проводятся студенческие занятия, заседания ученых, отмечаются Дни славянской письменности и культуры.

Праславянская гидрографическая терминология в славянской ойконимии

*Н. А. Бойко
Киев*

Ономастическое пространство формируется выборочно на основе реально существующих объектов, как и само называние предметов с помощью апеллятивов. Объекты, относящиеся к разным классам слов, могут получать подобные наименования, если они находятся в непосредственной близости друг к другу.

Водные объекты — это ориентиры, возле которых возникают поселения. Названия водных объектов (рек, озер, морей, потоков и т. п.) как древнейшие являются основой для образования ойконимов, расположенных около них. Онимы, производные от гидронимов С. Роспанд относит к топографическим названиям¹. Их можно разделить на 2 группы: 1) ойконимы, образованные от географических терминов (река, озеро, поток, рукав); 2) ойконимы, производные от гидронимов (г. *Хорол* ← р. *Хорол*, г. *Задонск* ← р. *Дон*, с. *Прислуч* ← р. *Случ*).

Дегидронимические ойконимы, производные от названий водных объектов, представлены во всех славянских языках.

Набор семантических полей, которые привлекаются в онимические ряды, обусловлен набором самих реалий, которые получают имена собственные. Учитывая сложность раскрытия изначальной семантики основ ойконимов, обусловленную спецификой номинации², необходимо заметить, что наименования поселений, мотивированные наименованиями водных объектов, опосредовано несут информацию о естественно-географических свойствах реалий. Нередко они включают в свой состав географический термин, являющийся средством локализации населенного пункта по отношению к другому объекту окружающей среды.

Дегидронимические ойконимы, образованные от географических терминов, отличаются от чисто ономастических топонимов тем, что первые также и обозначают, а вторые, согласно Е. Куриловичу, только называют.

Интерес представляет семантика онимических основ данного типа, поскольку дает материал о типах слов, послуживших основами для имен,

а также позволяет выяснить архаические лексические единицы, сохранившиеся в составе имен.

Для формирования класса дегидронимических названий населенных пунктов интерес представляют термины, связанные с географическими водными объектами, т. е. гидрографические термины.

Гидрографическая лексика включает в себя фрагменты различных понятийных полей. Интерес представляют дегидронимические ойконимы, производные от географических терминов с семантикой «поворот реки». В представлении древнего славянства понятия «река», «ручей» связывались с идеей кривизны, извилистости, что способствовало ономатизированию слов, называющих конфигурацию водных объектов ³.

Рассмотрим ойконимы, производные от географических терминов с семантикой «поворот реки». Наиболее продуктивны среди них лексемы *лука* и *колено*.

Дегидронимические наименования населенных пунктов, содержащие данные основы, представлены на территории Восточной Славии.

Апеллятив *лука* в значении «дугообразный поворот реки» употребляется в современном русском языке.

Данная лексема в значении «изгиб, дуга, залив» зафиксирована уже в ранних памятниках письменности (Срезневский, II, с. 50). Эта основа широко представлена в названиях населенных пунктов России (г. *Великие Луки*, д. *Лучевник*), Украины (10 сел имеют название *Лука*).

Термин *лука* образует топонимические апеллятивы, которые формируют ойконимы.

Так, д. *Прилуки* в бывшем Тотемском уезде восходит к местному апеллятиву *прилук* «внешняя большая дуга берега при луке, изгибе реки». Широко представлены производные от термина *лука* в украинском языке: *луківчик*, *лучки*, *залука*, *прилука*. Данные апеллятивы часто встречаются в составе ойконимов, ср. г. *Прилуки*, сс. *Лучки*, с. *Залука*.

Интерес представляет и лексема *случь* в значении «изгиб реки», которая отмечена в белорусском языке. Это слово фиксируется также в памятниках письменности: *случий* — «изогнутый». От данного апеллятива происходит название реки *Случь*, на которой стоит *Слуцк*.

Кроме слова *лука*, в народной терминологии используется лексема *колено* в значении «резкий, крутой изгиб реки, лука». Ойконимы, производные от данного апеллятива, представлены на территории России (н. п. *Елань-Колено*, *Колено*, *Коленки* и др.) и Украины (сс. *Колінки*, *Колінця*, *Колінці* и т. д.). Топонимический апеллятив *коленец*, производный от термина *колено*, записан в современных белозерских говорах. Он встречается в составе ойконимов Белозерья: д. *Коленецкая горка*,

погост *Коленец* (Списки населенных мест Новгородской губернии, вып.8–11, Новгород, 1912).

В диалектах русского языка встречается слово *локоть* в значении «излучина реки, меандра» [Д, II, 264]. Данный апеллятив имеет ясные параллели в славянских языках: укр. *локоть* — «извилина, колено» [Черепанова, с.183], болг. *лакът* — «излучина реки» [Григорян, 1975] и т. д. Основа *локоть* отмечена в составе ойконимов и гидронимов России: ст. *Локоть* в Алтайском крае, ст. *Локоть* в Курской области, *Локти* в Курганской и Омской области, *Локотенок* в Новосибирской области, свыше 20 гидронимов в формах *Локатец*, *Локотня*, *Локотцы* в бас. Оки [Смолицкая, 1976], р. *Локтевка* в бас. верхней части Оби [СНГТ, 2, с. 19]. Встречается она и в топонимах Украины, ср. *Локотки* в Сумской области, *Залокоть* в Дрогобычском районе Львовской области и т. д. Можно заключить, что термин *локоть* обладает географическим содержанием.

Рассмотренные термины и топонимические апеллятивы составляют категорию слов, достаточно легко онимизирующихся. Фиксация их в памятниках письменности подтверждает факт их древности (*лука, случ, прилук, коленец*).

Проведенное фрагментарное исследование семантики онимических основ позволяет констатировать факт, что данные онимы различаются степенью семантической прозрачности.

Ономастический материал позволяет восстановить единицы, утратившие апеллятивную базу, и является одним из существенных ресурсов реконструкции.

Литература

1. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. — М., 1972. — С. 20
2. Теория и методика ономастических исследований. — М., 1986. — С. 110—111.
3. *Козлова Р. М.* Структура праславянского слова [Праславянское слово в генетическом гнезде]. — Гомель, 1977. — С. 8.

Сокращения

Григорян — *Григорян Э. А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. — Ереван, 1975.

Д — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. I–IV.

СНГТ — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов: В 2 томах. — М., 1999.

Смолицкая — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). — М., 1976.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. — М., 1958. — Т. I–III.

Черепанова — *Черепанова Е. А.* Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья (Опыт семантической классификации) // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. — М., 1983. — С. 173–179.

О проблеме раннеславянского заселения Русского Северо-запада (по материалам ономастики и диалектной лексики)*

В. Л. Васильев
Великий Новгород

Во взглядах на проблему раннеславянского заселения Русского Северо-запада (далее — РСЗ) издавна конкурируют две основные точки зрения.

Первая гипотеза — «западнославянская», разделяемая многими историками и лингвистами начиная с 1-й половины XIX в., — подчеркивает западнославянский генезис первых насельников окрестностей озер Чудско-Псковского и Ильмень и resp. первых диалектов РСЗ. Есть две разновидности этой гипотезы. Одни предпочитают говорить о миграции славян с южного побережья Балтики (балтийских славян), другие предполагают приход славян со среднего течения Вислы. Пути миграции — либо напрямую пересекая земли балтов, либо даже на судах по Балтийскому морю. Разделение летописных кривичей и словен ильменских на РСЗ либо не учитывают, либо возводят эти два племени к разным потокам западных славян (А. А. Шахматов, Д. К. Зеленин, В. В. Седов, Г. А. Хабургаев, В. Л. Янин и мн. др.).

Лингвистически продвинутый вариант данной гипотезы был предложен А. А. Зализняком. На долготе примерно от Пскова до Новгорода превалировал диалект псковских, или северных, кривичей, находившийся в близком родстве с западнославянскими диалектами, а восточнее Новгорода распространялись говоры общевосточнославянского типа, принадлежавшие ильменским словенам.

Вторая гипотеза — «среднеднепровская», или «южная» — трактует первых славян РСЗ как пришельцев с области Киева и Среднего Поднепровья, подчеркивая их общевосточнославянский генезис. Пути

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 05-04-04120а и № 08-04-00283а).

прихода славян — по Днепру и его притокам, далее на Ловать и в бассейн Великой (Ф. П. Филин, О. Н. Трубачев, В. Б. Крысько и др.).

Эволюция изложенных мнений относительно лингвоэтногенеза в регионе РСЗ претерпела с сер. XIX в. определенные изменения, заключающиеся в постепенном сдвиге акцентов в пользу второй гипотезы. В частности, мнение о первоначальной миграции на РСЗ славян с берегов Балтийского моря, бывшее некогда наиболее популярным, не нашло достаточных лингвистических аргументов и сегодня может быть расценено скорее как факт историографии. Предположение В. В. Седова о приходе кривичей и ильменских словен из Средневисленского региона, хорошо известное благодаря авторитету крупного археолога, подвергнуто критике в современной археологической литературе; ср.: «Система археологической аргументации для обоснования западной гипотезы так и не была создана» при том, что «южная версия за последние десятилетия значительно укрепила фактологическую базу» (В. Я. Конецкий 1998). Наконец мы наблюдаем изменение взглядов А. А. Зализняка, который в последних своих трудах избегает упоминаний об особом родстве севернокривичского с севернолехитскими и лужицкими диалектами, ограничиваясь предположением «о ранней изоляции носителей прановгородскопсковского диалекта от остального славянства» (А. А. Зализняк 2003).

Разумеется, сколь бы логичны и стройны ни были этноисторические схемы раннеславянского освоения РСЗ, они с необходимостью должны быть верифицированы конкретными фактами, прежде всего лингвистическими. Остается актуальным требование переводить общую дискуссию «в план конкретного сравнительного анализа форм, этимологии слов и имен» (О. Н. Трубачев).

Проводимое мной исследование славянских топонимических древностей на территории средневековых Новгородской и Псковской земель (в основном в области пятин Великого Новгорода) во многих случаях учитывает широкий общеславянский фон имен и апеллятивов. В результате постепенно появляются ареальные обобщения исследуемого материала. Некоторые из выводов имеют отношение к проблематике раннеславянского заселения РСЗ.

Довольно многочисленные на РСЗ названия с различными приметами позднепраславянского и древнерусского времени (например, производные от древней композитной и префиксально-корневой антропонимии, от апеллятивов, забытых не только на РСЗ, но и в русском языковом пространстве вообще, названия с *j*-овым суффиксом, на *-ичи/-ицы* и т. д.) вплетены в сеть междиалектных и межъязыковых соответствий по всему славянскому миру. Для этноистории РСЗ преимущественно важны те новгородско-псковские названия, которые имеют

межславянские параллели, показывающие более или менее «читаемую» ареальную предпочтительность за пределами изучаемого региона.

Предварительная ареальная генерализация материала дает основания заключить, что в восточнославянском языковом пространстве славянская топонимическая архаика РСЗ находит наиболее частые и достоверные топоизоглоссы в восточной половине Белоруссии (Витебщина, Могилевщина, Гомельщина, восток Минской обл.), в примыкающих к Белоруссии западнорусских областях (Псковская, Смоленская, частично Брянская обл.) и на территории северной, особенно северо-западной Украины (правобережные притоки Припяти, верховья Днестра). Не менее высок уровень архаических топонимических схождений Новгородской землей с западнославянским пространством, взятом в широком охвате (Чехия, Словакия со словацкой топонимией Венгрии, Польша, серболужицане, поморско-полабские славяне).

Таким образом, на восточнославянской территории прослеживается широкая полоса повышенной концентрации раннеславянских топонимов, которая от Ильменя и Чудско-Псковского оз. тянется прямо на юг, затем поворачивает на юго-запад и запад, свидетельствуя о направлении самых древних и традиционных языковых связей РСЗ и обрисовывая преимущественные пути славянского проникновения на РСЗ из Галиции и Волыни по рекам Верхнего Поднепровья, главным образом по левобережным притокам Днепра. Судя по этой полосе, славяне распространялись на РСЗ не напрямую через земли балтов, а отчасти огибая массив плотного древнебалтийского населения в левобережье Припяти и в бассейне Немана. В сущности, исследование топонимических древностей на РСЗ дало подкрепление выводу, полученному в свое время благодаря изучению верхнеднепровской гидронимии, о том, что западная часть Верхнего Поднепровья лежала в стороне от основных магистралей восточнославянского продвижения (В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев 1962).

Кроме того, приблизительно такая же, хотя и более размытая, полоса вырисовывается на материале апеллятивных схождений. Так, было отмечено, что на восточнославянской территории намечается зона архаических изолексов, начинающаяся от той части Русского Севера, которая преимущественно связана с новгородской колонизацией, а затем проходящая через Псковщину, Белоруссию, Полесье до Карпат (Н. И. Толстой 1977). Проведенный мной анализ восточнославянских ареалов новгородской географической терминологии тоже раскрывает наиболее прочные лексико-семантические связи новгородских (центральноприильменских) говоров с говорами южной ориентации: южно-псковскими, западнотверскими, смоленскими, брянскими, а из белорусс-

ких — с витебскими и могилевскими, реже с центральными и северо-западными белорусскими (В. Л. Васильев 1995; 2001). Относительно территории Белоруссии ранее было констатировано на основе изучения лексики праславянского происхождения, что архаические языковые зоны в этой республике локализуются в восточной части этноязыкового ареала: это Восточное Полесье, а также Витебская зона, которая тесно прилегает к южнопсковской, образуя с ней некую локальную единицу (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, 1978, вып. 1, с. 4).

Существен вывод, который следует из анализа межславянских связей топонимической архаики РСЗ, — наличие многих древних схождений с украинской Волынью и Галицией при заметной слабости и вторичности связей с более северными областями западной Белоруссии (Гродненская, большая часть Брестской и Минской обл.). Это проявляется не только в относительной разреженности РСЗ-западнобелорусских схождений, но главным образом в том, что регион РСЗ обнаруживает немало двусторонних топонимических схождений именно с Галицией и Волынью (*Туховежи* — *Туховиж*, *Витенеж* — *Witoniz*, *Рамышево* — *Rameszkow*, *Збуж*, *Збудки* — *Збуж*, *Збудово*, *Пробужа* — *Probužna*, *Погвизд* — *Pogwizdowa* и др.), тогда как с Белорусским Западом специфические схождения отсутствуют. Еще больше тех названий РСЗ, которые объединяют Галицию и Волынь со всей обрисованной выше поясной зоной ранневосточнославянского расселения, но обычно минуют запад Белоруссии (*Порхов*, *Пирятино*, *Дорогини*, *Чернигово*, *Перенежье*, *Смолиговицы*, *Шнятин* и др.). Кроме того, топонимия Галиции и Волини почти всегда разделяет число тех многочисленных изоглосс, которые связывают пояс ранневосточнославянского расселения с западно- и южнославянскими областями.

Ранее уже писали о некоторых лексических параллелях между северо-западными русскими и прикарпатскими украинскими говорами (*жито*, *волошка*, *багно* и др., Н. И. Ашиток 1987). Более показательны волог. *песной* ‘песчаный’ и зап.-укр. (бойковск.) *пісниця* ‘неурожайная песчаная земля’, но особенно новг. *бердо* ‘холм’, ‘глубокое место’ и зап.-укр. *бердо* ‘скала’, ‘пропасть’, — этот горный термин безусловно мигрировал на РСЗ только с окрестностей Карпат.

Много архаических топоизоглосс объединяет РСЗ с западнославянским пространством, но нельзя забывать, что заметное количество архаических названий и апеллятивов связывает РСЗ (а следом за ним Русский Север) преимущественно или исключительно со Славянским Югом, особенно с западной его частью (словен., сербохорв.). Выразительны, к примеру, изолированные РСЗ-южнославянские, чаще словенские, топоизоглоссы: пск. *Невель*, новг. *Невль* — словен. *Mevlja*,

Nevljica, пск. *Идрица*, новг. *Едерка* — словен. *Idrija*, витеб. *Лисно* — словен. *Lisna*, витеб. *Днико* — словен. *Dnika*, пск. *Свибло*, твер. *Свибла* — словен. *Svibnik*, витеб. *Укля* — словен. *Ukva*, *Ukova*, новг., пск. *Пскова*, *Псковица* — хорв. *Pliskovica*, болг. *Плесков*, смол. *Велиж*, новг. *Велиже Поле* — хорв. *Velež* и нек. др. Выявлены десятки топонимов и апеллятивов, которые имеют более частые и территориально рассеянные параллели в восточно- и южнославянских областях, минуя западных славян. Среди них выделяется заметный слой географических названий и терминов, объединяющих преимущественно Русский Север и Северо-Запад прерывистыми связями со словенско-сербохорватской областью; иногда такие изоглоссы проявляются также в говорах северо-западной и западной Украины (*Жупаново*, *Видимирское*, *Городолюбское*, *Теребонь-жъе*, *Выползово*, *Пачки*, *Ракомо*, *Рачка*, термины *занога*, *дор*, *веретье*, *грем*, *пожня*, *печище*, *губа* и др.).

В целом межславянские связи топонимической архаики РСЗ, во-первых, предполагают южный путь проникновения первых славян к оз. Чудско-Псковскому и Ильмень, во-вторых, отсылают к широкому центру позднепраславянских миграций (точнее — к восточной части этого центра), сложившемуся к сер. I тыс. н. э. и археологически представленному Пражско-Корчакской культурой (от Эльбы на западе до правобережья Днепра на востоке и от Припяти и среднего течения Вислы на севере до Карпат и Дуная на юге).

Карпатські топоніми з основою *желемен-*, *зелемен-* / *зелемін-* у давньоєвропейському онімному контексті

С. О. Вербич
Київ

В історії Карпатського регіону переплетені різні етнічні елементи доісторичної та історичної доби. Дослідники вказують на особливу роль в етнічній історії вказаного регіону фракійського населення. Зокрема, М. В. Сергієвський зауважує, що ще за 1200 р. до н. е. всю територію на північ від Дунаю і далі на схід до Дністра й північних схилів Карпат займали фракійці (Сергиевский 6). Чимало пам'яток, які пов'язані з фракійцями, зосереджено в бас. Верхнього Дністра (Кошка 155). Саме в цьому регіоні відбувалися активні контакти праслов'ян і фракійців (Климчук 22), що, безперечно, не могло не відбитися на місцевому топоніміконі. У пропонованій статті розглянемо один із можливих фактів таких мовних контактів.

Назва пот. *Желемєнів* (пр. Брязи п. Сукелю л. Свічі п. Дністра; Івано-Франківськ. обл. (СГУ 194); пол. *Żelemeńiów*; колишній Долинянськ. пов.; SG XIV, 772) локалізована в прикарпатській частині Середнього Дністра. З огляду на структуру назви, а також географічне розташування гідронім *Желеменів* доцільно аналізувати в колі таких споріднених назв, як р. *Желем'янка* (п. Опору п. Стрию п. Дністра; між рр. Кобилець і Дерешин; с. Тухля Сколівськ. р-ну Львівськ. обл.; СГУ 194), вона ж *Зелем'янка* (пол. *Żelemianka*; SG XIV, 568), ороніми *Żelemianka* — гірський хребет на правому березі Опору, *Żelemin* — гірський щит у складі хребта *Żelemianka*, *Żelemianka* — гірське пасмо в Східному Бескиді, *Żelemin* — гора в пасмі *Żelemianka* (SG XIV, 568—569). Зазначені топоніми, за свідченням доступного нам матеріалу, не мають відповідників у інших слов'янських регіонах. Не вдалося віднайти і спорідненої апелятивної лексики, що, з одного боку, однозначно свідчить про архаїчний характер топонімної основи *Желемен-*, *Желем'ян-* / *Зелем'ян-*, *Желемін-* / *Зелемін-*, а з другого — дає попередні підстави для припущення про можливий неслов'янський характер зазначених структур. У цьому разі лише ґрунтовний етимологічний аналіз топонімів на *Желемен-*, *Желем'ян-* / *Зелем'ян-*, *Желемін-* / *Зелемін-* дозволить з'ясувати структурно-семантичні зв'язки в складі їхніх основ. Порівняння формальної структури назв *Желеменів*, *Желем'янка*, *Зелем'янка* дозволяє чітко виокремити основи *Желемен-*, *Желем'ян-*, *Зелем'ян-*, розширені пізніше формантами *-ів* і *-ка*. Про первинний характер цих основ свідчать споріднені назви *Желемін*, *Зелемін* без такого суфіксального нарощення. Щодо, на перший погляд, різної фонетичної структури вказаних топонімів, то з цього приводу не бачимо перешкод для того, щоб їх пов'язувати один з одним. Вважаємо, що їх можна кваліфікувати як варіанти однієї назви з огляду на діалектну зміну *ж* / *з*, засвідчену як у слов'янських (пор., наприклад, гідронім *Жеремянка* — бас. Німану й *Зеремянка* в бас. Тетереvu, які спеціально пояснюють як взаємопов'язані; Трубочев 253), так і в неслов'янських мовах (наприклад: лит. *želmuo* 'рослина, пагін', латв. *zelme* 'зелена трава'; Duridanov 33). Звукова розбіжність компонентів *-мен-*, *-м'ян-*, *-мін-* зумовлена тривалою еволюцією архаїчного суф. **-men-* на слов'янському ґрунті, пор. відповідно вже згадані гідронім *Зеремянка* і мікротопоніми *Зереминь*, *Зеременище* (Житомирськ. обл.), які розвинулися на основі спільного псл. **zermę* < і.-с. **ger-* / **g'er-* 'крутити, вертити, гнути' (Карпенко 46) чи **zermę* (Трубочев 121). Відповідно до наведеного матеріалу аналізовані *Желемен-*, *Желем'ян-*, *Зелем'ян-*, *Желемін-*, *Зелемін-* розглядаємо як структури з кореневим *жел-* / *зел-* і суфіксальним *-мен-*, *-м'ян-*, *-мін-*. Щодо етимологізації кореневого *жел-* / *зел-*, то тут, на нашу думку, варто

залучити формально споріднені інослов'янські факти на зразок лит. гідронімів *Želmena*, *Želmenys*, фрак. топоніма *Zilmissus* — назва горба (Duridanov 33). Дослідники не одностайні щодо конкретного етимона зазначених назв. З одного боку, корені *Žel-*, *Zil-* пов'язують з лит. *želtuo* 'молода трава; рослина, пагін', *želti* 'виростати', а з другого — безпосередньо з і.-є. **g'el-* 'блистити, сяяти' (Vanagas 399). У контексті такого пояснення важче визначити мотиваційну ознаку для гідроніма й дещо простіше для ороніма. До речі, гідронім *Желем'янка* (*Зелем'янка*) вторинний щодо однойменного гірського хребта (SG XIV, 568—569). Відповідно номінацію тієї чи іншої реалії могло визначати етимологічне гніздо і.-є. **gel-* / **g'el-* (на слов'янському ґрунті дало **žel-*, **žyl-*) 'різати, сікти' (Walde I, 612, 621, 625) або **gel-* 'стискати, здавлювати' (Schuster-Šewc 23, 1802). Складники *-мен-*, *-м'ян-*, *-мін-* в основах *Желемен-*, *Желем'ян-* / *Зелем'ян-*, *Желемін-* / *Зелемін-* є континуантами псл. **-mę* < і.-є. **-men-*. Фонетична варіація зазначених *-мен-*, *-м'ян-*, *-мін-* не є рідкісним явищем на слов'янському ґрунті, пор., наприклад, назву р. *Тисьмениця* і її варіант *Тисьмяница*, гідронім *Тясмин* і його варіант *Тясьмень* (СГУ 565, 567) < псл. **těskmenъ* / **těsmenъ* (Карпенко 1999, 56—57). Таким чином, топонімооснови *Желемен-*, *Желем'ян-* / *Зелем'ян-*, *Желемін-* / *Зелемін-* можна етимологізувати як праслов'янські регіоналізми **želmę* / **zelme*, **želmen-* / **zelmen-*, що мають, імовірно, генетичний зв'язок зі згаданими лит. *Želmena*, *Želmenys*, фрак. *Zilmissus*. Зауважимо, що структурний компонент *zelm-* непоодиноким у фракійських онімах, пор. відповідно фрак. антропонім *Dala-zelmis* (Нерзнак 32). О. М. Трубачов, Ф. Безлай і Ф. Рамовш свого часу вказували на те, що ті чи інші праслов'янські форми зі спорідненою структурою (зокрема, із суф. **-men-*) могли розвинутися на субстратному ґрунті. Пор., наприклад, дніпровський гідронім *Телемень*, слвн. *Tolminka* < псл. **tълmen-*, **tълmунъ* / **tълmунъ* з імовірними кельтськими генетичними зв'язками (Трубачев 232). Існує й власне слов'янська версія генези гідроніма *Товмень* та споріднених назв, яка підкріплена значним слов'янським фактичним матеріалом (Козлова 101—104).

На основі етимологічного аналізу топонімів *Желеменів*, *Желем'янка*, *Зелем'янка*, *Желемін*, *Зелемін* припускаємо ймовірний зв'язок псл. **želmę* / **zelme*: **želmen-* / **zelmen-* із фракійськими основами на *zilm-*, *zelm-*. З іншого боку, фіксація певної лексеми лише в одній слов'янській мові, але за наявності споріднених фактів у неслов'янських може свідчити якраз про явище праслов'янського діалектного рівня.

Литература

Карпенко 1994 — *Карпенко О. П.* З гідронімії Середнього Полісся // Мовознавство. — 1994. — № 6. — С. 45—53.

Карпенко 1999 — *Карпенко О. П.* Гідронімні етимології: *Тясмин* // Восточноукраинский лингвистический сборник. — Донецк, 1999. — С. 52—59.

Климчук — *Климчук Ф.* Границы славянского мира // Поліські зворини: Зб. пам. проф. М. В. Никончука. — Житомир, 2007. — С. 18—41.

Козлова — *Козлова Р. М.* До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра // Ономастика України та етногенез східних слов'ян / Відп. ред. І. М. Желєзняк. — К., 1998. — С. 93—104.

Нерознак — *Нерознак В. П.* Принципы исследования палеобалканской ономастики // Историческая ономастика. — М., 1977. — С. 27—48.

Сергиевский — *Сергиевский М. В.* Молдавско-славянские этюды. — М., 1959.

СГУ — Словник гідронімів України / Ред. кол. А. П. Непокупний, К. К. Цілуйко, О. С. Стрижак. — К., 1979.

Трубачев — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М., 1968.

Duridanov — *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. T. I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. — Sofia, 1969.

Kočka — *Kočka W.* Zagadnienia etnogenezy ludów Europy. — Wrocław, 1958.

Schuster-Šewc — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. — Bautzen, 1977—1988. — H. 1—22.

SG — Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. — Warszawa, 1880—1895. — T. I—XIV.

Vanagas — *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. — Vilnius, 1981.

Walde — *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. — Berlin und Leipzig, 1927—1930. — Bd I—II.

Южный цивилизационный вектор в отечественной истории

М. Н. Громов
Москва

Историю Руси и России, особенно эволюцию отечественной культуры, часто сравнивают путём соотнесения с ходом развития западной цивилизации. Если к этому добавит тяготение интерпретаторов,

в частности, евразийцев, к Востоку, то возникает общеизвестная схема Запад-Россия-Восток, где отдельным частям обозначенной триады придаётся определённое акцентированное значение. Однако эта прогегелевская схема носит характер, упрощающий ход реальных событий, ибо в неё не вписываются многие факты отечественной истории. Так, становление древнерусской государственности связано с северным варяжским фактором, а генезис отечественной культуры происходил при активном участии южного цивилизационного воздействия.

Вместо шаблонной стереотипной схемы Запад-Россия-Восток требуется создание более сложной теоретической модели многофакторного и многовекторного взаимодействия Руси-России с окружающим миром как в прошлом, так и в настоящем времени. В этом плане важно учесть многовековое воздействие южного цивилизационного вектора на восточное славянство, Древнюю Русь и Россию. Оно началось в незапамятные времена и осуществлялось в значительной степени через древнегреческие города-государства Причерноморья. После крещения Руси началось интенсивное проникновение византийской христианской культуры, которая оказала важнейшее формообразующее и сущностное влияние на древнерусское общество.

Особую роль в этом процессе играла Таврида, ныне называемая тюркским наименованием Крым. Этот стратегически важный полуостров стал связующим звеном, плацдармом, мостом между восточносредиземноморской ойкуменой, где издревле существовали древнейшие развитые цивилизации, взаимодействовавшие друг с другом, и восточно-европейским лесостепным пространством, населённым племенами с архаическим уровнем развития.

Для греков, римлян, византийцев этот край был пограничной зоной их миров, северо-восточным углом античной цивилизации, местом ссылки и столкновения с варварами, своего рода «эллино-римской Колымой», где на тяжёлых работах в каменоломнях надрывались каторжники и гонимые первые христиане, среди которых мы вспоминаем прежде всего мученика Климента папу Римского.

Но «пределом ведомых стран», по словам Максимилиана Волошина, воспевшего Тавриду как выжженную солнцем Киммерию, эта земля была для южных народов. Для северных восточнославянских и иных племён, для Древней Руси, для Российской империи, да и для нас сейчас, Таврида была и остаётся окном в средиземноморские цивилизации, местом встречи с великой эллинской культурой, началом приобщения к вечным ценностям православия, ибо здесь протекала одна из миссий святых равноапостольных просветителей Кирилла и Мефодия, именно здесь принимал святое крещение великий киевский князь Владимир.

После османского завоевания Византии и Балкан к середине XV века было почти полностью пресечено доминирующее благотворное воздействие южного цивилизационного вектора, хотя эпизодические путешествия и паломничества на Афон, Святую Землю и другие места, подвластные Порте, продолжали осуществляться. Московская Русь вынуждена была развернуться лицом к латинскому Западу. Началось возрастание, а затем и доминирование латинского западного цивилизационного вектора в нашей истории, продолжающееся до сего дня.

Однако южное направление всегда было и будет притягательным для России. После успешных войн и овладения землями Северного Причерноморья в XVIII веке, своего рода «православной Реконкисты», сходной с освобождением Испании от мавританского владычества, начинается не только экономическое и политическое, но и культурное, духовное, цивилизационное освоение Новороссии с изучением, возрождением и культивированием очагов греко-римской и особенно византийской культуры. Максимилиан Волошин это прекрасно понимал и видел особую роль Киммерии и Тавриды для отечественной истории и культуры как связующего моста между народами Восточной Европы и Средиземноморья. Он сам был не только порождением и отражением этого края, но и его воссоздателем. Изучая памятники прошлого, поднимая пласты ушедших времен, он создал в Коктебеле своего рода «историко-культурно-природный оазис», называемый ныне заповедником. В свой дом он приглашал друзей со всего света небескорыстно. Ему не нужна была материальная выгода, ему нужна была духовная польза, сотворчество на благо Коктебеля, культивирование этого уникального уголка Тавриды, создание, если угодно, своеобразного «мифа о Коктебеле». Здесь произошла удивительная по своей значимости и последствиям встреча творчески одаренного человека и древней земли, готовой открыть свои тайны для благого дела. Коктебель стал не только одним из самых интересных очагов отечественной и европейской культуры (так полагал, в частности, Андрей Белый), но и возрожденным уголком средиземноморской цивилизации. В этом сокрыта одна из причин его притягательности.

Для северянина приезд к теплому морю, погружение в морскую стихию, эстетическое ею любование, мысленное продолжение взгляда в далекие южные страны есть один из способов приобщения к великим приморским цивилизациям, а не просто расслабляющий отдых курортного типа. Волошин великолепно осознавал это возвратное стремление к югу своих северных сотоварищей, поскольку

«Сотни лет мы шли навстречу выюгам
С юга вдаль — на северо-восток».

В написанном в 1920 году стихотворении «Северо-восток» поэт создает впечатляющий образ «выстуженного северо-востока», где свирепствует «ветер обнаженных плоскогорий, ветер тундр, полесий и поморий», где суровая природа сформировала суровые условия социального бытия. Жестокая природа, жестокая история, жестокие нравы — без этого нельзя понять Россию и ее судьбу. Не рассудочно, но всем пылом своей страдающей души Волошин как поэт, историк и мыслитель рисует ужасающую в своей неприкрытой сути многовековую поступь череды поколений, стоически выносящих «быль царей и явь большевиков».

Максимилиан Волошин в историософском размышлении о судьбах России приближается к пониманию максимализма и гипертрофированной веры в великие идеи нашего народа, столь удивляющие рациональный и прагматичный западный ум. Без максимального напряжения сил, без полной веры в благополучный исход, без стойкого противостояния жестоким стихиям и бесконечного терпения не смогли бы выжить ни Россия, ни ее народ, ни тем более невозможно было создать великое государство и великую культуру.

Свитое им теплое гнездо на благодатном берегу Тавриды отогревало иззябшие и уставшие души его сородичей, неутомимо сражавшихся на продуваемых всеми ветрами просторах холодного Русского Севера. И, отогревшись, они, по словам другого поэта, снова бросались в «вечный бой», где «покой нам только снится». Переживавший крушение империи, кровавую вакханалию гражданской войны, гибель и страдание миллионов людей, он не потерял веры в Божественный промысел:

Нам ли весить замысел Господний?
Все поймём, всё вынесем любя, —
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий бич, приветствую тебя! ¹

Многое можно вспомнить, находясь в Крыму: и ладьи киевских дружин, направлявшихся к Константинополю, и запорожских казаков, освобождавших своих соотечественников с невольничьих рынков Кафы, и героев русско-турецких войн, и наших прославленных адмиралов, и легендарный Севастополь, и просветителя края святого Иннокентия (Борисова), и святых православной цивилизации, которые манили наших предков переплыть синее море, как влекли они равноапостольную

княгиню Ольгу к сказочному Царьграду. Мы не должны забывать об истоках нашей культуры, о том, где они находились, о том, откуда к нам пребывали утончённые дары цивилизаций восточно-средиземноморской ойкумены.

Примечания

¹ Волошин Максимилиан. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 132—133.

Труды В. И. Григоровича по проблемам Северного Причерноморья в одесский период его деятельности (1865-1876)

*М. Ю. Досталь
Москва*

Известный филолог и историк-славист В. И. Григорович (1815—1876) принадлежал к славной когорте первых российских университетских славистов. После окончания Харьковского, а затем Дерптского университетов он в 1838 г. получил приглашение занять кафедру истории и литературы славянских наречий в Казанском университете. Опираясь на труды П. И. Шафарика и других европейских славистов, он подготовил и защитил магистерскую диссертацию «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» (1843). Только после защиты он смог предпринять длительную командировку в славянские земли (1844—1847), посетив, наряду с Хорватией, Черногорией, Чехией и Словакией, в частности, те земли славян Балканского полуострова, находящиеся под властью Турции, в которых не смогли побывать его университетские коллеги (Константинополь, Солунь, Афон, Македония, разные районы Болгарии и пр.). Из опасного путешествия, красочно описанного в книге «Очерк ученого путешествия по европейской Турции» (1848), он привез ряд уникальных памятников славянской письменности. Вернувшись в Казань, он продолжил преподавание на кафедре славистики и свои исследования проблем древнеславянского языка и истории, главным образом, южных славян, предпринимая неудачные попытки издания привезенных рукописей.

В 1865 г. в Одессе открылся Новороссийский университет, о необходимости создания которого много ратовал В. И. Григорович. Он и возглавил там кафедру славяноведения. Одесский период его деятельности был весьма плодотворен. В университете он читал последовательно на 1—4 курсах «Краткое обозрение главных черт древнеславянского языка», «Обозрение славянских языков и народов», «Славянские

древности», «История славянских литератур» и др. Многие из них впоследствии были изданы благодарными слушателями.

Главными темами научных работ В. И. Григоровича этого периода были: Византия и ее отношение к славянам, судьбы славянства на Балканском полуострове, археология, история, этнография и география юга России (Северного Причерноморья). Все эти труды издал в 1916 г. М. Г. Попруженко в однотомнике «Собрание сочинений В. И. Григоровича». Как искренний поборник славянской культурной взаимности, он выступил одним из создателей Одесского Славянского благотворительного общества (1870), был его первым ученым секретарем, ощутимо помогал сербам и болгарам в Одессе в издании книг и пр., на деле способствуя развитию русско-славянских связей.

Следует отметить, что В. И. Григорович как истинный патриот сознавал важность комплексного исследования юга России для общероссийской истории, всегда пытаясь найти здесь славянские и русские корни.

Предприняв несколько ученых путешествий по Северному Причерноморью, он выработал целую программу научного исследования края. В центре его внимания закономерно оказался древний Херсонес, богатый своей историей и археологическими древностями. Будучи средоточием многих народов (греков, хазар, славян и др.), этот город привлекал его, прежде всего, известиями о посещении этих мест славянскими просветителями Кириллом и Мефодием в 862 г. Ученый, опираясь на редкие свидетельства источников, выдвинул гипотезу о том, что они познакомились здесь с особой полиэтнической грамотой, названной им *пазиграфией* (имевшей черты рун, семитических грамот и древнейших греческих письмен), на основе которой, они, дескать, впоследствии разработали славянскую письменность (глаголицу) ¹. Совпадение пребывания апостолов в Херсонесе с официальной датой образования Русского государства он считал важнейшим аргументом в пользу его начала не с варягов, а с «благовестия» на юге России.

Важность изучения Херсонеса представлялась В. И. Григоровичу и в его значении как оплота православия ², как свидетельства о непрерывных взаимосвязях с Россией и место крещения св. равноапостольного великого князя Владимира и пр.

В преддверии Второго археологического съезда в С.-Петербурге (1871) он, аргументируя историческую важность изучения древностей Херсонеса и Севастополя, предложил организовать систематические археологические экспедиции по исследованию Тавриды от окраин Херсонеса, Севастополя, «Успенского скита и Мангупа до Икермана и до Балаклавы», силами ученых Новороссийского университета и Одесского

общества истории и древностей³. Эти заветы В. И. Григоровича по существу были выполнены в советское время. На основании многочисленных раскопок в Херсонесе создан и существует богатый своими разнообразными коллекциями Историко-археологический заповедник «Херсонес».

В. И. Григорович также выступил одним из основоположников изучения болгарских колоний в Северном Причерноморье, предприняв инспекционную поездку по изучению деятельности народных школ. В своем «Донесении» он указал названия болгарских сел, состав их населения и сведения, из каких областей Болгарии происходили переселенцы⁴. Эти работы были продолжены академиком Н. С. Державиным в начале XX в., а позднее, после 1945 г., экспедициями под руководством С. Б. Бернштейна и закончились составлением уникального «Атласа болгарских говоров в СССР» (1958).

Нельзя не упомянуть также об усилиях В. И. Григоровича по организации Архива южнорусского края⁵ и привлечение им внимания к изучению картографических материалов в военно-ученом архиве Главного штаба⁶.

Таким образом, мы можем говорить о неоценимом вкладе В. И. Григоровича в комплексное изучение Северного Причерноморья, начинателем которого он по существу выступал.

Примечания

¹ Григорович В. И. Заметки о Солуни и Корсуне по поводу непорешенного вопроса. Одесса, 1872. С. 9.

² Григорович В. И. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Сочинения В. И. Григоровича. Одесса, 1916. С. 1—11; Он же. Записка антиквара о поездке его на Калку и Каллиус, в Корсунскую землю и на южное побережье Днепра и Днестра. Одесса, 1874.

³ Григорович В. И. По поводу археологического съезда в С.-Петербурге // Сочинения В. И. Григоровича... С. 196—201.

⁴ Григорович В. И. Донесение об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и о болгарских народных училищах в Бессарабии, представленное Попечителю округа // Там же. С. 118—145.

⁵ Доклады В. И. Григоровича по вопросу об учреждении центрального южно-русского архива // Там же. С. 262—265.

⁶ Григорович В. И. Записка о пособиях к изучению южно-русской земли, находящихся в военно-ученом архиве Главного штаба // Там же. С. 376—423.

Этимология есенинского поэтического слова *кутомарина*

А. А. Дудин
Рязань

В есенинской «Песни о Евпатии Коловрате» немало «тёмных» слов. «Песнь...» воспроизводится во всех собраниях сочинений Есенина и отдельных сборниках (не считая совсем кратких подборок стихотворений). Однако комментарии к лексике «Песни...» весьма кратки и не соответствуют сложности поэтического языка этого произведения (даже в новом полном академическом собрании сочинений Есенина¹). Так как лингвистическое комментирование текстов большого поэта — занятие полезное и интересное, обратимся к одному «тёмному» слову из «Песни...» — *кутомарина*.

Слово *кутомарина* употреблено в следующем контексте: *Щебетнули звёзды месяцу: / «Ой ты, жёлтое ягнятище! <...> // Подыми-ка глаза-уголья / На рязанскую сторонушку / Да позарься в кутомарине, / Что там движется-колышется?»*. В первой редакции — более полной, но менее известной читателю — слово имеет другой суффикс: *«Ай ты, Божие ягнятище! <...> // Подыми-ка глаза-уголья / На святую Русь крещёную, / Да позарься в кутомарии, / Что там горами ерошится?»*.

Слово *кутомарина*, на наш взгляд, можно объяснить только как суффиксальное образование от названия одной из тюрем Нерчинской каторги — Кутомары, Кутомарской тюрьмы. Тюрьма же получила название по местному, восточносибирскому гидрониму Кутомара (ныне Читинская область). Наибольшую известность Кутомарская тюрьма получила в августе — октябре 1912 г., когда среди политических заключённых кутомарской и алгачинской каторжных тюрем произошли массовые голодовки и самоубийства. Откликом на эти события были забастовки-протесты рабочих и сходки студенчества в Петербурге, Москве и Варшаве. В. Н. Фигнер писала: «Название *Кутомары*... обошло всю Европу»². Кутомара упоминалась в политической пропаганде, например, в прокламации «Ко всем рабочим и работницам России!», посвященной восьмой годовщине 9 января 1905 г.: «И теперь, как раньше, в царских тюрьмах пытаются и издеваются над лучшими сынами народа, доводя их до массовых самоубийств — как то было недавно в Кутомаре, Алгачах и т. д.»³. Название тюрьмы должно было быть хорошо известно Есенину⁴. В 1912 — начале 1914 гг. поэт по-юношески нетерпимо относился к общественно-политическому строю России. Есенин откликнулся на Ленские события⁵, позднее сблизился с социал-демократически настроенными рабочими Сытинской типографии, распространял запрещённые издания, находился под негласным наблюдением охраны⁶.

Первая же редакция «Песни о Евпатии Коловрате» была, по-видимому, создана в конце 1914 г.⁷ Таким образом, становится ясной мотивированность значения слова *кутомарина* (*кутомария*): расширение локуса с негативной оценкой посредством апеллятивации и суффиксации. Негативность ясно проявляется далее в тексте «Песни...»: в кутомарине *текут кровь сугорами, / Стонут пасишны пажити, / Разыгрались злы татаровья, / Кровь полониками черпают*. Отметим также, что сам фонетический облик слова способствует возникновению негативных коннотаций, а именно — созвучие со словом *кутерьма* и наличие консонантного комплекса *м-р*. На слова с таким комплексом и с явными негативными коннотациями неоднократно обращал внимание А. Н. Афанасьев своих «Поэтических воззрениях славян на природу»⁸, которые сильно повлияли на поэзию Есенина и поэтику «Песни о Евпатии Коловрате».

Примечания

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / Подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. М., 1997. С. 456—461.

² Фигнер В. Н. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. М., 1933. С. 395. (Электронный вариант: http://az.lib.Ru/f/figner_w_n/text_0100.shtml)

³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 266.

⁴ Отметим также, что топоним Нерчинск как обозначение каторги встречается в есенинской поэме «Анна Снегина»: *Но с тою же важной осанкой, / Как некий седой ветеран, / <Лабутя> Хрипел под сивушной банкой / Про Нерчинск и Турухан: / «Да, братец! / Мы горе видали, / Но нас не запугивал страх...»*.

⁵ Дроздов В. А. Формирование мировоззрения молодого Есенина и Ленские события 1912 года // Современное есениноведение, 2004, № 1. С. 61—67.

⁶ По-видимому, все свидетельства об этом периоде жизни Есенина лаконично представлены в: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. В пяти томах. Т. 1. 1895—1916. М., 2003.

⁷ В 1918 г. Есенин при публикации датировал «Песнь...» Великим постом 1912 г. Однако эта датировка давно вызывает обоснованные сомнения. См., напр.: Субботин С. И. К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни о Евпатии Коловрате» // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II. М., 1995. С. 66—67.

⁸ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. [Репринт] Т. 1. С. 100—101. Современный лингвистический комментарий: *Журавлёв А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005. 80—81.

Эволюция рефлексов праславянской корневой морфемы *bēg- в древнерусской микрогруппе глаголов перемещения в пространстве

Г. В. Егорова
Волгоград

Изучение становления и развития глагольных образований с корневой морфемой *bēg-, широко представленных в текстах древнерусской письменности, позволяет дать более глубокое и целостное описание функционально-семантических парадигм микрогруппы глаголов перемещения в пространстве **бѣгати**, **бѣѹи**, **бѣжати**, **бѣгнуѹти**, которая в результате изменений сохранилась в современном русском языке как двучленное противопоставление бегать — бежать. В исследовании использована классификация, предложенная С. П. Лопушанской, которая учитывает эволюцию соотношения претеритальных (O₂) и презентных (O₁) основ по признаку их равенства / неравенства в праславянском, древнерусском и современном русском языках (Лопушанская 1975: 68—80; 1990: 23—29).

В результате анализа соотношения глагольных основ древнерусской микрогруппы глаголов перемещения с корневой морфемой *bēg- установлено сходство характера противопоставленности основ у глаголов II класса **бѣгати** и **бѣжати** (неравенство претеритальной и презентной основ):

бѣгати — O₂ **бѣга** — ≠ O₁ **бѣгај** —

бѣжати — O₂ **бѣжа** — ≠ O₁ **бѣж** —.

При этом у ненаправленного глагола **бѣгати** выявлена четкость и устойчивость противопоставления претеритальной и презентной основ в праславянском, древнерусском и современном русском языках; у направленных глаголов **бѣѹи**, **бѣжати**, **бѣгнуѹти** обнаруживается неустойчивость противопоставления претеритальной и презентной основ в процессе эволюции.

Древнерусские глаголы **бѣѹи**, **бѣжати**, **бѣгнуѹти** и их приставочные образования, имея функционально-семантическую общность, проявлявшуюся на лексико-грамматическом уровне в выражении

направленного действия, обнаруживают при этом следующие различия. В плане выражения: отнесенность по признаку равенства / неравенства претеритальной и презентной основ к различным классам и формообразовательным позициям (**бѣѹи** — I класс, 1 позиция; **бѣжати** — II класс, 9 позиция; **бѣгнуѹти** — III класс, 5 позиция). В плане содержания данные глаголы, имея общий доминирующий признак — направленность действия, выражали также дополнительные признаки — различные степени длительности, кратности, становление признака, состояния, тем самым они взаимодействовали друг с другом на функционально-семантическом уровне.

В ходе эволюции направленных глаголов утрачивается парадигма глагола **бѣѹи**, существование которого подтверждается рядом фактов древнерусского языка, а также живых славянских и литовского языков (в современных же диалектах обнаружена полная парадигма глагола бечь), утрачиваются бесприставочные образования глагола **бѣгнуѹти**, тогда как его приставочные образования в современном русском языке используются для выражения переносных значений; постепенно формируется контаминированная парадигма глагола **бѣжати** как разноспрягаемого и двувидового.

Глагол **бѣгати**, будучи маркированным по таким лексико—грамматическим признакам, как ненаправленность и длительность действия, становится семантически более ёмким, выражая и повторяющееся действие, и длительное, и значение перемещения в пространстве в разных направлениях, при этом в контекстах, лишенных пространственной ориентации, глагол широко развивает переносные значения. В результате глагол **бѣгати** становится основным компонентом в процессе формирования двучленного противопоставления глаголов II класса бегать — бежать.

Проведенный нами комплексный анализ древнерусских глаголов перемещения в пространстве с корневой морфемой *bēg- дал возможность выявить структурно-семантические и функциональные изменения в данной микрогруппе глаголов и объяснить причины преобразования четырехчленного древнерусского противопоставления **бѣгати** / **бѣѹи**, **бѣжати**, **бѣгнуѹти** в двучленное противопоставление бегать — бежать в современном русском языке.

Литература

Лопушанская 1975 — Лопушанская, С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке / С. П. Лопушанская. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1975.

Лопушанская 1990 — *Лопушанская, С. П.* Развитие и функционирование древнерусского глагола: Учебное пособие / Волгогр. гос. ун-т. / С. П. Лопушанская. — Волгоград: Изд-во ВПИ, 1990.

Историческая топонимия херсонщины

И. В. Ефименко
Киев

В процессе работы над «Историко-этимологическим словарем ойконимов Херсонской области» нас заинтересовал населенный пункт *Тягінка* — село в Бериславском р-не (АТУУ-2007). В исторических хрониках он известен с конца XV ст. как турецкая крепость *Тягинь*: 1491 г., «...збудували фортецю *Тягинь*, де тепер село *Тягинка*» (Яворн. 1, 322). С начала XVII ст. это селение упоминается уже под именем *Тегинка*, ср.: 1627 г., «...пала в Днепр речка *Тегинка*, а у *Тегинки* на устьє с нижные стороны на Днепре городище» (КБЧ 112); 1660 г., городище *Tehinka* (Вавринич 499). Этот же ойконим на страницах летописи С. Величко засвидетельствован в 1697 г. как городище *Тягинское* (Величко III, 481). В украинских лексикографических источниках XIX в. зафиксирована форма *Тягіння* «город, ныне селение в Херсонском уезде, между рекою Ингульцем и гор. Бериславом» (Пискун. 262). Известно, что *Тягинка* подвергалась неоднократным нападениям и разорениям, восстанавливаясь вновь (ГП 231). Современное поселение возникло в 1778 г. на месте старого турецкого городища, когда Потёмкин принялся заселять здешние места (ГП 231; ІМіС 190).

Исторические документы также упоминают о речке *Тягинке*, в устье которой расположен одноименный населенный пункт, ср.: 1742 г., «поехаль к речкѣ *Тягинкѣ*, при которой были запорожские зимовники» (АКНЗ 2, 230); XVIII в., «близ устья речки *Тягинки*» (Яворн. 3, 69).

Ойконим и гидроним *Тягинка* неоднократно привлекали внимание исследователей, о чём свидетельствуют существующие версии о его происхождении. В частности, О. Н. Трубачев предполагал связь этого ойконима с бывшим автохтонным населением Северного Причерноморья — индоарийцами (см.: Трубачев 283—284). Известна также тюркская гипотеза возникновения этого названия (см.: Эварн. 127; Масенко 174). О. П. Карпенко относит его к субстратным образованиям, отмечая при этом, что «история Тягинского городища, безусловно, давняя и поэтому имеет много сомнений и противоречий» (см.: Карпенко 8—16).

На наш взгляд, анализируемый ойконим *Тягинка* нельзя рассматривать изолировано от старого названия молдавского города Бендеры на

Днестре, часто встречающегося в документах и народных песнях как *Тягѣнь*, *Тягиня*, *Тягина*, *Тягиния*. Ср., например: XV в., *Тегина* (*Тигина*) (ССМ 2, 425); XVI в., *Тягиня* («под *Тягиню*») (ЛС 339); *Тегинский* («замокъ *Тегинскій*») (там же 341); *Тегиння* («...а ниже Орыги 20 верст город *Тегиння*») (КБЧ 112); XVII в., *Тягиня* («в *Тегинію*») (ЛС 181); *Тягин* («вторгнули подъ *Тягинъ*») (Величко III, 179); XVIII в. «город *Тягин*» (Яворн. 2, 43); XIX в., *Tehinia*, *Teahinia* (SG XII, 277), *Тягѣнь* (Желех. II, 997; Б. Э. 337).

В исторической литературе высказываются предположения, что этот город основали придунайские славяне (племена тиверцев или уличей), заселявшие территорию верхнего Днестра с IX ст. По свидетельству Константина Багрянородного в I пол. X в. на Днестре было шесть русских городов, в том числе Тунгалы (*Тягинь* или Бендеры) (см.: Бессараб. 27—28). Старинный *Тягинь* входил в состав Киевской Руси, но уже в XII в. был завоёван генуэзцами и оставался в их власти вплоть до завоевания его турками. Сказанное даёт нам основание допускать связь русского города *Тягинь* на Днестре и поселения *Тягинка* на Херсонщине как возможного перенесенного названия.

Исходя из исторических фиксаций, мы предполагаем, что ойконим *Тягинка* структурно осложнён вторичным -к- от первоначальной формы *Тягинь*. Относительно потенциальности последней ср., например, ойконимы *Тегинь* (<http://www.ru-school.ru>), *Тегинка* (<http://www.rusiapost.ru>) в Краснодарском крае России, *Тягинский* в бывшей Вятской губ. (Vasmer RGN IX, 249), гидроним *Тегинь* на Кубани (Б. Э., XXXII, 757), укр. (производные) антропонимы *Тягиненко* и *Тягинчѣнько* (Джерела 229, 61). К родственным, очевидно, следует отнести польский ойконим *Ciążyń* (Rymut II, 117).

Форма *Тягинь*, на наш взгляд, относится к архаической суффиксальной модели на -инь (< *унь), сохранившейся преимущественно в составе онимной лексики (см.: Шульг.; Шульгач). С точки зрения образования анализируемый ойконим — лексико-семантическое производное от апеллятива **tęgunь*, реконструируемого на базе д.-р. *tlagynja* ‘тяжесть’ (Срезн. III, 1099), блр. *цягиня* ‘тяжесть’ (Насовіч 694), слвн. *teginja* ‘1. трудность, неприятность; 2. слабость, головокружение’ (SSKJ V, 41).

В свою очередь, апеллятив **tęgunь* и соответствующий ойконим деривационно связаны с псл. **tęg*, **tęga* > **Tęgъ*, **Tęga*, для восстановления которых имеются следующие факты: на онимном уровне — рус. ойконим *Тяга Старая* в бывшей Московской губ. (Vasmer RGN IX, 249), слвн. (производный) ойконим *Tehovec* (I.m. 433), блр. гидроним *Teha* в бывшей Минской губ. (SG XII, 277); антропонимы: укр. *Тяга* (АЮЗР VII, 1, 606;

Горп. 279), пол. *Ciąg* (Rymut I, 92) > нп *Ciągowice* (NMP II, 116), чешск. *Taha* (ЧП 557), болг. *Tègo*, XII в. (Займов 216); на апеллятивном уровне — д.-р. *тѣга* ‘скоба дверная’ (Срезн. III, 1097), укр. (геол.) *тяг* ‘простирание’ (Тутков. 192), укр. (диал.) *тягі* ‘детали плуга, соединяющие стояки с грядилем’ (Лис. 218), рус. *тяга* ‘действие по глаголу тянуть’, ‘подати, повинности, тягло’, *тяги* ‘подстилки; две калитки с верёвочной основой’ (Даль IV, 453), рус. (диал.) *тяга* ‘направление морского течения’ (Подвысоцк. 176), ‘верёвка, за которой тянут невод’ (СРСГ 3, 194), *тяг* ‘кнут’ (НОС 11, 79); блр. *цяг* ‘1) побег, 2) тяж, 3) безостановочность’ (Насовіч 694); пол. *ciąga* ‘1) приспособление для транспортировки сохи; 2) маленький телёнок’ (SGP IV, 2, 268); серб.-хорв. *тег* ‘1) тяжесть; 2) тяга; 3) гиря; противовес; 4) (уст.) урожай; посев; 5) (обл.) горсть льна’ (Толстой 935); болг. *тѣга* ‘палка, прут, батог, дубина, посох’ (Геров 5, 327). Апеллятивная основа **teg-* достаточно продуктивна в составе славянской географической терминологии, ср., напр.: рус. диал. *тегѣн* ‘середина реки, озера, самое глубокое место в водоёме’ (Элиасов 409), *тягун* ‘сильное течение, быстрина на реке’ (СРГСУ VI, 117), ‘вид переувлажненной земли’ (НОС 11, 80) > нп *Тягун* в бывшей Киевской губ. (Vasmer RGN IX, 249), (префиксальные дериваты) укр. *затяг* ‘старое русло реки’ (ЕСУМ 5, 699), *потяг* ‘узкий пролив между островами’ (Чабан. 3, 252), ‘полоса посева, далеко потянувшаяся в поле’ (Ніков. 613).

Сокращения

АКНЗ — Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ. 1713—1776. К., 1994. Т. 1—3.

АТУУ-2007 — Україна. Адміністративно—територіальний устрій на 3 січня 2007 р. (електронний довідник) // <http://portal.rada.gov.ua>

АЮЗР — Архив Юго-Западной России, изд. Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1859—1914. Ч. VII. Т. 1.

Б. Э. — Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгаузь, И. А. Ефронъ. СПб., 1901. Т. XXXII (64); 1902. Т. XXXVII (67).

Бессараб. — Бессарабія. Историческое описание. СПб., 1892.

Вавринич — Вавринич М., Голько О. Показчик назв об’єктів, нанесених на Генеральну карту України // Історична географія і соціографія України. Львів, 2006. С. 468—504.

Величко — Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ / Сост. Самоиль Величко. Кієвъ, 1855. Т. III.

Геров — Геров Н. Речник на българския език. Фототипно издание. София, 1975—1978. Ч. 1—5.

Горпинич — Горпинич В. О., Тимченко Т. В. Прізвища правобережного Степу: Словник. Дніпропетровськ, 2005.

ГП — Городскія поселенія въ Россійской имперіи. СПб., 1865. Т. 5. Ч. II.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4.

Джерела — Джерела з історії Полтавського полку (середина XVII — XVIII ст.) / Упоряд., підг. до друк. та передмова В. О. Мокляка. Полтава, 2007.

Желех. — *Желеховский С., Недільський С.* Малорусько-німецький словар. Львів, 1886. Т. I—II.

Заимов — *Заимов Й.* Български именник. София, 1998.

ІМіС — Історія міст і сіл УРСР. Херсонська область / Гол. ред. кол. П. Т. Тронько. К., 1972.

ЛС — Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ, изд. Кіевскою врем. ком. для разбора древнихъ актовъ. — Кієвъ, 1878.

Карпенко — *Карпенко О. П.* Назви річок Нижньої Правобережної Наддніпрянщини. К., 1989.

КБЧ — Книга Большому Чертежу / Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.

Лис. — *Лисенко П. С.* Словник поліських говірок. К., 1974.

Масенко — [*Масенко Л. Т.*]. Тюрксько—українські взаємозв'язки і паралелі // Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. — К., 1981. — С. 162—180.

Ніков. — *Ніковський А.* Українсько—російський словник. К., 1926.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.

Пискун. — *Пискунов Ф.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро—Венгерской империи. К., 1882.

Подвысоцк. — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1962—1988. Т. 1—7.

Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1903. Т. 1—3.

СРСГ — Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967. Т. 1—3.

ССМ — Словник староукраїнської мови XIV—XVст. / Ред.: Л. Л. Гумецька та І. М. Керницький. К., 1977—1978. Т. I—II.

Толстой — *Толстой Н. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.

Трубачев — *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

Тутков. — *Тутковський П. А.* Словник геологічної термінології (проект). К., 1923.

Чабан. — *Чабаненко В. А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. 1—4.

ЧП — Чоловічі прізвища громадян Чеської Республіки за даними Міністерства внутрішніх справ ЧР станом на 1.04.2004. // www.mv.cz.cz

Шульг. — *Шульгач В. П.* Еволюція словотвірної моделі на *—*yni* (на матеріалі ойконімії Чернігівщини) // Діахронічне, типологічне і контрастивне дослідження германських, романських і слов'янських мов (семантика й словотвір). Донецьк, 2011. С. 237—240.

Шульгач — *Шульгач В. П.* Матеріали до етимологічного словника ойконімів України // Записки з українського мовознавства. Одеса, 2001. Вип. 11. С. 26—30.

Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Эварн. — *Эварницкий Д. И.* Вольности запорожских козаковъ. СПб., 1890.

Яворн. — *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. К., 1990—1991. Т. 1—3.

I.m. — *Imenik mesta. Pragled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji.* Beograd, 1965.

NMP — *Nazwy miejscowe polski / Pod red. K.Rymuta.* Kraków, 1997. Т. II.

Rymut — *Rymut K.* Nazwiska polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. Kraków, 1999—2001. Т. I—II.

SG — *Słownik geograficzny Krolestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich.* Warszawa, 1880—1895. Т. I—XI.

SGP — *Słownik gwar polskich / Pod kiern. J. Reichana.* Kraków. N. IV. Z. 2 (11).

SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika.* Ljubljana, 1970—1991.

Vasmer RGN — *Russisches geographisches Namenbuch / Berg. von M. Vasmer.* Wiesbaden, 1962—1980. Bd I—X.

Реализация псл. **sěd-* : **sod-* в апеллятивной и проприальной лексике

А. В. Иваненко

Киев

В богатом творческом наследии О. Н. Трубачева наше внимание привлекли две взаимосвязанные этимологии: 1) и.-е. **sed-* : **sod-* и 2) псл. **besěda*, **besědъ* / **besědь* (Трубачев 2002, 119—120; ЭССЯ 1, 211—213). Однако высказанные в них соображения оставляют пространство для дальнейших этимологических поисков.

В связи с этимологией и.-е. **sed-* : **sod-* приведем здесь краткую историю вопроса. Как точно отметил О. Н. Трубачёв, «иногда утрата лексемы есть не что иное, как изменение семемы, смысла», а потому судьба исследуемого чередования и.-е. **sed-* : **sod-* ‘сидеть’ в праславянском являет собой результат переосмысления отдельных форм и слов, положившего конец их дальнейшему существованию (Трубачёв 2002, 119): праславянский не знает *-o-* ступени **sod-* < **sed-*, однако наличие **sadъ*, **saditi* допускает существование псл. **sod-* < **sed-*, поскольку наличествует псл. **sad-* < **sōd-* как долгая ступень отношения к **sod-*. Однако эта ступень существует (в скрытом виде) в континуантах псл. **xodъ-* < псл. **sod-* ‘ход’ < и.-е. **sod-* ‘т. с.’ в особых фонетических позициях, а «и.-е. **sod-* ‘сидение’ и выдвижение **sod-* ‘ход, ходьба’ тесно связаны как взаимоисключающие друг друга явления» (там же). Значение ‘сидение’ представлено в д.-ирл. *suide* ‘сидение’, лат. *solium* ‘трон’ < и.-е. *sodlōm* (эти языки не развили значение ‘ход’), тогда как греческий (ὁδός) и праславянский для и.-е. **sod-* фиксируют значение ‘ход, ходить’ и не знают значения ‘сидение, сидеть’ для **sod-*. Это, по мнению О. Н. Трубачёва, служит убедительным, хотя и косвенным, доказательством этимологического единства **sed-* : **sod-* ‘сидеть’ и **sod-* ‘ходить’ с псл. рефлексом *ě*: **sěděti* < **sēd-* < **sed-* (там же, 119—120). Ранее значения и.-е. **sed-* I ‘сидеть’ и **sed-* II ‘ходить, идти’ возводились О. Н. Трубачевым к синкретическому значению и.-е. **sed-* ‘передвигаться, сидя в повозке’ (Фасмер IV, 253).

Следом за О. Н. Трубачевым мы полагаем, что значение ‘ходить’ вторично по отношению к ‘сидеть’, а механизм его развития связан (по О. Н. Трубачеву) с семантикой достижения цели и что «со стороны реально-семантической заманчиво считать, что на инновации ‘сидеть’ > ‘ходить’ отразился в древности новый способ передвижения сидя (например, в повозке или верхом, ср. рус. *всадник*, др.-инд. *sādin* то же), или здесь в немалой степени сыграла роль семантика достижения цели, как можно было бы понять др.-инд. *ā-sad* ‘подходить, достигать’ (так сказать, ‘присесть в конце пути, у цели?’), *ut-sad*, ‘уходить’, *apa-had*

‘устраняться, избегать’» (Трубачев 2002, 119). Пример такого механизма мы видим в семантических переходах: ‘сидеть’ → ‘быть постоянным, целеустремленным’ и далее — с развитием идеи *действия, движения*. в санскр. *sad* ‘сидеть’, ‘опускаться’; *sádā* ‘всегда, постоянно’; *āsad* ‘сидеть; садиться на’, ‘достигать’; *apasad* ‘подсаживаться’, ‘подходить’; *apahati* ‘изгнание’ [Кочергина 682, 683, 731; 104, 128, 54].

Достаточно вероятным нам представляется и развитие семантики ‘*движение*’ у славян (как один из способов) вследствие появления образований на **и-*, **per-* **pri-* со значениями перемещения (в случае с **per-* — перемещения на другое место), закрепивших семантику ‘ход’, и одновременным возникновением форм **ходъ*, **šьdъ*. Их появление традиционно связывается с указанными префиксами (Рокорну I, 887; Фасмер IV, 253). Славянские рефлексy ступени **sod-* с семантикой *быстрого, энергичного* движения, можно видеть в укр. диал. (бойк.) *сад’ти* ‘пить’, ‘нести’, ‘переться’, ‘стелиться (о дыме)’, *перен*. ‘бить’ (Сл. БГ 473), русск. диал. *сад’ть* ‘быстро идти, бежать, ехать’, ‘быстро течь’ (СРНГ 36, 26—27), русск. диал. (пск., твер.) *сажать*: вишь, садит как! ‘улепetyвает, бежит, шибко идет’ (Даль IV, 127), рос. діал. *содить* ‘быстро идти, двигаться’; *сожануть* ‘сильно ударить’ (СРНГ 39, 209, 216). Возможно, с аналогичным материалом можно связывать и происхождение гидронима (укр.) *Садний*, поток в басс. Верхнего Днестра, который С. А. Вербич логично выводит из укр. **садний*, допуская, однако, семантическую связь последнего с апеллятивом типа укр. диал. *сáджавка* ‘озеро, где разводят рыбу’ (Вербич 76).

Только допустив наличие семантики ‘ход’ для **sed-*, мы можем логично и без натяжек пояснить происхождение псл. **besěda*, **besědъ* / **besědъ*. Относительно словообразования первого из них высказывались различные мнения, сводимые к двум позициям: **besěda* < **bez-* + **sěda* и **besěda* из **be-* + *sěda* (см.: ЭССЯ 1, 211—213 с более полным обзором версий). В пользу достоверности второй из них приводились соображения о первоначальном значении псл. **besěda* ‘сидение’ с последующим развитием в ‘место для сидения’, ‘совместное сидение’, ‘разговор’. Таким образом поддерживается выдвинутое Я. Розвадовским сближение с др.-инд. *bhasát* (*bhasád*) ‘задница’ < **‘сидение’*, позволяющее взглянуть на славянский факт как на реликтовое образование: «со стороны семантической — древнее имя действия с последующей конкретизацией значения, с стороны формальной — архаическое и функционально не вполне ясное префигирование и.-е. корня **sed-* ‘сидеть’» (ЭССЯ 1, 212).

На наш взгляд, оценить несколько иначе происхождение псл. **besěda* позволяют некоторые соображения, высказанные О. Н. Трубачевым в его этимологии структурно аналогичного *Bodincus* или *Bodinco-* (лигурий-

ского названия реки По) со значением ‘бездонный’ и восстанавливаемым как «**bo-dicno-* < **bo-digno-* < **bo-dugno-* ‘бездонный, **без дна**’, что довольно точно соответствует литов. *be-dùgno-* ‘без дна’, *bedùgnis* ‘бездна’, также в гидронимии — *Bedùgnė, Bedùgnis* и позволяет внести корректив в известную географию соответствий балт. *be(z)*, слав. *be(z)* (и индо-иран. параллели)» (там же, 28). Поэтому становится очевидным, что и в случае с **besěda, *besěď* (особенно в роли гидроапеллятивов), префиксальная морфема **be-* должна иметь ту же семантику.

Учитывая свойственные славянскому **be(z)* значения ‘без’, ‘не’ (ЭССЯ 1, 212), а также то, что и.-е. **sed-* : **sod-* свойственна семантика ‘движение’, псл. **besěda, *besěď / *besěď* следует связывать с базовой для них семантикой ‘не(мало)подвижность’, ‘не(мало)подвижный’, объясняя префигирование псл. глагольной основы **sed-*. Таким образом мы абстрагируемся от предложенного А. Ф. Журавлевым объяснения белорусского топонима *Бэседзь* (неподалеку от р. *Беседз*)¹, где приводится связь глагола *сидеть* с топографическими терминами, прежде всего с гидронимами: «... сѣли суть Словѣни по Дунаеви ...», «... и сѣдоша на Вислѣ ...» с дальнейшим развитием семантики оседлости. Таким образом А. Ф. Журавлев полагает, что «гидронимическое употребление **besěď* работает в пользу его [О. Н. Трубачева. — А. И.] трактовки этого слова и его морфологических вариантов, отрицающих присутствие в них приставки *bez-* (**besěda* — ‘место сидения’))» (Журавлев 78).

Соответственно, в нашей трактовке славянские гидронимы *Беседз*, *Беседь* (позднее переосмысленные в народном сознании под влиянием *беседз* ‘разговор’, ‘сидение рядом’ и под.) получают первоначальную мотивацию ‘не-текучая’, т. е. ‘*речка с медленным течением*’ и т. д.: *Беседь*, р. б-на Сожа (бывшей Смоленской губ.), а также гидронимы *Бесидны* (п. *Besidny*), л. Урича в Галичине, *Беседна*, р. в басс. Тихвинки в бывшей Новгородской губ. (Vasmer I, 151).

Гидронимы-континуанты праславянской онимной основы **Besěd-* выступают в кругу многочисленных типологических параллелей: *Немеча* — гидронимы в Галичине, в Киевской, Могилевской и Тверской губ. (Vasmer III, 406—407); *Нетеку́ча* — речка, которая, превращается в болото, а затем в ручей и впадает в р. Смяч, п. Снова п. Десны л. Днепра; *Маломéча / Маломéка / Маломі́чка*, р., п. Десны л. Днепра, обе — в Черниговской обл. (Череп. Микротоп. 197, 180)². Приведенные так называемые негативные (в основном) гидронимы противопоставляются позитивным: р. *Хода* в бывшей Вятской губ.; *Ходунья*, р., л. Свессы л. Десны (Сумская обл.) (Vasmer RGN XI, 498; Череп. Микротоп. 290), восходящие в конечном итоге к и.-е. **sed-* : **sod-*. Типологические

параллели к гидронимам на *Ход*- представляют собой гидронимы *Текуча* в Черкасской и Ивано-Франковской обл. (СГУ 556); а также многочисленные гидронимы *Быстрица*, *Быстрик* (соответственно 21 и 22 единицы на территории бывшей Российской империи) (Vasmer I, 244-246).

Возвращаясь к анализу и.-е. **sed-* : **sod-* мы полагаем, что рассматривать его следует в контексте псл. **besěda* с его базовым значением 'не(мало)подвижность' и т. д. В этом случае напрашивается вывод о том, что значение 'передвигаться (сидя)', вторично и могло развиваться, в т. ч. и в славянском, именно на основе общей идеи 'движение', подчеркивая новизну такого способа перемещения. И именно то, что ни латинский язык, ни германские языки не знают семы 'движение', а также и то, что в приведенных (древне)индийских фактах отражена, прежде всего, именно указанная сема, свидетельствуют в пользу ее вторичности. Поэтому можно предполагать, что несколько более позднее значение 'не(мало)подвижность' вытеснило в славянских континуантах и.-е. **sed-* семантику движения, а для континуантов **sod-* она наилучшим образом сохранилась в псл. гнезде **ход*-.

Примечания

¹ Ср. также гидроним *Беседь* и ойконимы *Беседь* в бывших Гомельском и Могилевском уездах (Семенов-Тяньшанский I, 255).

² Несмотря на его неполное типологическое соответствие, мы всё-таки включили гидроним *Малотёча* в этот ряд.

Литература

Вербич — Вербич С. О. Гідронімія басейну Верхнього Дністра: Етимологічний словник—довідник. К., 2007.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV.

Журавлев — Журавлев А. Ф. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков» // Этимология 1988—1990. М., 1993. С. 77—88.

Кочергина — Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1996.

СГУ — Словник гідронімів України / Ред. колегія: А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко. К., 1979.

Семенов-Тяньшанский — Семенов-Тяньшанский П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. I.

Сл. БГ — Словник буковинських говірок // За заг. ред. Н. В. Гуїванюк. Чернівці, 2006.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л.; СПб. 2002. Вып. 36; 2005. Вып. 39.

Трубачев 1991 — Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.

Трубачёв 2002 — Трубачёв О. Н. Реконструкция слов и их значений // Трубачёв О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1. С. 107—122.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1988. Т. IV.

Череп. Микротоп. — Черепанова Е. А. Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. 1974. Вып. 1.

Pokorny I — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd I.

Vasmer — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Berlin; Wiesbaden, 1961. Bd I; 1964. Bd III.

Vasmer RGN — Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1980. Bd XI.

Култ асклепия в официальном пантеоне полисов северо-западного Понта в I в. до н. э. — III в. н. э.

О. М. Ильина
Харьков

Одно из ведущих мест в официальных пантеонах северопонтийских и западнопонтийских полисов в римский период занимал культ Асклепия. В его образе для жителей Аполлонии, Одессоса, Дионисополя, Томи, Истрии, Месембрии, Каллатиса, Херсонеса и Ольвии гармонично сочетались функции врачевания, хтонические черты целителя, ипостаси сотерического божества.

Однако, эта тема до настоящего времени остается фактически мало изученной, что во многом объясняется отсутствием нарративных и отрывочностью других исторических источников. Свидетельства античных авторов, для которых западнопонтийские полисы всегда оставались далекой периферией, ограничены и фрагментарны, и это побуждает исследователей обращаться к археологическому материалу. Комплексное использование всех имеющихся источников (эпиграфических, археологических, нумизматических) и привлечение косвенных

свидетельств античных авторов дает возможность воссоздать общую картину почитания культа Асклепия в греческих городах Западного Понта, выяснить его роль и характер в общественно-религиозной жизни полисов.

Култ Асклепия, как и близкий ему функционально култ Аполлона Врача, возник в западнопонтийских полисах еще в эллинистический период¹. Согласно гипотезе Д. Дечева, впервые представленной в работе «Асклепий като трако-греъцко божество» в 1925 году, традиции рассматриваемого культа имеют фракийские корни, что, по мнению исследователя, подтверждается фракийской этимологией имени божества². Другой версии об индоевропейском происхождении культа придерживались М. Попов, Дж. Томпсон, предполагавшие, что култ Асклепия был принесен в античные города Западного Понта из метрополии и сохранялся на протяжении всего периода существования полисов³. Известно, что в Томи, Одессосе, Месембрии существовали храмы этого божества, которые являлись центрами поклонения верующих не только греческих полисов, но и соседних фракийских поселений⁴. Расположенные в живописных уголках Западного Понта храмы Асклепия стали центрами лечения и паломничества. Несмотря на развитие медицинской науки, античные врачи во многом были бессильны. Это заставляло больных искать помощи в храмах и святилищах Асклепия, которые славилась своими чудесными излечениями. По-видимому, среди храмовых жрецов были не только священнослужители, но и врачи, оказывавшие медицинскую помощь. Возможно, что определенную роль играло психологическое воздействие, или внушение, которому подвергали пациентов после предварительных наблюдений и процедур на начальном их пребывании в храме или святилище⁵. В святилища Асклепия и Гигиен обращались больные, которым обыкновенная медицина по большей части помочь не могла. В храме пациента тщательно готовили к священному сну, в котором он получал от божества указание на то, каким образом он мог излечиться. Под руководством жрецов стремящиеся к исцелению проходили обряд очищения, состоявший из купания, окуривания, диеты и т. п.⁶

После молитв и жертвоприношений богомольцы отправлялись в специальную часть храма, где во сне должна была произойти встреча с Асклепием или знамения, которые затем расшифровывались служителями культа. В тех случаях, когда инкубация не помогала, паломника обвиняли в недостаточной вере или нарушении обрядов⁷. Исцеленные пациенты благодарили бога, посвящая ему надписи, статуи, рельефы, выполненные из керамики, мрамора, металла, или выплачивали деньги за лечение⁸.

Использование жрецами Асклепия медицинских способов исцеления подтверждают находки медицинских инструментов (скальпеля, медицинских ложечек, каменных дощечек, используемых для приготовления лекарств, пинцетов, прижигателей) и лекарственных веществ в погребениях жрецов-врачей из Одессоса римского времени⁹. Под покровительством Асклепия находились и врачи, иногда совмещавшие свои профессиональные обязанности с функциями жрецов бога. Погребение одного из них было открыто в Дионисополе. Инвентарь погребения состоял не только из бронзовых бытовых предметов, культовых атрибутов, украшений, но и значительного количества хирургических инструментов, представляющих исключительное значение не только для истории города, но и для медицины римского периода¹⁰.

Данные о положительных результатах, достигнутых соединением психологических способов воздействия на пациентов с храмовой медициной, подтверждают посвящения из храма Асклепия, находившегося в зоне римских терм в Одессосе¹¹. Посвящения выполнены в виде рельефного изображения храма, с фасадом в ионийском стиле: на ступеньках храма высечена фигура Асклепия, его иконография исполнена в классической традиции: лицо бога обрамлено густыми волосами, невысокий лоб, глубоко посаженные глаза, нижняя часть лица закрыта бородой и усами; одежда хорошо драпирована, правая рука опирается на посох, обвитый змеей¹². Вызывает интерес фрагмент посвятительной надписи на греческом языке: «Дар за лечение Асклепию — спасителю вселенной», найденной в Одессосе¹³. Благодарил бога за покровительство в надписи на алтаре из храма Асклепия в Одессосе, выполненной на латинском языке, Тит Витрасий Полиот, консул, понтифик, августов легат. Свидетельством существования культового сооружения Асклепия в Одессосе можно считать монументальную мраморную статую, представлявшую бога в традиционной иконографии. При раскопках в римских термах Одессоса было найдено значительное количество эпиграфического и иконографического материала, подтверждающего, что храм Асклепия находился вблизи терм или был включен в комплекс римских терм Одессоса. Это доказывает, что бани были не только, центром гигиены, общественной жизни, но и лечебным центром под покровительством Асклепия¹⁴.

Типичным для западнопонтийских полисов является мраморный посвятительный рельеф из Одессоса II в. н. э., на котором Асклепий изображен вместе с Гигией и Телесфором: Асклепий представлен стоящим во весь рост, опирающимся на посох, увитый змеей; Гигия изображена в венке из целебных трав на голове и с чашей в руке; Телесфор, по преданию олицетворявший скрытые от глаз силы жизни,

представлен в виде маленького мальчика, закутанного в плащ с капюшоном¹⁵.

Иконография Асклепия в северопонтийских и западнопонтийских полисах отличается разнообразием. Однако, традиционно продолжают сохраняться элементы и атрибуты, присущие божеству в классический период, которые можно разделить на общие (яйцо как символ жизни, змея, огонь, алтарь, кипарис, лавр) и используемые для выполнения лечебной функции бога (свиток папируса, чаша, мак)¹⁶. Почитание Асклепия подтверждают изображения его основного символа — змеи, олицетворявшей творческую силу природы, помощника и союзника бога-врача. Связь змеи с подземными силами, представляет ее характерным атрибутом хтонического божества, одновременно символизирующего развитие жизни, природы и плодородия¹⁷. Исследователи предполагают, что первоначально образ змеи подчеркивал лечебное могущество Асклепия. В римский период змея приобретает функции помощника божества при лечении больных в качестве доброго демона, одновременно отнимающего и дающего жизнь, а ежегодная смена кожи символизирует возвращение здоровья после лечения, возрождение жизненных и духовных сил, энергии. В святилище змеи являлись неотделимой частью храмового инвентаря. Наибольшей популярностью, согласно свидетельствам античных авторов, пользовался редкий вид змеи из Эпидавра. В своем «Описании Эллады» Павсаний представляет подобный вид змеи, которая была посвящена Асклепию и объявлена священной (Paus. II, 28).

В середине II–III вв. н. э. в Херсонесе культ Асклепия был официальным, о чем свидетельствуют монеты Херсонеса с изображением Асклепия и Гигиен¹⁸. Это подтверждается и существованием храма Асклепия в Херсонесе¹⁹. Археологические источники позволяют предположить исполнение обряда благодарения божества мраморными и бронзовыми статуэтками Асклепия и Гигиен²⁰, геммой с изображением этих божеств и, что особенно важно, вотивным изображением больной руки, изготовленной из керамики²¹.

Дополнительной информацией, расширяющей представления о храмовой медицине, являются эпиграфические и археологические источники из Херсонеса Таврического о династии врачей, основатели которой были выходцами из Восточного Средиземноморья²². Вероятно, как и в западнопонтийских полисах, храм бога Асклепия в Херсонесе был одним из центров храмовой медицины в Причерноморье.

Таким образом, почитание культа Асклепия в западнопонтийских полисах имело официальный характер. Одессос, Томи, Истрия, Месембрия, Дионисополь, Каллатис и Аполлония являлись культовыми центрами храмовой медицины, религиозной жизнью которых управляли

выборные или получившие должности по праву наследования жрецы-врачи. Очевидно, популярности культа Асклепия способствовало не только сохранение традиционных функций, иконографии, но и приобретение новых ипостасей, особенности отправления культов, синкретизации с местными фракийскими божествами, которая происходила в результате тесных и длительных связей с фракийскими племенами.

Примечания

¹ Данов Хр. М. Западният бряг на Черно море в древността. — София, 1947. — С. 108.

² Дечев Д. Асклепий като трако — гръцко божество // ИБАИ. — 1929. — № 1. — С. 131.

³ Попов М. Проучвания върху произхода, развитието и характера на култа към Асклепий // НТрВМИ. — 1963. — № 11. — С. 28—30; Томпсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. — М., 1958. — С. 186—189.

⁴ Данов Хр. М. Западният бряг... — С. 119.

⁵ Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н.э.). — Харьков, 1996. — С. 128.

⁶ Жебелев С. А. Религиозное врачевание в древней Греции // ЗРАО. — 1893. — Т. 6. — С. 393—395.

⁷ Диль Ш. По Греции. — М., 1913. — С. 358—369.

⁸ Кадеев В. И. Херсонес Таврический... — С. 135—136; Жебелев С. А. Религиозные врачевания... — С. 370—371.

⁹ Тончева Г. Гробни находки от Одесос // ИВАД. — 1960. — № 10. — С. 32—39.

¹⁰ Балчик. — София, 1971. — С. 17—18.

¹¹ Тракийска древност. Кратка енциклопедия. — София, 1993. — С. 27.

¹² IGBR. I, № 8, № 76 pout.

¹³ Стоянов Т. Варна през древността. — Варна, 1998. — С. 81.

¹⁴ Там же. — С. 81—82.

¹⁵ Тончева Г. Неиздадени култови паметници във Варненския музей // ИВАД. — 1960. — № 11. — С. 76.

¹⁶ Василев В. Медицина в Древна Тракия. — София, 1975. — С. 30.

¹⁷ Маразов И. Тракийският дракон // Thracia Antiqua . — 1999. — № 10. — С. 170—173.

¹⁸ Кадеев В. И. О культурных связях Херсонеса Таврического с Фракией и Мезией в первых веках нашей эры // Вестн. Харьк. ун-та. — 1988. — № 316. — С. 65—66.

¹⁹ IOSPE. I², № 376.

²⁰ Щеглов А. Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. — 1960. — Вып. 1. — С. 16.

²¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура... — С. 136; Кадеев В. И. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. — 1994. — С. 64.

²² Кадеев В. И. О медицине в Херсонесе... — С. 58—64; Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. — К., 1988. — С. 54—58.

**К вопросу о развитии категории одушевленности
в русском языке (на материале рукописи XV в. «Книга нарицаема
Козьма Индикоплов»)**

О. С. Ильченко
Новороссийск

Изучение феномена одушевленности вот уже несколько столетий вызывает неослабевающий интерес как отечественных, так и зарубежных лингвистов — историков русского языка [см. Klenin 1983] и порождает (со времен полемики Н.П.Некрасова [Некрасов 1909] и А.И.Томсона [Томсон 1908 а и б]) непримиримые споры. На повестку дня исторической русистики XXI в. встает вопрос о переинтерпретации известного материала в свете современных когнитивных теорий и о введении в научный оборот новых фактов.

Письменным источником данного исследования послужил славянский перевод «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова — наиболее ранний из переводов географических сочинений, распространявшихся в рукописной книжности Московской Руси XVI–XVII вв. и именуемых *Космография* [Словарь 1988].

«Книга нарицаема Козьма Индикоплов», которая открывает хранящийся в ГИМ сборник, является древнейшим списком осуществленного на Руси в конце XII — начале XIII в. перевода *Христианской топографии* — естественно-географического сочинения первой половины VI в., известного под именем византийского купца и путешественника Косьмы Индикоплова. Предполагаемая датировка рукописи — 1495 г. Именно этот список положен в основу ее первого лингвистического издания [Введение 1997: 10]. Одна из последних монографий, посвященных развитию категории одушевленности в истории русского языка [Крысько 1994], была опубликована до выхода в свет указанного издания. Поэтому тщательное изучение названного источника представит в распоряжение историков языка новый, никем не исследованный (насколько нам известно) материал для осмысления феномена одушевленности в русском языке.

Следует подчеркнуть, что при работе даже с поздними списками славяно-русских памятников письменности *религиозной направленности* сохранение переписчиками архаических черт весьма вероятно. Во-первых, сказывается сакральность содержания и многочисленные реминисценции из библейских текстов, во-вторых, в семантическом представлении объектов находят отражение и особенности религиозного мирозерцания, которое само по себе довольно консервативно. Поэтому для датировки общерусских процессов развития категории одушевленности в русском языке материал таких памятников необходимо привлекать с осторожностью и оговорками, однако для изучения варьирования и семантических ролей падежных форм и феномена одушевленности в языке вообще подобные тексты достаточно информативны.

Целью нашего исследования было выявление закономерностей (если они есть) варьирования падежных форм в переводе «Книга нарицаема Козьма Индикоплов». Для осуществления поставленной цели необходимо было решить основную задачу – изучить формы аккузатива, представленные в анализируемом памятнике письменности.

Материал извлекался методом сплошной выборки в процессе чтения текста, затем найденные нами примеры были проверены по *Указателю слов и форм*, включенному в данное издание [Указатель 1997].

Обобщенная картина функционирования аккузативных форм в «Книге...» выглядит следующим образом: в ед.ч. употребляется, как правило, родительный-винительный, а во мн.ч. представлен, как правило, винительный падеж, не совпадающий ни с родительным, ни с именительным. Такую же картину мы наблюдаем во многих переводных памятниках письменности *религиозного содержания*. Так, среди имен существительных мужского рода в ед.ч. имеют, как правило, форму В=Р не только личные имена (собственные и нарицательные) – названия *взрослого человека*, но и слова следующих ЛСГ:

1) обозначения *мертвого человека* (1), например: **ввергыша древо в водоу, и желѣзо въсторгышу его и прах мртвца въстави, такожде и прі влцѣ бывша чюдеса** (Козм. Инд., 110);

2) обозначения *детей* (не только м.р. (1), но и ср.р. (1)), например: **заклаті хотѣ своего штрочища** (Козм. Инд., 60), **швындѣ дѣтища седмижды** (Козм. Инд., 89); что касается слова *младенец*, то оно в прямообъектной функции в единственном числе не встречается в рассматриваемом памятнике письменности;

3) обозначения таких *животных* (в том числе морских и *serpens*), как *еѣфантъ*(1), *конь* (1), *делфинъ* (2), *хелонъ* (2), *змии* (1), например: **ниѣ же повѣдившоу ми зміа, и посрамившоу до конца рече гсѣ** (Козм. Инд., 85); **девать же, князеи стоахоу въ шградѣ, заградівше страну**

дворомъ, такожде, и менандръ ступиа, елефанта, мисон онон, авлеанъ (Козм. Инд., 135); се рекомаа тѣфа, ею ж красат кона и шелогы князі на полих (Козм. Инд., 290); ѡокѣ глемѣю, и делфіна, и хелѡна, аж и амы ѿ мора аще ключитса оуловити сице, делфина, и хелона, закалающе амы, ѡокоу ж не закалающе, но оубивающе (Козм. Инд., 293).

По Указателю, некоторые семантически неодушевленные имена существительные м.р., как, например, въздоухъ (9), въходъ (1), иерслимъ (5), законъ (2), дѣмъ (1), громъ (1), шкѣанъ (8), столпъ (1), миръ (10), мѣсто (1) и др., в ед.ч. могут выступать в форме род.-вин. Однако представляется, что составители в данную группу включили, по крайней мере в некоторых случаях, собственно родительный падеж. Так, в контексте: виждь паки чюднѣ, І-ако шного вѣхода, внуѣтръ завѣсы вѣходима, еже се твердѣ, идеѣ ж исс внидѣ (Козм. Инд., 213) – имеет место, скорее всего, собственно родительный падеж при глаголе *зрительного восприятия*. В контексте: Имѣашѣ же иудино плѣмѣ матеръ градомъ иерслима, дондеже чаѣмыи, и проповѣдаѣмыи закономъ и прркы, и с тѣх приидѣ (Козм. Инд., 150) – также, видимо, собственно родительный падеж при глаголе *обладания*.

Личные местоимения мн.ч. обычно принимают форму род.-вин., хотя есть случаи сохранения вин.п.: нас (47) – ны (8), вас (6) а вы (3), однако в ед.ч. имеем обратное соотношение аккузативных форм: мене (3) – мѣ (24), тебе (3) – тѣ (26).

Субстантивированные прилагательные и причастия во мн.ч., наряду со старой формой вин.п.: вѣсныя свобожѣа, болащѣа исцѣлаѣа, разслабленыѣа оутвержѣа, хромыѣа исправлаѣа, прокаженыѣа очищѣа (Козм. Инд., 97) – довольно часто принимают новую форму род.-вин.: швыхъ вѣгаѣмъ, а дрѡугыхъ пріѣмлемъ (Козм. Инд., 151); ничим же выхомъ превѣшли бессловесныхъ (Козм. Инд., 231); да искоушивше зде добрыхъ и печалныхъ (Козм. Инд., 231); инни ж дѣлающихъ наставляѣтъ (Козм. Инд., 266); и поимы творѣа на крѣговерѣа того глющихъ (Козм. Инд., 281).

Имена же существительные, как правило, фиксируются в старой форме вин.п.: оутвержѣающе ангылы и вѣсы дша. частѣ соуци мира нешписаны (Козм. Инд., 57); и потребитъ всѣ бгы странъ (Козм. Инд., 179); Иудѣи, мѡисѣа и прркы почитающеѣ (Козм. Инд., 204); предаѣа моукамъ грѣшники (Козм. Инд., 220); дондеж положю враги твоѣа подножіѣ ногама твоима (Козм. Инд., 250).

Особо следует отметить единичные случаи употребления новой формы В=Р от существительных *masculina pluralia*:

Сие англъ ѿноудъ шпечали, гнѣвахоуѣса оубо, и иже ѿ нихъ престоупивъшімъ (Козм. Инд., 83); Сѣгладаста же мѡѡси и аронъ сновъ левгиннъ, гасмъ гснимъ /І-ако же повелѣ имъ гсѣ, и бѣахоу снове левгвини, гедьсонъ, каафъ мерари, си ж имена сновъ гедсѡнъ, по сонмоу ихъ .. <далее идет перечень имен> (Козм. Инд., 148).

Скорее всего, новая форма случайно внесена средневековым переписчиком в перевод XII–XIII вв. под влиянием ее преобладания в обиходной речи XV века, что подтверждается данными деловой письменности периода создания исследуемой рукописи. Обратим внимание на то, что последний контекст создает еще и семантику конкретности (называются имена людей).

Данный текст, в отличие даже от более ранних переводных текстов (например «Синайского патерика», «Изборника 1076 г.»), замечателен сохранением в списке XV в. вариативности В=Р и В=И в единственном числе таких личных имен мужского рода, как **бгъ** (48:1); **снъ** (19 : 4), **кназь** (4:1), **моужь** (6:1), **штрокъ** (1:1) и др.

Приведем все примеры (ввиду их важности), фиксирующие форму В=И от указанных лексем:

бгъ (1):

И боудоуѣтъ ми в люди, и азъ боудоу ми въ бгъ (Козм. Инд., 183).

кназь (1):

ис тебе бо ми изыдетъ, еже быті въ кнзь иілви (Козм. Инд., 176).

моужь (1):

паки глѣ аплѣ, донели ж внидемъ вси въ єдинение вѣры, и оувѣдѣніе сна вѣна, въ моужь сѣврѣшенъ (Козм. Инд., 233).

штрокъ (1):

вси апсли молащесѣ боу глахоу, по истиннѣ бо соврашасѣ въ градѣ сѣмъ, на стын штрокъ твои Ісса, єго же помаза (Козм. Инд., 169).

снъ (4):

а) **не бонсѣ захаріа, /І-ако/ оуслышана быс молба твоя, и жена твоя елісаветъ родітъ ті снъ. И наречші има ємоу іѡаннь** (Козм. Инд., 140); и заченши роді снъ, и прозва има ємоу сифъ (Козм. Инд., 155);

б) **еже показа ємоу бгъ, /І-ако/ да възнесетъ снъ свои на жертвоу, на єдіноу ѿ горъ ко ж пішетсѣ, и за любимаго и єсственаго сна показаті ємоу швенъ** (Козм. Инд., 162); помысли бо великын

авраамъ боу томоу рекшю, принеси ми на жертвоу снъ твои любими (Козм. Инд., 163).

Возможно, лексемы **бгъ**, **кнѧзь**, **моужь** сохранили архаическую форму В=И в качестве маркера переосмысления значения существительных (от конкретного к абстрактному) в предложно-падежной конструкции.

Сохранение лексемой **ѡтрокъ** архаической формы В=И может быть мотивировано не только переосмыслением в предложно-падежной конструкции, но и семантической однозначностью падежной функции, подсказанной В=Р личного имени собственного.

Лексема **снъ**, как видим, представлена наибольшим количеством старых форм аккузатива. Просматриваются два контекстуальных значения, потенцирующие сохранение В=И: 1) «то, что получилось в результате зачатия и родов женщины»; 2) «то, что приносится в жертву». Оба отмеченных значения детализируют семантику *пассивного* объекта, с которым что-то делается другими людьми.

Зафиксированы только в форме В=И ед.ч. обозначения таких *животных* (в том числе *serpens*), как:

аспид (1):

того бо нарѣчетъ анфрака, имат, І аспид камень сего бо нарѣчетъ камень зеленыи (Козм. Инд., 296);

гадъ (1):

и всѧкъ гадъ иже естъ живо, вамъ дахъ на снѣдь. І-ако зѣлие травное дахъ вамъ всѧ (Козм. Инд., 159) – *обобщающий* смысл подчеркивается определительным местоимением;

ѡвенъ (2):

начало кроугоу животнымъ. ѡвенъ полагающе (Козм. Инд., 126); и за любимаго и есственаго сна показаті емоу ѡвенъ, да и възнесетъ всѧ ѡбразъ бѣша (Козм. Инд., 162) – видимо, в приведенных примерах речь идет о знаках Зодиака.

Сформулируем основные выводы, вытекающие из анализа источника:

1. В рукописи XV в. сохраняется незначительное количество архаических номинативно-аккузативных форм у имен существительных *masculina singularia*.
2. Употребление архаических форм, как правило, семантически мотивировано.
3. Отмеченное варьирование аккузативных форм может служить подтверждением отражения в языке древнерусского периода (XII-

ХІІІ вв.) «подвижности» статуса объекта, обусловленной разнообразием речевых ситуаций и интенций пишущего.

Литература

Введение // Книга нарицаема Козьма Индикоплов /изд. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С.7–42.

Крысько В.Б. Категория одушевленности в истории русского языка: Монография. – М.: Лусеум, 1994. – 224 с.

Некрасов Н.П. По поводу двух статей А.И.Томсона о род.-вин. падеже // Изв. ОРЯС. – 1909. – Т.14, кн.3. – С. 35–74.

Словарь книжности и книжников Древней Руси: Вып. 2. Вт. пол. XIV–XVI в. Ч.1. А–К. / Отв. Ред. Д.С.Лихачев. – М.: Наука, 1988.

Томсон А.И. Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках // Изв. ОРЯС. – 1908а. – Т.13, кн.2. – С. 232–264.

Томсон А.И. К вопросу о возникновении род.-вин. падежа в славянских языках: Приглагольный род. п. в праслав. языке // Изв. ОРЯС. – 1908б. – Т.13, кн.3. – С. 281–302

Указатель слов и форм // Книга нарицаема Козьма Индикоплов /изд. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С.369–774.

Klenin E. Animacy in Russian: A new interpretation. – Columbus (Ohio): Slavica, 1983. – 140 p.

Сокращенное обозначение источника иллюстративного материала

Козм. Инд. – Книга нарицаема Козьма Индикоплов / изд. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – 774 с. с илл.

О трансляции в русский перевод средневековой фармацевтической номенклатуры

Т. А. Исаченко
Москва

Травник 1534 г. более известен по имени врача и переводчика — немца Николая Любчанина (Николай Булева / Бюлова < Bulow, Buelow — 1548), лечившего смертельно больного вел. князя Василия Ивановича (запись Софийской III-й летописи под 1533 г.). Перевод 1534 г. был

сделал по заказу московского митрополита Даниила, получил название «Благопрохладный вертоград здравью», которое читается в вязи списка 1616 г. Рукопись перевода, датированная 1534 годом с указанием точной даты окончания работ — 4 мая, хранится в Центральной научной библиотеке Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина под № 159.

С появлением харьковского списка, который находится в поле зрения ученых с 2000 года, перепроверка сведений по средневековой фармацевтической номенклатуре, трансляции ее в русский перевод стала достоверно возможной.

Благодаря архивным разысканиям Гарольда Рааба и Норберта Ангерманна, в настоящее время собрана обширная информация, касающаяся Николая Бюлова, привлекшего внимание ученых — сначала как попутчик Бартоломея Готана, а позже — как участник Геннадиевского окружения. Бюлов появляется в Новгороде в 1490-х. Пребывание Николая Бюлова в Москве и Новгороде документировано исследованиями Рааба, Ангерманна, Миллера (Raab, 1958; Angermann, 1969, 1984; Miller, 1978). Около 1490 года Николай Бюлов вместе с Бартоломеем Готаном поступил на русскую службу. Причины, побудившие его к этому, до конца так и не выяснены. В любекской хронике 1556 г. Реймара Кока говорится, что Готан поехал в Россию, для напечатания книг в ответ на обращение Ивана в 1488 году к Риму с просьбой о введении в России католической веры. Этот рассказ представляется сейчас фантастическим, однако, он, в какой-то степени, отражает реальность времени — надежду папского престола на подчинение Православия.

Посольства между Москвой, с одной стороны, германским императором и папой, с другой, — регулярно проезжали через Любек в течение шести лет, начиная с 1488 года. Оба указанных западных властителя стремились к религиозному воссоединению с Россией в союзе против турок (Karge, 1893; Базилевич, 1952; Fennell, 1961; Казакова 1975). Москва же искала, прежде всего, союзников против Польши и, с этой целью, рекрутировала ремесленников. Хотя источники, скорее всего, подтасованы, само привлечение их дает некоторым исследователям повод предположить, что Бюлов был принят на службу в Риме. Но Ангерманн убедительно доказал: Бюлов встретил русских дипломатов в Германии. Вероятно, Бюлов в 1489—1490 гг., по приказу императора Максимилиана, выехал из Любека в Новгород вместе с Георгием Траханиотом, греком на московской службе, и с императорским послом Фон Турном (опубликованы оба письма — внучатого племянника (1585) и сестры Бюлова (1540 г.), подтверждающие, что Бюлов отправился в Новгород помогать вычислять Пасхалию). В первом случае, однако, поступление Бюлова на

службу датировано лишь 1508 г. и утверждается, будто он прибыл из Рима. Сестра сообщает, что он прибыл к Василию III из Рима, но в качестве переводчика. Эти данные предполагают две поездки, а не одну, причем исправление календаря относится только к 90-м годам: Angermann, 1969, s. 409–414; Pabst 1868, s. 84–85; *также* Angermann, s. 418–419).

Несомненно, что Готан, приехавший в Новгород для устройства книгопечатного дела, имел помощников. Одним из них действительно мог быть Николай Бюлов, который впоследствии прожил в Москве более 30-и лет, занимаясь врачеванием при дворе Василия III.

Наш интерес к фигуре Николая Бюлова (Любчанина) продиктован во многом тем обстоятельством, что Бюлову принадлежит перевод первого русского гербария, вошедшего в круг энциклопедий XVI в.

Для точного воспроизведения специального средневекового немецкого текста на современном ему языке Московии XVI века, «ученому невольнику» великого князя Василия III потребовалось не только знание русского языка, но и всей терминосистемы, которая соответствовала бы средневековой фармацевтической латыни в русском языке московитов. Сложность немецкого оригинала, насыщенность его усложненной медицинской терминологией, трудность в передаче ботанических названий и русских бытовых понятий заставляют переводящего часто оговариваться: *аще смею реши, кутью, 509.6; пити для различных болестей, коих яз, переводщик книги сея, написати не велел, 6.18*. В этом смысле выбранный им способ этимологизирования и частичного калькирования лексики был оптимальным способом создания нового текста.

О трудностях, с которым встретился Николай Любчанин, подбирая точные соответствия латинским обозначениям, свидетельствуют его замечания в тексте: «Амбра...накии же русаки и поляки имянуют то зеліе похоть китову, а существа не вѣдаю, как назвати по руски» (л. 47, *гл.* 40); «Бораго. ...на Руси фрязове промеж себя сѣют» (л. 74, *гл.* 64); «А аз переводчик <чаю> то ря<бина>» (л. 426, *гл.* 475); «Вирго асторис. Жадная трава. А надобеть то тем, которые сукна делают» (*гл.* 519); «Изопум гумидум. Сок рунный. А то есть некое масло или сало, кое выточим из руна овчия» (*гл.* 265); «Фагусъ. Букъ древо. А растет точию в немецких странах» (*гл.* 218); «Лупинусъ. Солноч<и>къ стручастый. А то есть плод ветвеной, подобно бобу» (*гл.* 269); «Езула. Козья брада. А растет на Коломне множественно» (*гл.* 184) и другие.

Ошибки, возникающие при транслировании средневековой фармацевтической номенклатуры в русский перевод, могут быть проиллюстрированы примерами современного и древнеславянского переводов: лето-

писным сказанием о посещении новгородских земель апостолом Андреем Первозванным.

Понимание древнерусского текста связано с такой сложной системой знаний, что время от времени пересмотр филологического комментария нужен даже в тех случаях, если непосредственно о самом памятнике за истекший период ничего не писалось, новые данные всегда найдутся среди результатов смежных исследований. Еще раз прочитаем много раз обсуждавшееся сообщение Повести временных лет о странствии апостола Андрея Первозванного по русской земле: «Онъдрею учащую въ Синопии и пришедшую ему в Корсунь, увиде, яко ис Корсуня близъ устье Днепръское, [и] въсхоте пойти в Римъ и пройде въ вустье Днепръское, [и] оттоле поиде по Днепру горе. И по приключаяу приде и ста подь горами на березе. [И] заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: „Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“. [И] вышелъ на горы сия, благослови я, [и] постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълезъ с горы сея, идеже послеже бысть Киевъ, и поиде по Днепру горе. И приде въ Словени, идеже ныне Новъгородъ, и виде ту люди сущая, како есть обычай имъ, [и] како ся мыють и хвоцются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече имъ: „Дивно видехъ Словеньскую землю. Идучи ми семо, видехъ бани древены, и пережъгутъ е рамяно, и совлокуться, и будутъ нази, и облекуться квасомъ усниянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьются сами, и того ся добьютъ, едва влезутъ ле живи, и облекуться водою студеною, и тако ожиуть (Sic !). И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье“. То слышаще дивляхуся» (ПСЛ, т. 1, 1962 . Стлб. 8—91).

Летописное сказание о посещении новгородских земель апостолом Андреем сохранило редкое свидетельство о популярности русских бань и способах восстановления сил, в старину именовавшемся «банным хождением», под которым подразумевалось не только собственно омовение, но и ряд процедур, сопровождавших его. Время от времени известие о «банном вхождении» с долей иронии цитируется историками и, неизменно, вызывает улыбку читателей — в глазах путешествующего паломника-чужестранца детали русского образа жизни кажутся странными — не в этом ли видится всем последующим иностранцам «загадка русской души»?

Откуда Нестор почерпнул эти сведения? Первым на этот вопрос ответил В. Н. Татищев: «Иоаким же точно говорит: Андрей в Киеве крестил, зри ниже, гл. 4, н. 35, и сие вероятнее, ибо он прежде Нестора более как за 120 лет писал» (Тихомиров, 1962. С. 51).

Нас здесь интересует не степень соответствия действительности, а только сам факт высказывания первого епископа Новгорода Иоакима Корсунянина (с 989 г.) по этому вопросу, однако современная наука не оставляет почти никаких шансов на то, что утраченный текст, считавшийся В. Н. Татищевым Иоакимовской летописью, был действительно древним, не говоря уже о том, что относительно возраста своего списка и сам В. Н. Татищев не питал никаких иллюзий (Татищев, 1962. С.104).

Обстоятельный обзор оценок и мнений, высказанных в дальнейшем по поводу сообщения Повести временных лет об Андрее Первозванном дал А. Погодин (Погодин, 1937, т. 7, р. 128—147). Принято считать, что легенда о пребывании апостола на Руси отразила стремление молодой русской церкви обзавестись собственными христианскими древностями, ее борьбу за престиж и политическую независимость от Византии. Так или иначе, легенда интересна деталями — независимо от того, с каким именем связано ее появление в летописи — первым епископом Новгорода Иоакимом, Нестором — летописцем или более поздним, заслоненного их именами средневекового историка.

Летописное свидетельство об *усниянном квасе*, которым «облеются» новгородцы, стало пыткой для русских переводчиков. В популярную серию «Памятников литературы Древней Руси», издававшуюся ИРЛИ (Пушкинским Домом) в 1976 по 1994 г., эпизод вошел в составе «Повести временных лет», а современный переводчик, опираясь на данные исторических словарей, перевел слово *усниянный* как «кожевенный» (от *усния*, ‘кожа’). Так и закрепилось за переводом выражения *усниянный квас* значение «кожевенного», войдя в прежнем виде в серию продолжающуюся серию «Библиотеки литературы Древней Руси», основанную на «Памятниках» (издается ИРЛИ с 1997 г.).

Ошибки при транслировании средневековой фармацевтической системы в современный перевод не единичны. Ошибочными можно считать чтения Изборника 1073 г., в которых искажены сведения византийских источников с диетическими предписаниями на май и апрель: «маяя •лѣ• поросяте не яждь» (Словарь русского языка XI–XVII, т.17, с.126) и «априля •лѣ• рѣпы не ѡжь» (там же, т.22, с.124). В первом случае *поросяте* — ошибочная интерпретация юж.-слав. прасы < греч. τὸν πράσον, *лук-порей*, во втором случае *рѣпа* — неверное истолкование греч. ραφάνη, *редька*. Текст восходит к эпохе античности и читается в нескольких византийских сборниках (Литаврин, 1971), включая его русскую адаптацию — перевод «Галеново на Гиппократ», помещенных в Троицком и Кирилло-Белозерском списках (рукописи РГБ, собр. Троице Сергиевой Лавры (ТСЛ/2), № 762, нач. XVI в. и РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № XII) [Прохоров, 2003].

Выражение *квас уснианный* может получить свое вероятное толкование, если будет учтена номенклатура названий, представленная в Травнике 1534 г., который, среди источников знаменитой Картотеки Древнерусского Словаря (КДРС), фигурирует как Травник Любчанина 1534 года. Эта система реконструирована нами по пяти спискам памятника. Можем высказать предположение, что загадочный *квас уснианный* происходит от лат. *Husqiamus*, *белена*.

Примечания

Казакова, 1975 — *Казакова Н. А.* Русско-литовские и русско-ганзейские отношения. М., 1975. С. 170—337.

Клибанов, 1960 — *Клибанов А. И.* Реформационные движения России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 188—227.

Литаврин, 1971 — *Литаврин Г. Г.* Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. / по рукописи Cod.Plut.7,19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // Византийский временник. Т.31. М., 1971.

Лурье 1960 — *Лурье Я. М.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI вв. М., 1960, с.144—145.

Лурье, Казакова, 1955 — *Лурье Я. С. и Казакова Н. А.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М., 1955. С. 134—146, 195—210.

Немировский, 1984 — *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 7.

Погодин, 1937/8 — *Погодин А.* Повесть о хождении апостола Андрея в Руси // *Byzantinoslavica*. Т. 7. Прага, 1937/8.

Прохоров, 2003 — *Прохоров Г. М.* Книги Кирилла Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 65—66; Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского, РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № XII. СПб., 2003.

ПСЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962. Стлб.8-9.

Святский, 1929 — *Святский Д. О.* Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI в. // Изв. Ленинградского научного института им. П. Ф. Лесгафта. 1929. № 15(1—2). С. 48—52.

Татищев, 1962 — *Татищев В.К.* История Российская. Т. I. М.; Л., 1962.

Тихомиров — *Тихомиров М. В.* О русских источниках «Истории Российской» // Вступительная статья в: *Татищев В. Н.* История Российская....

Angermann, 1969 — *Angermann N.* Neues über Nicolaus Bülow und sein Wirken im Moskauer Russland // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1969. № 17. P. 418—419).

Angerman, 1984 — Angerman N. Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland um 1500 // *Hansische Geschichtsbätter*. 1984. № 84. S. 23—25).

Fennell, 1961 — Fennell J. L. I. Ivan the Great of Moscow. London. 1961. P. 117—131.

Karge, 1893 — Karge P. Kaiser Friedrichs III and Maximilians I ungarische Politik and ihre Beziehungen zu Moskau, 1486—1506. // *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. N 9. 1893. P. 259—277.

Miller, 1978 — Miller David B. The Lübeckers Bartholomäus. Ghotan and Nicolaus Biulov in Novgorod and Moscow and the problem of Early Western influences on Russian culture // *Viator. Medieval and Renaissance studies*. 1978. V. 9. S. 395—412.

Pabst, 1968 — Pabst E. Nicolaus Bülow, Astronom, Dolmetsch, und Leibarzt beim Grossfürsten in Russland // *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv-, und Kurlands*. T. 1. 1968 P. 84—85.

Raab, 1958 — Raab H. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums eussischen schrifttums // *Zeitschrift für Slawistik*, 1958, № 3.2—4, s. 324—326

К проблеме генезиса античных ономастических реликтов (Cytæ, Oranos, Σκαρτανος)

*Р. М. Козлова
Гомель*

Слависты давно говорят об исторической и лингвистической значимости ономастического материала (О. Н. Трубачев, Ф. Безлай, С. Роспонт, В. Ташицкий, Э. Эйхлер и др.). «При помощи ономастического материала успешно решались вопросы фонетики, словообразования, лексикологии», — подчеркивал Э. Эйхлер [7, с. 80]. Еще более образно высказался В. Ташицкий: «Дальнейшее развитие лингвистики, ... расширение ее горизонтов в значительной мере зависят от успехов ономастических исследований» [4, с. 11]. Многолетний опыт работы показал, что славянские языки содержат колоссальные богатства собственных имен различных классов, остающиеся пока мертвыми для целей реконструкции языковых и исторических древностей, для решения проблем генезиса исторически важных фактов, установления их этнолингвистической принадлежности. Цель нашего доклада — представить славянский ономастический материал, реально засвидетельствованный, паспортизируемый, который связывает ономастические реликты Северного Причерноморья, Прикаспия с остальным славянским пространством.

1. *Cytae*. *Кумы* (*Cytae*) в качестве названия города в регионе Таврики отмечены Г. Плинием Секундом (23—79 гг. н. э.). «Далее [т. е. за Феодосией и Херсонесом] были города: *Cytae*, *Acrae*, *Dia...*» (Латышев II(1), 174). В некоторых источниках название города передается в форме *Кумей*. Причерноморск. *Cytae* естественно ввести в круг таких славянских названий, как русск. *Кума* — населенный пункт, *Кума* — л. п. Вада на левобережье Мокши, течет в Керенском у. Пензенской губ. (Смолицкая 241; Пенз. 41), *Кумы* — п. п. Днепра в его верховье (МаштДн 27), *Кумма* — река на земле древнерусского племени Любь/Либы в Лифляндской губ. (Семенов V, 878), польск. *Kity* — топоним (SG IV, 116) и др. < праслав. **Куть*, **Кута*. Праславянская древность этих единиц поддерживается и антропонимами: ст.-бел. *Кумъ*, бел. *Kimá* (Бірыла 203), болг. *Kùma*, *Kùmo* (Илчев 257), серб. *Kuma* (РСА IX, 506), чеш. *Kyta*, польск. *Kit*, *Kita*, *Kito*, *Kyta* (RospSNŚ II, 288; SN IV, 632) и др. Кроме этого, обнаруживается множество производных от основы **Kyt-*, среди которых назовем деминутивы:

**Кутькъ*, **Кутька*, **Кутько*, восстановление которых возможно с учетом др.-русс. *Кумко* (Веселовский 241), *Кумкайоки* — река, впадающая в Кандалакшскую губу Белого моря (ЭС XV 229) < русск. *Кумка*, ассимилированное карелами с помощью апеллятива *йоки* ‘река’, бел. *Kimko*, *Кыткін* (Бірыла 203, 238), болг. *Kùtko*, *Kùtkov* (Илчев 257) — антропонимы, *Кумка* — гора (Чанков 137), др.-чеш. *Kytka* (Gebauer II, 196), польск. *Kitek*, *Kitka*, *Kytka* (RospSNŚ II, 299—300; SN IV, 632) — антропонимы, *Kitki* в Праснышском, *Kitki* в Билгорайском уу. — населенные пункты (SG IV, 115) и др.;

**Кусікъ*: бел., *Kiŭikaва Выгарка* — микротопоним возле с. Ворань Лепельского района Витебской обл., *Kiŭik*, польск. *Kicik* (RospSNŚ II, 288) — антропонимы и др.

Ономастический материал позволяет восстановление ряда единиц, не отраженных в ЭССЯ. Из них выделяются а) единицы, которые объединяются консонантом *k* в суффиксах: **Кутакъ*, **Кут'акъ*: ст.-русс. *Кытак* — река (АИ 166), *Большой Кумяк*, *Малый Кумяк* — поселения на реке *Кумячке* в Малмыжском у. (Вят. 384, 387), болг. *Kùтаков* (Илчев 257), укр. *Kiciak* у бойков и гуцулов (Чучка 263), польск. *Kitak* (RospSNŚ II, 299) — антропонимы и др.; **Кутукъ*, **Кут'укъ*: *Кумук* — остров севернее Констанцы на западном побережье Черного моря (см. карту Румынии), польск. *Kiciuk* — антропоним (SN IV, 679) и др.; **Кутыкъ*: бел. *Kiтык* (Бірыла 204), укр. *Kityk* у лемков (Чучка 265), польск. *Kityk* (SN IV, 634) — антропонимы, русск. диал. *кутык* м., *кутыка* ж. ‘шалаш из ветвей’ (СРНГ XIII, 243) и др.; б) единицы, которые объединяются консонантами *s* и *š* в суффиксах: **Кутасъ*: русск. *Кумасовское* — поселение на Ваге в

Вельском у. (Волог. 61), бел. *Kimac* (Бірыла 204), польск. *Kitas, Kitaś, Kitasiiewicz* (RospSNŚ II, 299; SN IV, 632) — антропонимы, бел. полеск. *kimасы* ‘кисти, бахрома’ (ТС II, 193) и др.; **Kytaśь*: русск. *Куташиевой* — поселение в Нолинском у. (Вят. 350), польск. *Kytasz, Kytaszewski* — антропонимы (SN IV, 632); **Kytośь*: ст.-русс. *Китови* (Веселовский 241), серб. *Китовичић* (РСА IX, 513), польск. *Kitosz* (SN IV, 633) — антропонимы; **Kytuśь* м., **Kytuśа* ж.: серб. *Китуша* (РСА IX, 513), польск. *Kituszewski* (SN IV, 634) — антропонимы, русск. диал. *китушка* и *китушка* ‘сережки ольхи, вербы, березы’, ‘кукуруза’ (СРНГ XIII, 243), укр. диал. *китушка* ‘богатолистая лебеда’ и др.

В гнезде **Kyt-* вполне объяснимо др.-русс. *Кытань* — имя половецкого князя, отмеченное в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1095 г. Ср. «Придоша половци, Итларь и *Кытань* к Володимеру на мирь; приде Итларь в градъ Перетаславль, а *Кытань* ста межи валомы с вои. И вда Володимеръ *Кытанови* сына своего Святослава» (Лавр. лет. // ПСРЛ I, 227). Имя *Кытан* упоминается в этих же летописях под 1103—1105 гг. в форме *Китанона* (ПСРЛ I, 279; II, 255) < *Китан-она*. Ср. также наличие этого антропонима в славянских языках: болг. *Китанъ, Китанов, Китановски, Китана, Китанче, Китанчев* (Илчев 257), макед. *Китан* (Споменици I, 426), *Китанов*, серб. *Китан, Китана, Китановић, Китановић* (РСА IX, 504), польск. *Kitan, Kitaniczak, Kitanowicz, Kitanowski, Kitański* (SN IV, 632) и др. Ср. также болг. фольк. *китаново*: *китаново дърво* ‘ветвистое дерево’ (БД V, 178), словц. *kytanec* ‘связка льна’ и др. Имя *Кытань* следует возвести к исходному **Kytanъ* — производному с формантом *-анъ*. В этом случае **Kytanъ* правомерно рассматривать в ряду других единиц от **Kyt-* с опорным *n* в суффиксах:

**Kytunъ*, восстановимое с учетом др.-русс. *Китунка* (Веселовский 241), бел. *Китун, Китунович* (Бірыла 204), польск. *Kituński* (SN IV, 633) — антропонимы и др.;

**Kytenъ*, восстановимое с учетом *Китень* — населенный пункт на берегу Черного моря в Феодосийском у. (Тавр. 114), т.е. в регионе плиниевского *Cytae*, др.-русс. *Китении* — имя князя земовитов/жемойтов в посольстве к великой княгине Романовой, Даниле и Васильку, отмеченное в Ипатьевской летописи (ПСРЛ II, 736), и др. Два этих онима объединяют пространство между Черным и Балтийским морями.

Как онимы, мотивированные отглагольными апеллятивами, правомерно истолковать **Kytidlo*: укр. *Kityłówka* — щит в лесистых Карпатах в Косовском у., *Китиловка* (*Kityłówka*), она же *Китулівка* (*Kitulówka*) — п. п. Ардзалужи (*Ardziałuży*) в бассейне Прута на левобережье Дуная (СГУ 248; SG IV, 116); **Kitimъ*: русск. *Китим* — п. п. Киренги, вытекающей с северного склона Байкала (ЭС XV, 109), мотивированное *participium* на *-i-*

ть от *kytiti.

Многочисленны собственные имена, в основе которых лежат адъективы: укр. *Kitava* (*Kitawa*) — вариантное название древнего Киева (SG IV, 62), польск. *Kitawiec*, *Kitawski* — антропонимы (SN IV, 632) < **Kytavъ* (—*a*, —*o*). Ср. также хорв. *Kitava* — кличка коровы, словен. *kítav* ‘ветвистый’ и др.; русск. *Кицин-булук* в Астраханском у. (Астр. 6), бел. *Kiŭcin* в Жлобинском районе Гомельской обл. (РапГом 87), *Kiŭтин*, *Kiŭтински* (Илчев 257—258), серб. *Китин*, *Китинац* (РСА IX, 506) — антропонимы, чеш. *Kytín* близ города Mníšek pod Brdy в Пражском округе (ČR), польск. *Kicin* в Познанском воев. — населенные пункты, *Kicina* — приток озера Гопло в бассейне Одры (НО п. 19), *Kicin*, *Kicina*, *Kiciński* — антропонимы (RospSNŚ II, 288) < **Kytinъ* (—*a*, —*o*); русск. *Китов* — антропоним, *Китов* — правый овраг Бельнки в бассейне правобережного Осетра (Смолицкая 159), *Китовой* — правый овраг Ичалки на левобережье Тёши (Смолицкая 264), *Китово* в Судогодском, *Китово* в Шуйском уу. Владимирской (Влад. 188, 214), *Китово* в Касимовском у. Рязанской (Семенов II, 527) губерний, бел. *Kimóŭ*, *Кімовіч*, *Кімавец* (Бірыла 204), болг. *Kiŭтов* (Илчев 258), польск. *Kitówicz*, *Kitowski* (SN IV, 632) — антропонимы, *Kitów* — название 2-х населенных пунктов в Замоиском у. (SG IV, 116) < **Kytovъ* (—*a*, —*o*); русск. *Китна* — река в Уржумском у. Вятской губ. (Вят. 713), *Китенка* — л. п. Малой Нигвы на левобережье Оки (Смолицкая 32), *Китно* — озеро в бассейне Велетьмы на правобережье Оки (Смолицкая 263), *Китеньёки* — река на территории Карелии (КатОК 77) < *Китен*, ассимилированное карелами с помощью присоединения апеллятива *ёки* ‘река’, бел. *Китни* в Бобруйском у. Минской губ. (СпМн 29), болг. *Kiŭтен* — антропоним (Илчев 257), *Китен* — город на берегу Черного моря (Чанков 16), *Kytŭnovia* — местность на крайнем востоке Верхней Паннонии [см. 8, с. 118], польск. *Kitnowo* вблизи Радзына, *Kitnowo* в Острудском, *Kitnówko* в Радзыминском уу. (SG IV, 116; IX, 485) — населенные пункты, *Kitnowo* — озеро в бассейне Грабички, *Kitnowskie* — озеро в бассейне Радзынской Струги — притока Лютрины в бассейне Вислы (НВ пп. 602, 760) < **Kyťnъ* (—*a*, —*o*); *Китский* — остров в Онежском озере (ЭС XV, 234), польск. *Kitzki*, *Kicki* — антропонимы ((RospSNŚ II, 288) < **Kyťskъ* (—*a*, —*o*).

Основа приведенных собственных имен — апеллятивы **kyť* м., **kyta* ж. и производные от них: деминутивы **kyťkъ* м., **kyťka* ж., **kyťko* ср., **kyťikъ*, адъективы **kyťinъ* (—*a*, —*o*), **kyťovъ* (—*a*, —*o*), **kyťnъ* (—*a*, —*o*), **kyťskъ* (—*a*, —*o*). Реконструкция, этимология, апеллятивные континуанты праформ **kyť*, **kyta*, **kyťkъ*, **kyťka*, **kyťnъ* (—*a*, —*o*) представлены авторами ЭССЯ (см. вып. 13, сс. 279—283). Славянский ономастический материал позволяет дополнить гнездо **Kyt*- деминутивами **Kyťikъ*, **Kyťko*,

адъективами **Kytavъ*(-a, -o), **Kytinъ*(-a, -o), **Kytovъ*(-a, -o), **Kyťskъ*(-a, -o).

Приведенный нами славянский ономастический материал, структура и фонетика которого не вызывает никаких затруднений для его истолкования, с которым идеально согласуется *Cytae*, может возражать против высказанного предположения об индоиранском генезисе античного факта [6, с. 36]. Дискуссия относительно его индоиранской принадлежности может иметь продолжение при условии представления аналогичного материала индоиранского пространства.

Анализируя *Киты* Тавриды, нельзя не сказать о *Киты* — названии города на правом берегу Аракса (пограничная река Скифии и Персии). Это — то пространство, на котором в 553–550 гг. до н. э. шла война между Мидией, в состав которой входило Скифское царство, и Персией во главе с Киром и союзной с ней Арменией во главе с Тиграном. Мидия была побеждена, территория ее разделена между Персией и Арменией, а правитель Армении отселил и переселил доставшихся ему пленных числом свыше 10 тысяч за восточный хребет великой горы (Арабат), как об этом сообщает М. Хоренский в «Истории Армении» (I, с. 30). Возможно, *Киты* зоны Аракса и есть одно из таких отселенных скифских поселений.

2. *Oranos*. *Ораны* (*Oranos*) названы Г. Плинием Секундом в перечне племен, обитавших вокруг Мэотийского озера, в таком контексте: «Некоторые помещают вокруг Мэотийского озера до Керавнских гор следующие племена: на берегу живут *Napras*, выше их до вершин гор *Essedonas*, владения которых простираются до *колхов*, затем *Сатасас*, *Oranos*, *Аутасас*, *Мазатасас*...» (Латышев II(2), 181). Таким образом, *ораны* обитали между камаками и автаками, точные границы которых не очерчены.

Препятствий для соотнесения этнонима *Oranos* с рядом аналогичных по фонетике и структуре славянских онимов не имеется. Ср. русск. *Оранец* — город на левом берегу Печоры, *Большой Оранец*, *Малый Оранец* — правые притоки Печоры, впадающей в Северный Ледовитый океан (ЭС XXIII, 547), *Оранка* (*Аранка*) — левый приток Пахры на правобережье Москвы (Смолицкая 115), *Ораново* в Шуйском, *Оранки* в Гороховецком уу. (Влад. 224, 71), *Оранка*, *Оранки* при реке Русе, *Араниха* — населенные пункты, *Орано Поле* — местность, на которой расположен *Оранский* монастырь в Нижегородском у. (Нгор. 10; Семенов III, 663), *Оранский* — антропоним, бел. *Арано́е* — затока Днепра возле города Рогачева Гомельской обл. (МБ 18), *Oranu* над Свислочью в бывшем Игуменском у. (SG VII, 572), *Ара́ны* (*Ора́ны*), *Оранцы* в Волковысском, *Oranowo* в Пружанском уу. Гродненской губ. (СпГр 18; РапГр 24; SG VII,

571), теперь только *Ар́анчыцы* в Пружанском районе Брестской обл. (ПапБр 16), *Orany* (местечко) в Трокском у. в устье реки *Оранки* (Семенов III, 663), *Orany* в Виленском у. (WW 70), ст.-укр. *Ораное*, теперь *Оранське* — родник возле села Суходолы, а также болото возле села Дубовое (СмГУ 72), *Оранский* — антропонимы Волынских грамот XVI в. [1, с. 12], укр. *Орані* в Володимиро-Волынском районе Волынской (ОВ 102), *Оране* левом берегу Тетерева в Киевской (Семенов III, 662), *Оранное* в устье реки Здвижи в Житомирской (ЭС XXXIII, 106) губерний — населенные пункты, *О́ранців Звір* — левый приток Лужанки на правобережье Тиссы в бассейне левобережного Дуная (СГУ 400), болг. *Аранов*, *Ора́нов*, *Ора́нски* — антропонимы, *Ора́ново* — поселение в Благоевградской околии (Илчев 51, 368), др.-польск. *Orańsko*, польск. *Orana* (в документе 1366 г., теперь *Orania*) — л. п. Радуні в Гданском у., *Orania* (*Orunia*) в устье реки *Orana*, *Orany* в Августовском у., *Orany* близ Вылковышек (SG VII, 571) — населенные пункты, *Oran*, *Oraniec*, *Oranin*, *Orankiewicz*, *Oranowski*, *Orański*, *Arani*, *Aranin*, *Aranka*, *Arański* — антропонимы (SN VII, 85—86; I, 74) и др.

Для приведенных славянских названий имеется твердая апеллятивная основа — земледельческая лексика: ст.-русск. *ораный*, *оранный* ‘вспаханный, возделанный’, *оранина* ‘пашня, вспаханное поле’, *ораница* ‘пахотная земля’ (СлРЯ XIII, 61), русск. *оранка*, *орáнье* ‘пахота’, *о́рань*, *о́ранина* ‘поле, нива, пашня’, *о́раница* ‘росчисть, подсека, огнище’, *о́раница* ‘время вспашки’ (Даль II, 639), *орáный* ‘вспаханный’, *орáнка* ‘пахота’, ‘вспаханная земля, пашня’, *орáнцы* ‘низкие поросшие мхом горы в окрестностях Байкала’, *орáн* ‘стремнина’, костр. *орань* ‘пахота’ (СРНГ XXIII, 327, 328), бел. *орáнье*, *орáнне* ‘пахота’ (ТС III, 269; СБГ III, 262), укр. *орані́ця* ‘пашня’, ‘вспаханное, обработанное поле’, *орáнина* ‘вспашка; пашня’, *о́ранка* ‘пахота’ (Гринч. III, 62; ЕСУМ IV, 207), словен. *oranica* ‘орная земля’ и др., которые позволяют реконструкцию *participium passivum* **oranъ*(-a, -o) от **orati* ‘пахать’ и производных от парципиальной основы **oranica*, **oranina*, **oranъka*, **oranъ*, **oranъсь*, **oranъje*.

Нельзя не сказать о топониме *Оран/Аран* на территории Азербайджана, полностью тождественном славянским *Оранам/Аранам*. Тюркологи квалифицируют его как этнотопоним, в основе которого лежит название тюркской племенной общности [см. 3, с. 48]. Автор конкретно не называет локализацию этой общности. Вероятно, им имеется в виду *Аран* — край и его жители в междуречье Куры и Аракса. К *аранам* в начале V в. н. э. прибыл святой Месроб (армянский епископ) с целью христианизации населения. В это время провинцией *Аран* владел Шампит, по смерти которого наследовал его сын *Кит*. А это значит, что против заключения тюркологов свидетельствует фиксация этнонима и топонима в античное и

послеантичное время. Речь может идти только о тюркизации местного этноса *ораны* и о сохранении им своего исторического имени. Скорее всего, *араны* — осколок скифов-пахарей, в имени которых сохранился их основной род деятельности.

3. Σκαρτανος. Антропоним Σκαρτανος («Σκαρτανος Αζιαίου») — имя, зафиксированное на двух надписях Северного Причерноморья первой половины II в. н.э., обнаруженных в селах Бейкуш и Троицкое, отнесенное Ю. Н. Трещевой к иранским [см. 5, сс. 166, 180]. Генезис его раскрывается в отношении к современному польскому антропониму *Skartan* (SN VIII, 443), причем эти единицы идеальны и с точки зрения фонетики (корневого вокализма), и с точки зрения структуры (наличие анлаутного *S-*, идентичность корня и формантов). Несмотря на разновременную фиксацию сопоставляемых единиц, их следует возвести к архетипу **Skьrtanь*: ценность Σκαρτανος — раннее свидетельство вокализации *ьr < r_o*, ценность современного *Skartan* — его *жизнестойкость*, рассчитанная на века и тысячелетия. Дальнейшие этимологические связи **Skьrtanь* правомерно видеть с **Kьrtanь*, континуанты которого локализованы в более широком славянском ареале. Это дает возможность интерпретировать **Skьrtanь* как параллель с *S-mobile* к **Kьrtanь* и включать их в генетическое гнездо **kьrk-/skьrk-* — производному с *-k-* детерминативом от и.-е. **(s)ker-* ‘гнуть, кривить’ [этимологические подробности о **Kьrtanь* см. 2, с. 125—147].

Литература

1. Єфименко І. В. Українські прізвищеві назви XVI ст. Київ, 2003.
2. Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. — Гомель, 1997.
3. Мурзаев Э. М. Тюркская этнотопонимия // Этническая топонимика. М., 1987. С. 36—61.
4. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания, 2001. № 2. С. 3—11.
5. Трещева Ю. Н. Просопография должностных лиц Ольвии I—III вв. н.э. // ВДИ, т. 4, 1977. С. 156—182.
6. Шапошиников А. К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания, 2005. № 5. С. 30—67.
7. Эйхлер Э. Древнелужицкая языковая область по данным топонимики // Вопросы языкознания, 1962. № 6. С. 80—91.
8. Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov. Bratislava, 1998.

Принятые сокращения

АИ — Акты исторические, собранные и изданные

археографическою комисиєю. СПб., 1842. Т. V

БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. София: БАН, 1970. Кн. V

Бірыла І — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мн.: Навука і тэхніка, 1968

Бірыла — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мн.: Навука і тэхніка, 1969

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, отчества, фамилии. М., 1974

Гринч. — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1909. Т. III

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980. Т. IV

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Гол. ред. *Мельничук О. С.* Київ: Наукова думка, 2004, Т. IV

Илчев — *Илчев С.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София: БАН, 1969

КатОК — *Григорьев С. В., Грицевская Г. Л.* Каталог озёр Карелии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959

Латышев II (1) — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1. СПб., 1904

Латышев II (2) — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб., 1906

МБ — Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы / Пад рэд. Бірылы М. В., Мацкевіч Ю. Ф. Мн.: Навука і тэхніка, 1974

МаштДн — *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913

РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1978. Т. IX

РапБр — *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1980

РапГом — *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1986

РапГр — *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1982

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна—заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мн.: Навука і тэхніка, 1979—1986. Т. I. — 512 с.; Т. II — 728 с.; Т. III — 536; Т. IV — 496 с.; Т. V. — 526 с.

СГУ — Словник гідронімів України. Ред. колегія: Непокупний А. П.,

Стрижак О. С., Цілуйко К. К. Київ: Наукова думка, 1979

СК — Алфавитный список населенных мест Ковенской губернии. Ковна, 1903

Семенов — *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской Империи. СПб., 1863—1885. Т. I—III

СлРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1974—2002. Вып. II, XIII.

СмГУ — Словник мікрогідронімів України / Под ред. О. П. Карпенко. Київ, 2004

Смолицкая — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1976

Списки населенных мест Российской Империи (по сведениям 1859, 1864, 1870, 1872—1877 гг.), изданные Центральным статистическим комитетом МВД:

Астр. — II. Астраханская губерния. СПб., 1859; Влад. — VI. Владимирская губерния. СПб., 1863; Волог. — VII. Вологодская губерния. СПб., 1866; Вят. — X. Вятская губерния. СПб., 1863; Нгор. — XXV. Нижегородская губерния. СПб., 1863; Пенз. — XXX. Пензенская губерния. СПб., 1869; Тавр. — XLI. Таврическая губерния. СПб., 1865.

СпВит — Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906

СпГр — Список населенных мест Гродненской губ. Гродно.

СпМн — Список населённых мест Минской губ. Мн., 1924.

Споменици — Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Т.И. Скопје, 1975

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Филина Ф. П., Сороколетова Ф. П. Вып. 13. Л.: Наука, 1977

ТС — Тураўскі слоўнік. Складальнікі Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я. Мн.: Навука і тэхніка, 1984. Т. III

Чанков — *Чанков Жечо.* Географски речник на България. София: Наука и изкуство, 1958

Чучка — *Чучка Павло.* Прізвища закарпатських українців. Історико—етимологічний словник. Львів: Вид—во «Світ», 2005;

ЭС — Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1895, 1897. Т. XV, XXII

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. Трубачева О. Н. М.: Наука, 1987. Вып. 13

ČR — Česká Republika

Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Praha: Nakl. ČSAV, 1970.
T. II

HO — Hydronimia Odry. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. Borka H. Opole, 1983; HW — Hydronimia Wisły. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. Zwolińskiego P. Wrocław etc., 1965

RospSNŚ — Rospond S. Słownik nazwisk śląskich. Wrocław etc.: Ossolineum, 1973. Cz. II

SG — Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880—1895. T. IV, VII, IX

SN — Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych. Wydał K. Rymut. Kraków, 1992—1994. T. I—VIII

SG — Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880—1895. T. I—XIV

WW — Wykaz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. I. Województwo Wileńskie. Warszawa, 1938

Слависты И. И. Срезневский и О. Н. Трубачёв. Культурная преемственность

*Н. В. Колгушкина
Рязань*

Память об Олеге Николаевиче Трубачёве, выдающемся филологе-слависте нашего времени, живёт в сердцах тех, кто знал его, кому посчастливилось работать, общаться с ним. Она пробуждает светлые мысли как об удивительно даровитом учёном, истинно служившем своему делу, как о замечательном человеке. Память избирательна, чаще всего она хранит воспоминания наиболее яркие, интересные, всплывающие эпизодами. Постепенно по прошествии времени они выстраиваются в логические цепочки. Тогда понимаешь, насколько важно не только хранить, но и делиться этими воспоминаниями, чтобы не упустить ни единой чёрточки в портрете человека, снискавшего уважения и почитания не только современников, но и последующих поколений.

Моё знакомство с четой Трубачёва-Богатовой состоялось в начале 90-х годов. Судьба подарила встречу с Галиной Александровной на региональной конференции в Рязани. Она, родом из этого старинного города, с особым чувством тревоги выразила беспокойство по поводу сохранения памятных мест, связанных с именем выдающегося лексикографа XIX века И. И. Срезневского. Кому как не ей, продолжателю его дела, главному редактору «Словаря русского языка XII—XVII вв.»,

предстояло обратить внимание своих земляков на незаурядную личность автора первого исторического «Словаря древнерусского языка»? Как краеведу-филологу, понявшему озабоченность Галины Александровны, мне предстояло не только погружение в прошлое, но и осознание современного значения научного наследия академика И. И. Срезневского. Наряду с работой в архивах и библиотеках я знакомилась с работой учёных отдела лексикологии и лексикографии Института русского языка имени В. В. Виноградова, который возглавляла Богатова Галина Александровна.

Когда пришло время оформления первой экспозиции собранного материала, Галина Александровна предложила Олегу Николаевичу Трубачёву дать консультацию по представлению научного наследия И. И. Срезневского в музее. Олег Николаевич тогда поддержал идею создания первого музея учёному-филологу, хотя очень осторожно отнёсся к тому, что этот музей расположится в обычной средней школе. Напрямую он не высказывал своих сомнений, но в беседах тактично подчёркивал суть и смысл жизни учёных, таких как А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, М. Фасмер, полностью отдавших свою жизнь науке. Ему казалось, что мы несколько самонадеянно рассчитываем на уровень школьников. Согласился с нами только при наличии в первую очередь краеведческого материала. И всё-таки музей был создан и начал свою необычную жизнь. Только спустя годы я поняла, как важно, что организаторам музея в самом начале была поставлена достаточно высокая планка.

Короткие беседы с Олегом Николаевичем проходили в его кабинете на Волхонке, конечно, с подачи Галины Александровны. Обычно я волновалась: звонки, посетители — казалось, всё отнимает его время. Но он так умел вначале очертить цель и время разговора, что чувство неудобства исчезало. Иногда приходилось присутствовать на встрече его с иностранными учёными, с удивлением слушать разговоры на разных языках. Спокойный, мелодичный и дружелюбный голос Олега Николаевича всегда вызывал восхищение. Чаще всего в Институте нам с Галиной Александровной не доставало времени обсудить наши проблемы. И общение продолжалось дома, на улице академика Варги. Мне посчастливилось видеть, как Олег Николаевич работал дома. Он оставался предельно собранным и пунктуальным, на первый взгляд педантичным в своём строгом режиме. После ужина загоралась настольная лампа в его кабинете и к определённому часу гасла. Вспоминая эти встречи, я осознаю, как много и кропотливо он работал за письменным столом, как умело организовывал своё рабочее место, не позволяя себе отвлекаться на посторонние дела, звонки.

Зная о музее Срезневского, Олег Николаевич в силу занятости не сразу принял приглашение в Рязань для участия в мероприятиях, посвящённых памяти Срезневского. Однако, научная судьба привела его в Рязань — один из древнейших русских городов с богатейшей историей и культурным наследием. Это произошло на праздновании Дней Славянской письменности и культуры в мае 2000 года.

Академик О. Н. Трубачёв всю свою научную жизнь посвятил поиску славянской прародины. Как общественный деятель, Председатель национального комитета славистов и публицист, он заявлял о своих взглядах на славянство не только на Международных съездах славистов, но и на празднествах Славянской письменности и культуры, начиная с 1988 года, когда отмечалось тысячелетие крещения Руси. Свои последовательные выступления сначала в Новгороде, затем в Киеве, Минске, Смоленске, Симферополе, Москве он объединил в сборник под названием «В поисках единства». Фундаментом этих статей, по признанию автора, послужили многолетние работы над Этимологическим словарём славянских языков и исследования этногенеза славянских народов. Обращаясь в начале книги к читателю, О. Н. Трубачёв, прежде всего, выражает свои гражданские чувства: «...мне было ясно — уже с первых шагов, что я буду говорить о единстве, важном для нас, — единстве угрожаемом и перевираемом и подчас задрапированном в учёную пелену, плохо проницаемую для глаза. Мне действительно очень хотелось при этом показать внутреннюю связь вещей сложных в научном отношении и нередко отделённых от сего дня немалым временем и того, что может представить и сейчас повседневный интерес». Каждая статья этого сборника не просто написана с любовью к славянам, но и содержала новые взгляды на существующие языковые проблемы славян.

День Славянской письменности и культуры, начиная с Рязани, впервые стал считаться единственным официальным государственно-религиозным праздником в России. Впервые за его историю участники и гости получили послания Патриарха Московского и всея Руси и Президента Российской Федерации. В них Алексей II подчеркнул: «Нынче, когда мир отмечает 2000-летний юбилей Рождества Христова, с особой торжественностью на Рязанской земле совершается память святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, которых славяне по праву считают своими учителями и просветителями». Президент В. В. Путин отметил: «Символично, что столицей праздника стала древняя Рязань. Этот город внес весомый вклад в сокровищницу отечественной культуры. С ним неразрывно связаны судьбы выдающихся учёных, мастеров, писателей и художников, великих подвижников».

На протяжении своей почти тысячелетней истории рязанский край прославили народные герои — Евпатий Коловрат, Авдотья Рязаночка, епископ Василий Рязанский, князь Олег Рязанский. Щедрая рязанская земля подарила России и миру великих учёных И. П. Павлова и К. Э. Циолковского, полководца М. Д. Скобелева, поэтов Я. П. Полонского и С. А. Есенина, художника И. П. Пожалостина. В их числе имя слависта академика И. И. Срезневского, родовые корни которого идут из рязанского села Срезнево, где он и похоронен по своему завещанию.

Как всегда на этот праздник собирались гости со всей России, прибыли делегации из Белоруссии, Украины, Македонии, Боснии и Герцоговины, Польши, Болгарии, Германии, Сербии.

Прибыли на празднование и учёные-филологи из Российских городов, члены Международной лексикографической комиссии, объединённые Институтом Русского языка имени В. В. Виноградова в лице председателя Г. А. Богатовой.

Научная часть праздника в Рязани, включённая в обширную программу мероприятий, началась с Круглого стола «Академик И. И. Срезневский — корифей славяноведения» в музее И. И. Срезневского открытым заседанием Международной лексикографической комиссии «И. И. Срезневский и восточнославянские лексикографические традиции». Доклад председателя Российского национального комитета славистов академика О. Н. Трубачёва значился первым. Зал музея был занят гостями и слушателями до отказа. Рязанская интеллигенция, студенты, старшеклассники, представители администрации города, области, СМИ встречали гостей в вестибюле школы. В исполнении школьного духового оркестра звучал марш «Прощание славянки», хлеб-соль подносили старшеклассники в исконных Рязанских костюмах, звучали народные песни школьного этнографического ансамбля. По всему было видно, Олег Николаевич был искренне обрадован таким приёмом.

Сразу же его окружили журналисты. В короткой пресс-конференции вопросы задавались разные. Для нас, рязанцев, интересно было услышать историю первого знакомства с Рязанью. Оказывается, это было ещё в предвоенный год: «Мне тогда было шесть лет, и мы с мамой из Сталинграда, где я родился, добирались в гости к её брату. А он был хирургом в рязанском городе Сасово. Помню тишину, помню извозчика, жару и какое-то удивительное спокойствие, которое веяло от его улочек».

На вопрос об участии в круглом столе именно в школе Олег Николаевич ответил, что «о работе музея знает давно, а Галина Александровна рассказывает о нём всегда с восхищением».

Интересно прозвучал вопрос: «Вас называют человеком словаря. Когда же появилась эта тяга к слову?» «Сколько себя помню, — отвечал

Олег Николаевич, — любил всё таинственное: непонятные надписи, слова, рисунки. Любил всё это рассматривать и придумывать про них что-нибудь необычное. Вот и рассматриваю до сих пор, ведь ничего таинственнее, чем древние письма, и быть не может. Они и стали моей судьбой». Вот так раскрывалась (в том числе и перед юношеством) личность учёного. Присутствующие слышали его мнения о съездах славистов, их роли в научной жизни, их значении в общественном развитии.

Спустя годы пришло осознание, что встреча с ведущим учёным-славистом XX века была для рязанцев подарком, если ещё учесть, что проходила она в стенах, где открывалась новая музейная экспозиция, посвящённая его предшественнику — выдающемуся слависту XIX века И. И. Срезневскому. В музее хранится фотография, на которой запечатлён момент, когда Олег Николаевич внимательно рассматривает витрины экспозиции.

И ещё один подарок ждал присутствующих, в первую очередь, актив музея. В конце заседания круглого стола, вместе со словами напутствия, О. Н. Трубочёв преподнёс музею рукопись своего доклада «То есть середина земли моей...» (В поисках единства. Вятичи-рязанцы среди восточных славян.) В правом верхнем углу каллиграфическим почерком, как и во всей рукописи, он подписал: «Оставляю на память о кратковременном посещении школы № 31 Музею академика И. И. Срезневского в этой школе. О. Н. Трубочёв»

Следует отдельно остановиться на том, как был прочитан доклад и как был услышан. С первых же слов аудитория была захвачена мягкой, неспешной, иногда ироничной интонацией голоса Олега Николаевича. Всё, что говорилось, было близко и понятно каждому: «В Москве ли, в Рязани ли, во всей Руси сохраняет свою справедливость старинное мнение наших книжников, что великие апостолы, в их числе первоучители славян Константин-Кирилл и Мефодий, здесь «телом не суть были», но — духом. И это последнее глубоко одухотворяет нашу историю и самосознание, взять хотя бы гордую мысль Н. С. Трубецкого о том, что истоки русского литературного языка коренятся в деятельности Кирилла и Мефодия, или тот яркий факт, что мы и сегодня пишем кириллицей, письмом, которое, если и не изобретено св. Кириллом, то наверняка названо в его честь (и память) примерно в ту же эпоху. Праздник славянской письменности, не сразу вернувшийся к нам, совершает свой ход по русским городам: Мурманск, Вологда, Новгород Великий, Киев (да простят мне, что я и Киев на исторических основаниях отношу к городам русским), Минск, Смоленск, далее, как говорится, — везде... В нынешнем году — Рязань.

При всей кажущейся и почти нормальной произвольности этого последнего выбора, он влечёт за собой оговорки, настолько принципиальные и важные, что меняется взгляд на всю проблему, имя которой — история Руси, история и география русского языка. На этом я и сосредоточусь в своём сообщении». Интереснейший материал о вятичах-рязанцах, об исторической судьбе славянских земель, о братстве славянских языков заинтересовал всех: филологов, историков, археологов, преподавателей, учителей, учащихся.

Вечером гости города присутствовали на традиционном празднике, состоявшемся в этот раз в стенах знаменитого Рязанского кремля. Музыкальная поэтория «..И слово было Бог» ещё раз торжественно напомнила гостям о сути праздника. Олег Николаевич поделился мнением об этом торжестве: «Это было воистину величественное зрелище, настоящая кульминация праздника. Особенно финал, когда звучало произведение Глинки в исполнении нескольких хоров и оркестров. Рязань умеет хранить русские традиции. Я рад, что побывал здесь»

Следующий день пребывания в Рязани, по нашим наблюдениям, произвёл необычное впечатление на Олега Николаевича. Гости и участники круглого стола отправились в Срезнево. Олег Николаевич не раз говорил, что мечтает посетить это село, как и многие его друзья, учёные-слависты, такие как Шустер Шевц из Германии, Францишек Славский из Польши. Но хорошей дороги туда не было. Знал бы Олег Николаевич, что теперь туда может приехать каждый желающий — к 190-летию Срезневского проложена асфальтовая дорога к селу, отреставрировано место захоронения, часовня, храм, школа-памятник. Есть теперь и в селе музей, паломнический центр имени И. И. Срезневского. И приезжают поклониться памяти учёные — русисты, слависты из разных уголков земли и не только русской.

Об этом высказывал свои пожелания академик О. Н. Трубачёв у высокого гранитного креста на могиле Срезневского, возле часовни, сохранённой в честь его предков-священнослужителей. Потом долго стоял он на высоком берегу при слиянии двух славянских рек Оки и Непложи, всматривался в заокские луга. О чём он думал? О многострадальной рязанской земле, о памятниках письменности, не сумевших сохраниться под долгим татарским игом? О богохранимом уголке памяти своего далёкого предшественника? Было видно, какое внутреннее волнение переполняло его душу и, как человек скромный, не стремящийся к публичности, он искал уединения. И только когда на зелёном лугу под приветливыми берёзами раскинулась скатерть-самобранка, Олег Николаевич «вернулся» к нам. Как никогда он охотно вступил в разговоры со своими коллегами, высказывал свои мнения, размышлял, шутил. По всему

было видно, что и душа и мысли были в полнейшей гармонии с окружающим миром людей, природы, древней истории.

Таким и остался в памяти рязанцев Олег Николаевич Трубачёв — выдающийся учёный-современник, русский гражданин, трудолюбивый, искренний и честный человек. Память об Олеге Николаевиче Трубачёве жива на рязанской земле, которую он, по аналогии с древностями Подунавья, причислил к «середе земли русской». На стендах музея И. И. Срезневского в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина представлены его фотографии. Его научное наследие — словари, книги; статьи, фильмы о нём собираются в культурно-образовательном и научно-просветительском центре по изучению наследия академика И. И. Срезневского, открытом в университете. Преподаватели, аспиранты, студенты имеют возможность изучать труды О. Н. Трубачева, включать их в учебную и исследовательскую деятельность. В заботе о непрерывности научных изысканий и сегодня жива древнейшая наука филология.

Литература. Источники.

1. О. Н. Трубачёв. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — М.: Наука, 1997.
2. О. Н. Трубачёв. «То есть середина земли моеи...» (В поисках единства. Вятичи—рязанцы среди восточных славян) // Рукопись. 2000 г.
3. Г. Гапурина. Человек словаря // Приокская газета. № 79. 31 мая 2000 г.
4. Материалы музея РГУ имени С. А. Есенина.

Деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) по обустройству монастырей Херсонской и Таврической епархий

*Н. А. Куценко
Москва*

В 2007 году широкая общественность отмечала 150-летие памяти выдающегося церковного и государственного деятеля, архиепископа Херсонского и Таврического, постоянного члена Священного Синода, действительного члена Санкт-Петербургской академии наук Иннокентия Борисова.

Святитель Иннокентий проявил своё призвание как церковного, общественного и научного деятеля в судьбоносное для России время. Он скончался во время Крымской войны после посещения действующей армии в Севастополе по прибытии в Одессу. Иннокентий воплотил в

жизнь идею возрождения православных монастырей в Крыму — праматери христианской цивилизации в Северном Причерноморье.

Преосвященный Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) родился в семье священника в г. Елец Орловской губернии 15 декабря 1800 года. В 1810 году он поступил в Воронежское епархиальное училище, затем поступил в Орловскую духовную семинарию, которую окончил в 1819 году. К этому времени была реорганизована Киевская духовная академия, и первый курс её воспитанников набирался из лучших учеников семинарий. От Орловской губернии на учёбу в Киев и был послан Иоанн Борисов, который стал одним из наиболее талантливых выпускников первого курса академии. В 1823 году он окончил академический курс со степенью магистра богословия. Киевский митрополит Евгений (Болховитинов) считал Борисова «восходящим светилом богословской науки». Так и продолжилась дальнейшая судьба будущего архиепископа, в которой соединились пастырская, научная, государственная и общественная деятельность.

После окончания Киевской духовной академии Борисов был направлен в Санкт-Петербург профессором Александро-Невского духовного училища. Будучи уже ректором данного училища, он принял в октябре 1823 г. постриг с именем Иннокентий и был рукоположен в сан иеродиакона, а в декабре — в сан иеромонаха. Вскоре был назначен в Петербургскую академию — столичный центр подготовки духовных кадров, более лояльный, на то время, к инициативе как таковой — где был возведён в сан архимандрита. Заняв кафедру богословия, он предпринял существенные изменения в преподавании данного предмета, задействовав в своей методологии изложения исторический подход и сравнительную характеристику учений, чем способствовал специализации богословской науки. Старую схоластическую систему он заменил историей догматов, дополненной новыми предметами — религиозистикой (авторский термин Борисова, что значит — основное богословие, учение о религии), сравнительным богословием, экклезиастикой (юрисдикцией церкви), символикой.

В 1828 году за многочисленные научно-богословские труды он был удостоен степени доктора богословия. С 1830 г. в течение 10 лет Борисов продолжает свою реформаторско-просветительскую деятельность уже в качестве ректора Киевской академии. В декабре 1836 г. состоялась хиротония Иннокентия в сан епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии. С 1837 г. он оставляет профессию, так как основное время поглощали редакторская, издательская, научная и проповедническая деятельность. Считается, что проповеди Борисова осуществили настоящий переворот в церковном красноречии. Его выдающиеся богословские

труды и главные проповеди в 11 томах издавались до Октябрьской революции, многое переиздается и сегодня. Ко всему прочему Иннокентий имел широкие связи в высшем свете, государственных сферах и научных кругах. Сохранилась его переписка с членами императорской фамилии, видными государственными деятелями и деятелями культуры в архиве Синода, Институте рукописей библиотеки НАН в Киеве и в Одесском областном архиве, с которой мы имели возможность ознакомиться. Статьи об архиепископе содержатся во многих биографических словарях, которые характеризуют его как одного из наиболее выдающихся российских людей XIX столетия.

В 1840 году владыка Иннокентий назначается на Вологодскую кафедру, где в течение года пребывания им были исследованы многие вологодские рукописи. С марта 1841 года епископ был перемещён на Харьковскую кафедру. В апреле 1845 г. владыка был возведён в сан архиепископа, с 1 апреля 1847 г. он являлся постоянным членом Святейшего Синода. В феврале 1848 г. последовал указ о назначении Иннокентия на Херсонскую и Таврическую кафедру. Деятельность Святителя на почве обустройства монастырей в вверенной ему епархии заслуживает отдельной большой книги, достаточно сказать, что практически все ныне действующие православные монастыри в Крыму (Святой Тавриде), Одесской и Херсонской областях были воссозданы или вновь созданы благодаря усилиям владыки. Исключительное значение имела его деятельность в период Крымской войны в Одессе, Севастополе, Симферополе. При архиепископе Иннокентии произошло прославление чудотворного образа Касперовской иконы Божией Матери. В целом практически невозможно полностью перечислить все плоды пастырской, просветительской, реформаторской, научной, государственной деятельности владыки.

Скончался «русский Златоуст» в день Святой Троицы 25 мая 1857 г. в Одессе. Погребён был у входа в правый придел Одесского кафедрального Спасо-Преображенского собора. После разрушения храма в 30-е годы был перезахоронен на Слободском кладбище, в 1987 г. — на братском кладбище Одесского Свято-Успенского мужского монастыря. Вскоре после причисления Иннокентия к лику святых состоялось торжественное обретение его мощей и перенесение в Успенский кафедральный собор Одессы. Ныне они почивают в нижнем храме недавно восстановленного Спасо-Преображенского собора, освящённого в честь святителя.

Обсуждаемая тематика Чтений придаёт актуальность некоторым рукописным документам из личных архивов архиепископа Иннокентия и

архивов Одесского общества истории и древностей. В докладе рассматриваются нижеследующие документы.

1. Прощение Его Высокопреосвященству Иннокентию, Епископу Харьковскому и Ахтырскому от Киевского генерал-губернатора Дмитрия Бибикова о вхождении в качестве Почётного Члена во Временную Комиссию, учреждённую при губернаторе, для разбора древних актов, находящихся в разных архивах Киевской, Подольской и Волынской губерний.

2. Архивы Одесского общества истории и древностей. Общество учреждено 23 апреля 1839 г. В частности, анализируется речь тайного советника А. С. Стурдзы при учреждении Общества (в Заседании Ришельевского Лицея).

3. Дары архиепископа Иннокентия данному Обществу. Обычно отчёты сопровождалась следующими словами: «В обыкновенных заседаниях рассмотрены и прочтены были следующие сочинения и переводы, которые имели благосклонность представить в общество». В 1850 году владыкой были представлены переводы 4-х писем благого Константинопольского патриарха Григория V, писанных им в 1797–1799 годах к князю Ипсилантию, с сопровождением подлинников. В 1853 году владыка представил сведения о так называемом Печенежском городке, находящемся в Херсонской губернии Ново-Григорьевского Бизюкова монастыря.

4. Некролог вышеуказанного Общества по архиепископу Иннокентию.

5. Два письма архиепископа Иннокентия Борисова М. Н. Кашкадамову от 5 апреля 1853-го и от 5 марта 1857-го года. В них помимо прочего речь идёт о непростом вопросе отчуждения земель под православные монастыри и скиты в Крыму посредством процедуры выкупа за церковные средства на частное доверенное лицо, а затем последующего дарения: «Во владение земли будете вводиться Вы как хозяин, и от Вас уже она будет передана скиту. ... К Губернатору писано мною и о земле для скита Святой Анастасии. Объясните ему, что тут требуется, и чем он может помочь Вам. Видите, сколько затруднений! Но будем тверды до конца. Трудимся не для людей».

Полагаем, что тщательное рассмотрение вышеуказанных документов будет способствовать более глубокому и детальному изучению пастырской деятельности святителя Иннокентия (Борисова).

Профессор Крымского университета Е. В. Петухов о проблемах славистики и Северного Причерноморья

*Л. П. Лантева
Москва*

Евгений Вячеславович Петухов (1863—1948) более 50 лет своей жизни прожил в дореволюционный период истории России. Он родился в городе Томске, окончил Петербургский университет, где усердно изучал историю древнерусской письменности. По окончании университета его оставили для приготовления к профессорскому званию, с 1897 г. он работал по заданию ОРЯС по подготовке нового издания академического словаря и был принят приват-доцентом на историко-филологический факультет Петербургского университета. После защиты магистерской и докторской диссертации Е. В. Петухова назначили в 1895 г. ординарным профессором Императорского Юрьевского университета, где он и проработал 23 года. В связи с Первой мировой войной Юрьевский университет был переведен в Центральную Россию и дал начало Воронежскому университету.

В юрьевский период Е. В. Петухов написал свои главные сочинения, которые касались исследования русской литературы, изучения истории науки и высших школ, славянской проблематики. Большое место занимает публикация документов. По русской науке ученый создает произведение общего характера под названием «Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода». Труд занял видное место в ряду крупных общих обзоров истории русской литературы. В качестве пособия при прохождении курсов истории русской литературы, этим трудом пользовался ряд поколений студентов различных гуманитарных высших школ. Из славянских сюжетов Е. В. Петухов исследовал древнеболгарскую литературу, написал содержательный очерк о лужицких сербах и опубликовал свои интересные, в чем-то даже уникальные, впечатления о далматинских славянах. Творчество профессора юрьевского профессора было по достоинству оценено современной ему научной общественностью. В 1916 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук в звании заслуженного профессора.

После Октябрьской революции 1917 г. в России все существование Е. В. Петухова резко изменилось. В Воронеже его жизнь не сложилась. В конце 1919 или в самом начале 1920 г. он переехал в Крым и 1 октября 1919 г. был избран профессором Таврического университета, где стал преподавать славянскую филологию и русскую литературу. В 1925 г. Таврический университет был преобразован в Крымский педагогический

институт. Здесь Е. В. Петухов занимал некоторые академические должности, а также преподавал на Симферопольском рабфаке, в драматической студии и других местах. В 1927 г. отмечалось 40-летие его научной деятельности, и институт отметил эту дату статьей в своих «Известиях», а различные учреждения и лица прислали поздравительные письма и адреса. Совнарком РСФСР назначил ему персональную пенсию в размере 150 рублей. В качестве профессора Е. В. Петухов читал лекции по славяноведению. Его вступительная лекция в Таврическом университете, прочитанная 24 января 1920 г., называлась «Об изучении славянства в России». Вообще Е. В. Петухов в советское время свернул свою научную деятельность, хотя и работал в архивах, а с 1 января 1933 г. по май 1937 г. служил старшим научным сотрудником Крымского Центрального Архивного управления. Там он отыскал письма А. Н. Карамзина 1847—1848 гг. и опубликовал их как материалы по истории французской революции 1848 г., вступительной статьей. Весьма скрупулезно обследовал Е. В. Петухов также материалы, связанные с пребыванием в Крыму русских писателей. Так, в 1927 г. в «Известиях Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе» он опубликовал статью «Крым и русская литература (историко-литературный обзор)».

Профессором по кафедре русской литературы Е. В. Петухов работал в Симферополе до начала Великой Отечественной войны. О периоде 1941—1944 гг. он писал уже после войны: «Не имея возможности отправиться в эвакуацию на Кавказ по преклонному возрасту и полной слепоте жены, жил в Симферополе во время оккупации Крыма, работал по своей специальности (русская литература) в городской управе (секция литературно-художественного радиовещания). С возвращением Советской власти в Крым снова стал работать в Крымском пединституте профессором русской литературы и заведующим кафедры литературы (ИРЛИ. Ф. 689 (Е. В. Петухов). № 154. Л. 44. Датировано: ноябрь 1947 г.).

Е. В. Петухов принадлежал к первоклассным русским ученым. Он обладал высокой славистической эрудицией, великолепно владел чешским, немецким и французским языками. Знал английский, оставил потомству более 90 печатных работ, среди которых имеются многотомные издания по русской литературе, весьма важны его труды и по истории славяноведения. Е. В. Петухов скончался 2 ноября 1948 г. Его смерть, видимо, не вызвала никаких откликов в печати, во всяком случае, автору этих слов не удалось разыскать ни одного некролога. Его имя, как и многих других дореволюционных ученых гуманитарного профиля, было в СССР забыто на многие десятилетия.

Побут українців буджака за матеріалами ліричного фольклору

Г. В. Леснікова

Одеса

В даній статті ми досліджуємо особливості побуту українців Буджака. Джерелом нашого дослідження виступає ліричний фольклор українців даного регіону. Ми ставимо собі за мету з'ясувати здатність народнопісенної творчості до відображення культурно-побутових особливостей, які характерні для українців саме даного регіону.

Українці переселялися в Буджак з різних історико-етнографічних регіонів України. У результаті чого, як вважають сучасні дослідники, у даному регіоні склалися різні етносоціальні і етнокультурні групи українців: „райки“ — вихідці з Буковини та Поділля, „руснаки“ — українці, вихідці з Хотинського повіту та Західної України та „козаки“ — українці, нащадки запорізьких та задунайських козаків¹. Також в Буджака фіксують українців з Наддніпрянщини. У результаті внутрішньої акультурації (між різними групами українців) та зовнішньої — з носіями інших сусідніх культур: болгарською, російською(переважно, старовіри), молдавською, гагаузькою, грецькою та ін. та внаслідок адаптації до місцевих природно-географічних умов, у буджацьких українців сформувалася виразна регіональна культура, відображення якої у фольклорі ми і намагаємося дослідити.

Джерельною базою нашого дослідження став опублікований пісенний фольклор та польовий матеріал, зібраний членами етнографічних експедицій ОНУ ім. І. І. Мечникова у липні 2003-2004 рр. за участю автора даної роботи. Серед опублікованого матеріалу був використаний пісенний фольклор, зібраний серед українських сіл Буджака, таких як с. Балабанка, с. Нерушай, с. Струмок, с. Лиман, с. Білолісся, с. Рибальське, с. Тузли, с. Зарічне та ін. Татарбунарського р-н. відомим фольклористом Кузьмою Смалем, який у вигляді окремої збірки „Пісні Буджацького степу“ був опублікований у м. Татарбунари у 2003р². Як вже зазначалося був використаний польовий матеріал, зібраний членами етнографічних експедицій ОНУ ім. І. І. Мечникова і автором даної роботи у 2003-2004 рр. серед сіл Буджака, а саме: с. Плахтіївка Саратського р-н., с. Шевченкове та с. Десантне Кілійського р-н. та с. Першотравневе Ізмаїльського р-н³.

Проаналізувавши даний пісенний фольклор, ми з'ясували, що певні культурно-побутові особливості українців Буджака знайшли своє відображення у їхньому фольклорі. Це, по-перше, говорить про те, що пісенний фольклор не є консервативним, інваріантним, а є динамічним і здатен до адаптації, варіативності.

Проаналізуємо, які ж особливості побуту українців Буджака відобразилися у фольклорі.

По-перше, це характерні для українців Буджака галузі господарства, а саме: виноградарство, вівчарство та рибальство.

Зокрема, серед родинно-побутового фольклору ми зустрічаємо пісні, лексичне наповнення яких вказує на виноградарство та вівчарство, як одні з основних видів господарства:

Чабан вівці турляє, вона йому промовляє:

Чабан ти мій милесенький, на личко ти білесенький.

Вона його в сад повела,
в сад за виноград ⁴

Таке ж лексичне забарвлення ми фіксуємо і у весільних піснях українців Буджака, причому подібних лексем ми не зустрічаємо в аналогічних піснях з інших регіонів України („веземо тобі невісточку з винограду“, „де ж ви бояри забарилися, по садах — виноградах волочилися?“ та ін.). Окрім того, „чабан“ чи „виноградар“ не рідко виступає головним героєм у піснях про кохання, записаних серед українців даного регіону.

Неабияке висвітлення знайшло у пісенному фольклорі рибальство. Як зазначають дослідники, даний вид діяльності був основним особливо для жителів Дельти Дунаю ⁵. Серед станових пісень українців Буджака фіксуємо цикл бурлацьких пісень, присвячених поневірянням на рибацьких артілях. Бурлаками, як правило, ставали селяни, що втікали від кріпацтва в Буджацький степ та поневірялись у наймах, переважно на рибальських артілях, що підтверджує і місцевий фольклор:

Ой бодай би тая річка, риби не сплodiла

Вона ж мене молодого з родом розлучила.

Ой бодай би тая річка кущами обросла

Вона ж мене молодого в чужий край занесла ⁶

Також у піснях про кохання та сімейне життя рибалки виступають головними чи другорядними героями:

Мала мати аж три дочки,

першу дочку заміж дала

тай за риболовця...

Перша донька у гості йшла,

отаку рибку несла ⁷

Риболовці-хлопці

Закидайте вентаря,
витягайте мою милую сюда⁸

Необхідно зазначити, що даного лексичного наповнення і порівнянь „дівчина, мов рибчина“, що зустрічаються у ліричному фольклорі українців Придунав'я, ми не фіксуємо у такій частоті серед народнопісенної творчості українців інших регіонів України.

Також у ліриці українців даного регіону ми зафіксували відображення особливостей місцевого житлобудування. Як зазначають дослідники, основним матеріалом, з якого будували фундамент і стіни в даному регіоні, був так званий „чамур“, с тюркського „гній“. Він робився у вигляді вальків із суміші глини з соломою або половиною⁹. Сьогодні такі чамурні вальки у Буджака використовує для житло будування майже кожен хазяїн.

Показово, про дане явище сповіщає нам і місцевий весільний фольклор:

А в нашого свата
З чамуру хата¹⁰
Окрім того, вказуються ще такі матеріали, як „очерет“ та „дерево“:
Моя хата край води
З високого дерева, з лободи.
А сіни з комишу, з премудрого дерева,
з лопуху¹¹

Таким чином, ми бачимо, що ліричний фольклор українців Буджака адаптувався до місцевого регіону і відобразив його культурно-побутові особливості.

¹ Кушнір В., Прігарін О. „Козаки“ і „райки“ як субетнічні групи українського населення Буджака (до постановки проблеми) // Південь України. Доповіді та повідомлення Четвертого міжнародного конгресу україністів. Одеса, 26—29 серпня 1999 р. — Одеса, 1999 р. — С. 55—59.

² Пісні Буджацького степу / Зібр. і вряд. К. Смаль. — Татарбунари, 2003.—184с.

³ Матеріали етнографічної експедиції ОНУ ім. І. І. Мечникова по вивченню традиційної культури українців на Одещині. — с. Плахтіївка Саратського р-н.— Фольклор. — липень 2003р.; Матеріали етнографічної експедиції ОНУ ім. І. І. Мечникова по вивченню традиційної культури українців на Одещині. — с. Шевченкове, с. Десантне Кілійського р-н., с. Першотравневе Ізмайльського р-н. — Фольклор. — липень 2004 р.

⁴ Матеріали етнографічної експедиції... — с. Плахтіївка.. — Фольклор. — липень 2003 р.;

⁵ Бачинська О. А. Українське населення Придунайських земель XVIII—XX ст. — Одеса, 2002. — С. 129—137.

⁶ Матеріали етнографічної — с. Шевченкове... — Фольклор. — липень 2004 р.

⁷ Матеріали етнографічної — с. Першотравневе... — Фольклор. — липень 2004 р.

⁸ Матеріали етнографічної — с. Десантне... — Фольклор. — липень 2004 р.

⁹ Пригарін О. А. Традиційне житло українців Буджака XIX—XX ст. (за матеріалами експедицій Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова) // Національні та етносоціальні процеси в Україні. Матеріали Другої Всеукраїнської науково-практичної конференції молодих науковців. — Чернівці, 1997.

¹⁰ Матеріали етнографічної експедиції... — с. Плахтіївка.. — Фольклор. — липень 2003 р.

¹¹ Пісні Буджацького степу... — С. 25.

Из истории черноморского флота (адмиралы Джон Поль Джонс и Федор Федорович Ушаков)

*В. С. Лопатин
Москва*

На Атлантическом побережье Соединенных Штатов Америки стоит город Аннаполис. В нем находится Военно-морская академия, из стен которой вышли (и выходят) офицеры и адмиралы самого могучего военно-морского флота современного мира. Церемония выпуска новых офицеров происходит в церкви, где сооружена гробница адмирала Джона Поль Джонса.

Своим размером и великолепием она напоминает гробницу императора Наполеона в Соборе Инвалидов. Так в начале XX века правители Соединенных Штатов почтили память своего национального героя, который считается основателем американского военного флота.

Джонс прославился в войне за Независимость. Англичане называли его изменником, пиратом и грозили повестить отважного моряка.

Французы — союзники юных Северо-Американских Соединенных Штатов (постоянно терпевшие поражения от непобедимого британского флота) — в отместку прославили Джонса. Американец, действуя с французских баз, совершал дерзкие рейды против одиночных английских

судов. На самом деле эти подвиги были всего лишь эпизодами большой войны. Американцы не имели ни настоящего флота, ни адмиралов.

Чин контр-адмирала Джонс получил по указу российской императрицы. Екатерина Великая пригласила его в Россию, приняла на службу и направила на Черное море к Потемкину.

Шла война с Турцией — величайшей мировой империей всех времен и народов. Османские владения простирались от Кавказа до Марокко, от Дуная до Персидского залива.

Как свидетельствуют летописи, еще в одиннадцатом веке Черное море звалось «русским морем». Во времена Екатерины оно давно считалось внутренним озером Турции.

В начале XVIII века Московская Русь осуществила вековую мечту народа и пробилась к морю. Ценой огромного напряжения народных сил Петру Первому удалось стать твердой ногой на Балтике.

Разгромив в Полтавской битве шведов — сильнейшую в Европе армию, царь-победитель двинулся к Черному морю.

Но поход на Юг едва не закончился катастрофой. Русская армия была окружена турками и крымскими татарами. От капитуляции её спасли дипломаты. Были потеряны все завоевания в Приазовье, добытые ратным трудом нескольких поколений.

На пьедестале знаменитого Медного всадника читается надпись: ПЕТРУ ПЕРВОМУ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

Поколение Екатерины, Потемкина, Суворова, Ушакова решило великую историческую задачу, перед которой остановилось поколение Петра.

В 1768 году Турция объявила войну России. Длившаяся шесть лет война потрясла её зачинщиков и поразила Европу. Имя Румянцева, победителя в битвах на берегах Дуная, гремело в Европе.

Вольтер, властитель дум просвещенных европейцев, с восхищением писал Екатерине о победах ее армии и флота.

К русским победам на суше уже привыкли. Когда же русский флот пришел из Балтики в Средиземное море, большинство знатоков предвещало ему незавидную участь. Слишком велико было превосходство военно-морских сил султана.

Произошло чудо. В Чесменском сражении у берегов Малой Азии Турецкий флот был полностью уничтожен.

Мир позволил России продвинуть границу до устья Буга. Русским торговым судам было позволено проходить проливы. К России отошли небольшие крепости — две в Крыму (Керчь, Еникале), одна (Кинбурн) напротив турецкой твердыни Очакова. Крымское ханство было объявлено независимым.

Тайный муж и соправитель императрицы Григорий Александрович Потемкин, которому была поручена Новороссия, понимал: борьба за Черное море еще не окончена. Для победы нужен флот.

Через четыре года после окончания войны он основал Херсон, ставший колыбелью Черноморского флота.

Критики бранили Потемкина за неудачный выбор места. Построенные в Херсоне корабли из-за мелководья Днепра с трудом выводились в лиман. Но сидевшие в Петербурге верхогляды забывали, что соседом Херсона был турецкий форпост Очаков, что поблизости проходила граница с Крымским ханством.

Вслушаемся в доводы Потемкина, предложившего императрице воспользоваться замешательствами в Крыму и навсегда решить проблему опасного соседства: «Крым положением своим разрывает наши границы.

Положите же теперь, что Крым ваш. Доверенность жителей Новороссийской губернии будет тогда несомнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, изволите рассудить, что кораблям вашим и выходить трудно, а входить еще труднее.

Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить вас не может, а только покой доставит. Вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один государь в России не имел.

С Крымом достанется и господство в Черном море».

В 1783 году Екатерина утвердила предложенный план и поручила Потемкину провести его в жизнь.

Летом военно-дипломатическая операция была успешно закончена. Потемкин точно рассчитал время и силы. Ослабленная Турция была не готова к войне. Европейские державы были заняты окончанием Американской войны.

Хан Шагин-Гирей отрекся от престола и получил огромную пенсию. Мурзы и духовенство Крыма в присутствии Потемкина принесли присягу на верность Российской императрице. Без единого выстрела ханство, бывшее в течение веков самым страшным разорителем русских и украинских земель, было присоединено к империи.

До самого последнего времени историки не знали о том, что Потемкин накануне присоединения ханства к России секретно посетил Крым. Он хотел своими глазами увидеть гавань, о которой ему рассказывали русские моряки.

Художник Венецнанов изобразил царя Петра, выбирающего место для новой столицы России. Пушкин откликнулся на это событие вдохновенными стихами:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум высоких полн.
И вдаль глядел.

Но русские историки, поэты и художники проглядели другое великое мгновение в нашей истории. Никто не заметил Потемкина, стоявшего на берегу пустынной Ахтиарской гавани и видевшего новый город — Севастополь! Главную базу нового флота.

«Матушка родная, — писал императрице Потемкин. — не описываю о красоте Крыма, оставляю до другого случая, а скажу только, что Ахтиар лучшая гавань в свете. Петербург, поставленный у Балтики, северная столица России, средняя — Москва, а Херсон Ахтиарский да будет столица полуденная моей государыни. Пусть посмотрят, который государь сделал лучший выбор»!

Через год были заложены первые камни Севастополя — города русской славы, известного всему миру своими двумя героическими оборонами.

Первый линейный корабль Черноморского флота был спущен в Херсоне в сентябре 1783 года. В мае-июне 1787 года Екатерина II совершила памятное путешествие на Юг. Ее сопровождали чиновники высокого ранга, послы и посланники европейских держав. Глава великой державы, союзник Екатерины австрийский император Иосиф II присоединился к ее свите под именем графа Фалькенштейна.

Кульминацией путешествия стал торжественный обед, устроенный Потемкиным во дворце на Инкерманских высотах подле Севастополя. В разгар обеда Светлейший распахнул шторы, и потрясенные гости увидели прекрасную гавань и стоящий в ней флот.

Ответом стала война, развязанная Турцией, за спиной которой стояли Англия и Пруссия.

Ордер Потемкина командующему севастопольским флотом Контр-адмиралу Войновичу гласил: где завидите только флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть.

Потемкин старался вырвать стратегическую инициативу из рук противника. Но флагманы не смогли донести до главнокомандующего опасности похода флота в дни осеннего равноденствия.

Вскоре Потемкин получил страшную весть — флот попал в сильнейший шторм и погиб. Главнокомандующий не уклонился от ответственности.

«Матушка Государыня, — писал он императрице, — я стал несчастлив. Флот севастопольский разбит бурей. Бог бьёт, а не турки. Я

при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Не дайте терпеть делам».

Он просил поручить командование своему учителю в военном деле — прославленному Румянцеву. Но Екатерина и герой Задунайский убедили князя Григория Александровича остаться на своем посту, понимая, что только он способен поднять на своих плечах великое дело решающей схватки с Турцией за господство на Черном море.

Потемкину нужно было время для восстановления севастопольского флота. Опираясь на хорошо поставленную разведку, он рассчитал, что противник будет всеми силами защищать Очаков.

Так и случилось. Командующий турецким флотом опытный адмирал Газы Хасан-паша решил разгромить лиманскую парусную эскадру и ударить по Херсону.

Турок ждал сюрприз, подготовленный Потемкиным. Построенные им лёгкие гребные суда могли ходить против ветра и, главное, несли орудия крупного калибра.

В военно-морском музее в Петербурге хранится знатный трофей — флаг турецкого великого адмирала, захваченный русскими моряками в трех победных сражениях на Лимане. Победу добыли гребные суда — «сюрприз» Потемкина. А вот главная сила — Лиманская парусная эскадра — практически бездействовала. Эскадрой командовал американец Джон Поль Джонс.

Накануне сражений на Лимане Екатерина II сделала Потемкину подарок. Поверив французским газетам, она пригласила проживавшего в Париже Джонса, дала ему высокий чин контр-адмирала и отправила на Черное море.

Дареному коню в зубы не смотрят — гласит русская поговорка. Потемкин поручил американцу лиманскую эскадру, сменив храброго и опытного грека Алексиано.

Это назначение вызвало недовольство черноморцев. Офицеры-греки собирались подать в отставку. Офицеры-англичане не желали служить под началом пирата, врага Старой Англии.

Моряков с трудом помирил Суворов, которому Потемкин поручил встретить американца и помочь ему войти в боевую семью. Алексиано перешел на гребную флотилию, которой командовал приглашенный из Франции известный кондотьер — принц Нассау-Зиген. Именно они стали героями сражений на Лимане. Алексиано получил чин контр-адмирала, Нассау — вице-адмирала. Не был забыт и Джонс. По представлению Потемкина он получил оред Святой Анны — своего рода аванс, потому что его парусная эскадра практически не участвовала в боевых действиях.

Вскоре Джонс подтвердил старую истину: командовать двумя небольшими судами и командовать эскадрой — большая разница.

Потемкин доносил о нем в столицу: «Всемиловейшая Государыня, мне польза Ваших дел столь дорога, как жизнь.

Сей человек неспособен к начальству: медлен, неретив, а, может быть, боится турков. Я не могу ему поверить никакого предприятия. Не сделает он чести Вашему флагу. Многими судами никогда не командовал.

Он нов в сем деле, команду всю запустил, ничему нет толку: не зная языка, ни приказать, ни выслушать не может. В презрении у всех офицеров.

Я в сей крайности решился объявить, что Вы изволите его требовать в Петербург».

На Балтике американцу тоже не было удачи. Джонс был обвинен в покушении на девичью честь и отдан под суд. От наказания его спас Потемкин, предложивший отпустить незадачливого адмирала с миром.

Джонс скончался в Париже, во время революции, в полной неизвестности. Американский посланник даже не пришел на его похороны.

Через сто лет соединенные штаты стремительно вошли в ряды мировых держав. Политикам понадобились свои герои. Прах Джонса был отыскан и с почестями перенесен в Аннаполис.

Американские историки именуют Джона Поль Джонса великим адмиралом.

Потемкин настойчиво искал флагмана для своего любимого детища — черноморского флота — и нашел его. В первом же боевом столкновении севастопольского флота с численно превосходящим флотом Газы-Хасана капитан бригадирского ранга Ушаков, командуя авангардом, заставил противника отступить.

Потемкин поверил в талант Ушаков, добился его производства в контр-адмиралы и поручил ему командование севастопольским флотом.

В трех морских сражениях Федор Федорович Ушаков одержал три блестящие победы над турецким флотом.

«Вот, матушка родная, — писал в 1790 году императрице Потемкин, — Бог даровал победу и над другим флотом турецким. Контр-адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, разбил сильно и гнал до самой ночи.

Едва исполнилось семь лет, как корабль «Слава Екатерины» сошел по Днепру в Понт. Флот уже размноженный торжествует. Не получил неприятель в бою ни лодки.

Я счастлив, что не принес флагу вашему бесчестья».

31 июля 1791 года Ушаков разгромил при мысе Калиакрия флот противника и поставил победную точку в войне, утвердившей Россию в ранге Черноморской державы.

Свой выдающийся талант флотоводца Федор Федорович Ушаков подтвердил во время знаменитого похода в Средиземное море в 1798—1799 годах. Историки отмечают беспримерную победу — взятие мощной крепости на острове Корфу силами флота.

Помнит русского адмирала-освободителя и благодарная Греция.

Ушаков положил начало плеяде знаменитых адмиралов-черноморцев. Долгие десятилетия черноморский флот находился на линии огня и по праву считался лучшим флотом России.

Вот уже несколько десятилетий памятник Ушакову украшает Херсон. Во время Великой Отечественной войны именем Ушакова были названы орден и медаль — почетнейшие знаки отличия за подвиги на море.

Прах великого российского флотоводца покоится в далекой от Севастополя Мордовии. В его скромной гробнице нет показного великолепия, как у адмирала американца Джонса. Недавно русская православная церковь признала Ушакова местночтимым святым.

Два адмирала-черноморца, две судьбы.

Как говорил Суворов, история обладает настоящим зеркалом, в котором отражается подлинное значение лиц и событий, и никакие наемники-историки не в силах исказить истину.

Моравский субстрат в языке Паннонских житий свв. Константина и Мефодия

*К. А. Максимович
Москва*

Паннонские жития Кирилла и Мефодия (далее: ЖК, ЖМ) являются главными историческими источниками по раннему периоду славянской письменности. Несмотря на то, что они дошли до нас лишь в поздних болгарских и русских списках, среди лингвистов укоренилось мнение об их очень древнем происхождении¹. Это мнение опирается прежде всего на языковые данные обоих житий. Для ранней славянской книжности признание архаичности текста почти всегда ведёт к признанию его западного (моравского) происхождения. Иначе и быть не может — ведь миссия Константина-Кирилла и его брата Мефодия проходила на территории государства Великая Моравия, включавшего в себя преимущественно земли западных славян. Соответственно, древний славянский текст может по праву считаться архаичным, если в его языке

имеются западнославянские черты, восходящие к кирилло-мефодиевской эпохе.

В научной традиции имеется ряд удачных опытов исследования ЖК и ЖМ с точки зрения их локализации по данным языка. Так, ещё в 1936 г. М. Вейнгарт, специально исследовавший Паннонские жития под лингвистическим углом зрения, пришёл к выводу о том, что их автором был один из учеников Мефодия (Weingart 1936).

В 1922 г. ученик М. Фасмера немецкий славист Х. Ф. Шмид отмечал наличие редких лексем в «Номоканоне Мефодия» и в Паннонском житии ЖМ (речь идет о специально моравских словах **стрижьникъ** и **мышьнии**) (Schmid 1922, 119). В 70-е годы прошлого века чешский славист Й. Вашица, занимаясь исследованием и изданием кирилло-мефодиевских юридических текстов, указал на целый ряд новых лексем, общих для «Номоканона Мефодия» и Паннонского ЖМ. Это такие слова как **анагностъ** ‘церковный чтец’, **гНодити** ‘хулить’, **извѹстьным** ‘достойный доверия’, **казатель** ‘наставник’, **кафоликия** ‘кафолический (о Церкви)’, **область** ‘епархия’, **правовѹрьнь**, **прѹдѹль** ‘приход’, **слНѣжьба** ‘литургия’, **св-тии днь** ‘праздник’, **съньмъ** ‘собор’, **ходатаи** ‘заступник’, **ходити** в специальном значении ‘приходить без разрешения в чужую епархию’, а также массовое употребление сочетаний с **творити** и **дѹяти** (Vašica 1955, 32–38; Vašica, Nom, 222–224). Эти наблюдения позволяют, по мысли автора, отнести автора ЖМ к ближайшему кругу учеников Мефодия, постигавших у него премудрости первого книжного языка славян.

Й. Шютц в небольшой статье «Замечания к Житию Мефодия» обратил внимание на то, что в тексте Жития имеется архаичное написание **Съвабы**, отражающее старое верхненемецкое произношение [с] вместо [ш]. Согласно Шютцу, такое написание свидетельствует о немецком окружении автора Жития, которое по этой причине следует локализовать в западнославянских землях. С другой стороны, Шютц указывает, что фраза в гл. IX ЖМ: (дьявол) **въздвѣже срѣдьце врагНѣ моравьскаго корол-** относится к сыну Людвига Немецкого Карломану, который считался моравским «королем», т.е. сюзереном (в отличие от вассального «князя» – Ростислава). Детальное знакомство автора ЖМ с политической ситуацией в Моравии этого времени свидетельствует, по мнению Шютца, о западнославянской локализации текста (Schütz 1976).

В одной из своих недавних работ крупнейший американский византинист Игорь Шевченко обратил внимание на два грецизма в ЖК: речь идет о словах **вивлотикарь** и **апостоликъ, апостоликовъ** (Ševčenko 1999). Изучение традиции греческого термина βιβλοθηκάριος □ показало, что это слово употребительно только в источниках, связанных с

Италией и папской курией (оно содержит суф. -*agios* латинского происхождения), соответственно в славянский текст ЖК этот термин мог попасть только в среде, связанной с Римом. Термин **апостоликъ** ‘папа Римский’ происходит из греческого через латинское *apostolicus*, причем во всей славянской книжности этот термин встретился только в ЖК и ЖМ (SJS I, 46). Аргументы Шевченко позволяют рассматривать термины **вивлотикарь** и **апостоликъ** как западнославянские регионализмы, причем второй из них – **апостоликъ** – имеет латинское происхождение и полностью укладывается в критерии определения моравизмов, тогда как первый представляет собой чистейший грецизм, и тем не менее может также считаться западнославянизмом². На основании только этих лексем создание ЖК (или, по крайней мере, некоторых его частей) можно уверенно локализовать на Западе славянства.

В обширном научном наследии акад. О. Н. Трубачёва есть небольшая, но в своём роде замечательная статья «Несколько лингвистических глосс к моравско-паннонским житиям», в которой помимо интересных наблюдений над языком Паннонских житий рассмотрены также несколько редких региональных лексем.

Так, в цитате из гл. I ЖМ: **двѣдъ кротостию люди распасе и пұсньмъ бѣжиямъ наНѣчи** слово **распасти**, вопреки современным переводам, не означает ‘быть пастырем’, как в его производящем **пасти**. Трубачёв проницательно замечает, что этот глагол следует интерпретировать в свете западнославянских аналогов со значением ‘насытить, накормить, раскормить’ (чеш. *pásti*, польск. *rozpaść*). Таким образом, фразу из ЖМ следует переводить как «Давид дал людям сытую жизнь», а гл. **распасти** интерпретировать как моравизм.

В гл. IX ЖМ встретилось редкое наречие **изниц-**, ср. – **Рече король изниц-: не трѣжаите морго Ме»одия**. Это место вызвало множество неточных интерпретаций со стороны позднейших переводчиков: ‘король сказал сквозь губы’ (рус. пер.), ‘король сказал уклончиво’ (англ. пер.), ‘король сказал глядя снизу вверх’ (нем. пер.). Как указал О.Н. Трубачёв, «решить этот вопрос можно только на чехо-моравском материале» с привлечением таких лексем как чеш. диал. *znikati* ‘возражать’ или ст.-чеш. *znice* ‘искоса, исподлобья’.

В гл. XIII ЖМ имеется следующий пассаж о благорасположении императора к Мефодию: **вблюбль и одарь вельми проводи и паки**. Гл. **облюбити** имеет соответствия в современных славянских языках – прежде всего в сербохорватском *oblubiti* в значении ‘полюбить плотской любовью’, польском *oblubić* и словенском *obljubiti* ‘дать обет, обещание’. Однако ближе всего к употреблению ЖМ стоит

чеш. *oblíbiti (si)*, словац. *obl'ubit' si* и ст.-чеш. *obl'ubiti* в значении 'полюбить сердцем, оказать милость, расположение'.

Наконец, по справедливому указанию Трубочёва, однозначно западным элементом вокабуляра Паннонских житий является термин **король**, заимствованный, как известно, из латинского имени Карла Великого *Carolus* в первой половине IX в.

Таким образом, О.Н. Трубочёв, как этимолог и блестящий знаток славянских языков, внёс ценнейший вклад в изучение западнославянского субстрата в житиях славянских просветителей.

Литература

Трубочёв 1987 – Трубочёв О. Н. Несколько лингвистических глосс к моравско-паннонским житиям // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 30–36.

Schmid 1922 – Schmid H. F. Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Die Sprache der ksl. Übertragung der Συναγωγὴ des Johannes Scholasticus (= Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, hrsg. von G. Gerullis und M. Vasmer, 1). Leipzig, 1922.

Schütz 1976 – Schütz J. Anmerkungen zur Vita Methodii // Slovo. T. 25–26. 1976. S. 127–137.

Ševčenko 1999 – Ševčenko I. Constantine-Cyril, Apostle of the Slavs, as «Bibliothecary», or How Byzantine Was the Author of Constantine's *Vita*? // ...The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways... Festschrift in Honor of János M. Bak. Ed. by B. Nagy and M. Sebök. Budapest, 1999. P. 214–221.

SJS I–IV – Kurz J./ Hauptová Z. (ed.). Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. I – IV. Praha, 1966–1997.

Sławski 1971 – Sławski F. Z badań nad słownictwem języka Konstantyna-Cyryla i Metodego // Studia palaeoslovenica. Josepho Kurz septuagenario dedicatum. Praha, 1971. S. 329–334.

Vašica 1955 – Vašica J. Metodějův překlad nomokanonu // Slavia. Roč. XXIV. 1955. S. 9–41.

Vašica, Nom – Vašica J. Nomokanon // Magnae Moraviae Fontes Historici. IV. Brno, 1971. S. 205–363.

Weingart 1936 – Weingart M. Analyse philologique des legendes slaves de Constantin et de Méthode // Actes du IV Congrès international des études byzantines. Bulletin de l' Institut Archéologique bulgare. T. XI. Sophie, 1936. P. 101–109.

Примечания

1. Так, Ф. Славски уверенно относит создание житий к IX в. (Sławski 1971, 330).
2. Ввиду длительного существования у западных славян византийской (кирилло-мефодиевской) традиции, среди западнославянских региональных лексем вполне могут быть грецизмы. Точно так же, благодаря русско-греческим контактам (в частности, на Афоне) слова греческого происхождения могли непосредственно проникать в древнерусский язык — ср. **лимунь**, **ривифь**, **НоксНось** и др., не известные южнославянским памятникам и диалектам.

И снова о топонимическом типе

Л. И. Маршова
Москва

В статье 1962 года В. А. Никонов писал: «Топонимическим типом обычно называют любую группу названий, объединенных чем-либо, например общей основой или формантом»¹. Считая это неверным, исследователь справедливо отмечает: «Тип — несравнимо шире, это не мельчайшая топонимическая рубрика, а основное классификационное деление»².

Но, к сожалению, с середины XX века в топонимической науке так и не было сформулировано сколько-нибудь обоснованное и четкое определение данной комплексной единицы, которое бы позволило отличать ее от смежных именных подсистем.

Как правило, в ономастической (и уже — топонимической) литературе встречается недифференцированное употребление разных терминов.

Так, А. В. Суперанская, рассуждая о том, что «понятие „тип“ не следует сужать до одного лишь способа словопроизводства» и что «типологию следует отличать от классификации», считает: «Чтобы избежать расплывчатости в понимании типа при словообразовательной классификации, можно пользоваться термином модель (выделено А. В. Суперанской. — Л. М.), который в данном случае будет однозначным»³. Однако фактически она не различает понятия о типе и модели⁴.

Эту дифференциацию пытается произвести Н. В. Подольская. Под топонимическим типом она понимает группу топонимов, объединенных единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения, а под топонимической моделью — формулу образо-

вания топонимов, объединяющую их в топонимический тип⁵. Главнейший недостаток (среди прочих) кроется здесь в перекрестных формулировках, неприемлемых для дефинирования близких понятий.

Этот изъян обнаружил себя в монографии «Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ», в которой Н.В.Подольская предлагает уже трехчленную схему, куда, помимо «типа» и «модели», вводит еще и «способ топонимообразования», что делает ее понятийно-терминологические построения еще более зыбкими, а главное — слабо связанными с иллюстратором, который она представляет⁶. Так, например, в рамках способа соположения она выделяет детерминативный тип, реализующийся моделью «существительное устье + гидроним в родительном падеже»⁷ (развернутый анализ теоретических положений и фактического материала, используемых Н. В. Подольской, см. ниже).

Разделяя взгляды А. В. Суперанской на структуру географических названий, которая трактуется как «определенный морфологический и словообразовательный состав их, при этом имеется в виду не историческая морфология, близкая к понятию этимологии, а морфология современная, проявляющаяся в способности слова определенным образом изменяться (склоняться), сочетаться с определенными суффиксами и служить основой для определенных типов словообразования»⁸, Р. А. Агеева не предлагает терминологических решений. Вместе с тем ее анализ базируется на достаточно четких основаниях, которые могли бы войти в состав научной дефиниции: «Анализ структуры гидронимов строится преимущественно на противопоставлении основа — формант и выяснении их сочетаемости»⁹.

Новейшие работы тоже не вносят в вопрос о топонимическом типе никакой ясности. Например, С. А. Попов пишет: «Основным *способом образования* (здесь и далее выделено мной. — Л. М.) русской, как и воронежской ойконимии в частности, является морфологическая и аффиксальная его разновидности, что признано исследователями главным славянским *топонимическим типом*»¹⁰. Далее можно прочесть: «Обобщение выделенных нами мотивировочных признаков в сфере ойконимии Воронежской области позволило выявить общие и частные принципы номинации населенных пунктов, а также ряд ойконимических *моделей*»¹¹.

В работе 2002 года используется дефиниция, которая не имеет вообще никаких ограничений, а значит, словосочетание «топонимический тип» лишено терминологичности вовсе: «Любую группу географических названий, объединенных каким-либо признаком, называют топонимическим типом»¹².

Для того, чтобы определить объем понятие «топонимический тип», вначале необходимо обратиться к интерпретациям термина «словообразовательный тип», которые осуществлены на материале апеллятивной лексики и которые, надо сказать, отличаются самой широкой Альтернативностью.

Кроме того, для решения понятийно-терминологических задач, а также для атрибуции конкретных географических названий чрезвычайно продуктивными оказываются идеи О. Н. Трубачева об инновационном центре и периферии¹³.

Примечания

¹ Никонов В. А. Славянский топонимический тип // Географические названия. М.: Госиздатгео, 1962. С. 17.

² Там же.

³ Суперанская А. В. Структура имени собственного (Фонология. Морфология). М.: Наука, 1969. С. 54, 55.

⁴ Там же. С. 87—88.

⁵ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 145, 150.

⁶ Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М.: Наука, 1983. 160 с.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Суперанская А. В. Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М.: Наука, 1964. С. 70.

⁹ Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. С. 86.

¹⁰ Попов С. А. Ойконимия Воронежской области: семантика и словообразование. АКД. Воронеж: (ВГУ), 1998 (www.onoma.newmail.ru).

¹¹ Там же.

¹² Манаков А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с. (www.st.volny.edu.ru).

¹³ См. например: Трубачев О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. 2000. №5. С. 4—27.

Россия и Украина: исторические параллели

В. И. Меркулов
Москва

Северное Причерноморье в значительной степени входит сегодня в состав Украины. Его исторический характер и своеобразие продолжают неизменно влиять на нынешние украинские территории, зачастую становясь определяющим фактором. Этническая и языковая картина Северного Причерноморья имеет глубокие исторические параллели, особенно в контексте истоков российской государственности и славянской культуры в целом. В нынешнем понимании Северное Причерноморье — это важнейший аспект русско-украинского взаимодействия, тесно связанный с вопросом о понимании сущности современной Украины, самой «украинской нации» и её отношении к России.

Некогда в состав Российской империи входила и Малороссия, и Новороссия. В известном смысле это названия оказываются синонимами. Когда войска Московского государства вытеснили поляков и кочевников с опустошённых «окраинных земель» (исторических земель Киевской Руси, пришедших в запустение после монголо-татарского нашествия), новые территории, отошедшие под власть России, стали называть Малой Русью. В те времена размежевание названий старого и нового поселений происходило с помощью определений Большая и Малая¹.

В советские времена «малороссов» официально стали называть «украинцами», которых провозгласили отдельной «нацией». При этом коммунистические власти не посчитались с тем, что Малороссия — это не другое название Украины, а лишь одна из исторических областей, часть Левобережья Днепра, вошедшая в состав Московского государства после Переяславской Рады. В исторической России эта область существовала наравне с Новороссией, Слобожанщиной (Харьковщина) или Донбассом, входившим в состав Войска Донского.

В своё время Леонид Кучма озаглавил свою книгу «Украина — не Россия», настаивая на том, что перед нами разные страны. И главное, что, по его мнению, отличает Украину от России, — это размер территорий. При этом Украина — самая крупная европейская страна, а «Россия является евразийской страной, причём в известном смысле более азиатской, чем европейской»².

О названии «Украина» Кучма пишет крайне неопределённо. Вряд ли он склонен согласиться с традиционной точкой зрения об «окраине» России, но и опровергнуть её нынешним украинским политикам крайне трудно. Именно за названием «Украина» скрывается главное противоречие, обойти которое политические историки не в силах, не впадая в

домыслы. Но измышления по вопросу такого уровня дискредитируют всю концепцию. О чём можно вести речь, если украинофилы, оспаривая общепринятую трактовку, не могут предложить ни одного разумного объяснения названия собственной страны?

Между тем очевидно, что Украина — это именно «окраина». Академик О. Н. Трубачёв понимал это название более расширительно, как пограничье двух миров — Леса и Степи³. Для русского языка, поэтому, традиционно сочетание «на Украине», то есть на приграничной территории, на «окраине» (в отличие от неграмотного нововведения «в Украине»). По этому вопросу научная дискуссия вообще вряд ли уместна. Однако так или иначе приходится объяснять, окраиной чего является территория, превратившаяся ныне в «незалежное государство»? Канадский украинец Орест Субтельный, например, предлагал считать Украину «окраиной» Европы⁴.

Но другие украинские авторы выступили против идеи вообще связывать Украину с периферией, пусть и не российской, а европейской. Братко-Кутинский провозгласил, что Украина сама по себе является «центром Европы» и не может быть «окраиной». Не вдаваясь в лингвистические тонкости, он писал, что Украина — значит «земля, виділена нам Богом...»⁵. Вслед за ним и нынешний президент Виктор Ющенко, представляя 8 февраля 2005 года работникам МИДа нового министра, заявил: «Мы не соседи Европы, мы — центр Европы».

Между тем, у Московской Руси помимо малороссийской Украины были и другие «окраины». Например, Новгородская летопись под 1517 годом сообщает: «Приходиша крымские татарове на великого князя украйну около города Тулы... без пути начаша воевати». В. Даль приводит и другие примеры: «Сибирские города встарь зывались украинными. А город Соловецкой место украинное... Латины взяша украины неколико псковских сёл»⁶.

Однако с точки зрения политической мифологии, главным везением нынешней Украины можно считать её расположение на исторических землях Киевской Руси, одного из величайших государств средневековой Европы, связанного с Северным Причерноморьем. На предположении о преемственности Древней Руси и Украины сегодня основывается вся украинофильская доктрина. Однако данное предположение — это не только ключевая идея, но и главная болевая точка украинофилов, главным образом, с позиций науки.

Историю любого государства принято изучать «с древнейших времён». Но современная методология предлагает начинать такое изучение с истории территории, а не с истории нации, создавшей государственность. Изначально такая подмена была обусловлена политическими

стремлениями того или иного народа закрепить за собой определённую территорию, обосновав это тем, что на ней проживали его предки (реальные или мифические). В некоторых случаях историческое исследование о территории позволяет выдвинуть «исторические» претензии на чужие земли. Однако с сугубо научной точки зрения история территории бессмысленна, так как все нынешние народы — пришельцы на своих землях, одни раньше, другие — позже. История и археология знают бесчисленное множество переселений и миграций.

При этом истинная история государства — это не история территории, на которой оно существует (несмотря на то, что первые главы учебников обычно начинаются с обзора «географического положения», «климатических особенностей» и т. п.), а история нации, которая создаёт государственность⁷. Не существует ни одного государства, которое возникло бы само по себе, не будучи созданным какой-либо конкретной нацией. И территориальная преемственность зачастую ничего не значит. На месте одних государств через сотни лет возникают другие государства, и между ними нет никакой исторической преемственности. Вряд ли сегодня кому-то придёт в голову считать Турцию исторической и политической преемницей Византийской империи.

Однако идея территориальной преемственности зачастую оказывается главным предрассудком во многих принципиальных вопросах. Так украинские националисты называют русских финно-уграми (обычно в это вкладывается какой-то уничижительный смысл), которые действительно населяли некогда европейскую территорию нынешней России, но во времена складывания здесь русских княжеств в XII–XIII вв. были вытеснены и до сих пор сохранились в районах Поволжья. Не стоит забывать и о том, что значительная часть финно-угорских племён была истреблена во время монголо-татарского нашествия, когда орды Батыя razорили в 1236 году Волжскую Булгарию и уничтожили многие племена, жившие по Средней Волге. И если русский народ смог восстановить свою домонгольскую численность лишь к XVII в.⁸, то финно-угры этого сделать не смогли, по сей день оставаясь малочисленными народами. Выдающийся учёный Д. К. Зеленин доказал, что народы финно-угорской группы не принимали участия в этнической истории русских⁹. Вопреки желанию отдельных авторов представить русских потомками финно-угров, эти народы по сей день существуют и сохраняют свою идентичность, отличную от русской.

Точно также нынешние украинцы не имеют ничего общего с населением Киевской Руси, которое было почти полностью (более чем в десять раз) уничтожено монголо-татарами. Масштабы опустошения были действительно чудовищны. Археологи установили, что погибли почти все

населённые пункты, причём сейчас неизвестно, как назывались тысячи из них. Остатки русского населения переселялись в северные лесные районы, не возвращаясь обратно из-за постоянной угрозы набегов кочевников, и Киевщина надолго получила название «Дикого поля». С XVI века здесь начали складываться исторические области нынешней Украины, с новыми людьми и новыми традициями.

Ни один из антропологических типов нынешней Украины (их несколько) не соответствует древнерусскому антропологическому типу, представленному в захоронениях эпохи Киевской Руси. В этом состоит одно из непреодолимых доказательств, опровергающих миф о преемственности Украины и Древней Руси. Облик теперешнего населения Украины сформировался значительно позднее. Кстати былины о Киевской Руси, князе Владимире и богатырях были записаны на русском Севере (преимущественно в Архангельской и Олонецкой губерниях), а украинский фольклор Киевской Руси не знает и вообще не помнит о событиях ранее XVI века.

При этом выделить особый «украинский антропологический тип», о котором писал Х. Вовк¹⁰, не представляется возможным. Вовк причислял украинцев к «динарской расе». Но несмотря на то, что многие антропологи отмечали широкое распространение или даже локальное преобладание динарского элемента на территории Украины, её население остаётся в значительной мере неоднородным. В восточных областях Украины преобладает уже иной антропологический тип (т. н. восточный), а в степных районах заметно проявляются и черты монголоидности¹¹. Причём антропологический состав Украины достаточно чётко подразделяется по границам составляющих её исторических областей.

Разорённые земли Киевской Руси с XIII века стали «проходным двором» для многочисленных народностей и племён, осваивавших территорию «окраины». По сей день «Украина словно бы соткана из отчётливо разных исторических областей. У каждой свой облик, их не перепутаешь. Для равнодушных и недругов это лоскутное одеяло, для тех, кто любит Украину — исполненный глубокого смысла и красоты узор»¹².

Помимо этого Украина — это территория двуязычия, как в лингвистике обозначают контактную зону языков. Восточные украинцы фактически употребляют местный говор южнорусского наречия, а западные украинцы — диалект польского языка с вкраплениями гуцульских и карпатских говоров. Явление двуязычия возникает в повседневной, бытовой речи в областях со смешанным населением. По мере продвижения на Запад, в языке украинского населения сокращается количество русизмов и резко возрастает число полонизмов. Притом, что в общении

между жителями восточных и западных областей Украины могут возникать языковые затруднения.

Двуязычие украинской территории свидетельствует о том, что самостоятельный «украинский язык» не носит исторического характера. Этот вывод, конечно, не может устраивать украинофилов в их политических устремлениях, чем можно объяснить нападки на русский язык, методично осуществляемые на Украине. Несмотря на то, что по итогам социологических опросов в марте 2005 г. более 58% респондентов (преимущественно из восточных и южных областей) утвердительно ответили на вопрос о том, согласны ли они с тем, что русский язык на Украине будет иметь статус государственного. Противоположной точки зрения на тот момент придерживалось около 36% опрошенных (в основном, жителей западной Украины).

Получается, что «украинцы» — это всего лишь географическое обозначение для населения «окраинной» территории. Но зачастую за этим обозначением пытаются увидеть некое «этническое» название, чтобы оправдать историческое существование «нации». Л. Кучма пишет о том, что одним из таких названий было «черкасы» («народ черкасский», «чиркасы запорожские», «черкашани») ¹³. Однако известно, что «черкасы» — это потомки «чёрных клобуков» (в Московском летописном своде XV в. читаем: «все чрные клобуки, еже зовутся черкасы»). Они известны тем, что основали «разбойничий» (как писал В. Н. Татищев) город Черкассы, существовавший под ордынским господством. Более древнее их название — «чёрные клобуки» (от тюрк. *шапка*) — было общим названием для тюркских племён, кочевавших в причерноморских степях. В лучшем случае, черкасами может называться население одной из исторических областей Украины, но никак не все «украинцы».

Подобная попытка была связать «украинцев» с «литвинами» ¹⁴. Но в русских документах литвинами называли всех выходцев из Великого княжества Литовского вне зависимости от происхождения. Позднее название перешло, по большей части, на восточных поляков. Польский писатель XVI в. Венцеслав Миколаевич, оставивший трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян», был известен под прозвищем «Литвин». А в собственно украинских песнях литвины и украинцы прямо противопоставляются ¹⁵.

Пытаясь оттолкнуться от наследия Древней Руси и культурного ареала Северного Причерноморья, украинофилы не в состоянии привести ни одного неоспоримого аргумента, подтверждающего существование исторической «украинской нации».

Вопрос почему не Украина, а Россия в своём историческом качестве сохранила имя Русь, действительно, очень болезненный для украино-

филов. «Что же касается слова «Россия», — продолжает Кучма, — оно достаточно давнее и пошло от византийских греков. Произносить „Русь“ было им по какой-то причине несподручно, и они заменили „у“ на „о“»¹⁶. Однако О. Н. Трубочёв указывал на то, что греческое написание через «ω» можно интерпретировать и как Россия¹⁷. Более того, средневековые европейские авторы переводили названия «Русь» как «Ройссен» (Reussen), то есть «Россия». А нынешнее немецкое название России, наоборот, звучит «Russland» (страна русов). Одним словом, названия Русь и Россия идентичны. И вряд ли имя государства, о чём писал ещё М. В. Ломоносов, может восходить к «названиям третьей стороны».

Одно лишь последнее замечание вполне могло бы опровергнуть все домыслы о преемственности Киевской Руси и современной Украины, сделать однозначными все исторически параллели. Иронизируя на эту тему, можно подметить, что и заголовок книги Кучмы можно понять вполне определённо: Украина — не Русь.

Историческая Русь — это Россия, со всеми своими «окраинами» и приграничными территориями, со множеством исторических областей, великое европейское государство, имевшее одним из своих древнейших истоков Северное Причерноморье.

Примечания

¹ Русские. — М., 1997. — С. 55.

² Кучма Л. Украина — не Россия. — М., 2003. — С. 36.

³ Трубочёв О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. — М., 1978. — С. 399—400.

⁴ Украина: история. — Киев, 1994. — С. 7.

⁵ Братко-Кутиньский О. Феномен України. — Киев, 1996 — С. 64—67.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. — СПб.-М., 1882. — С. 485.

⁷ Данная проблема подробно и всесторонне разобрана в фундаментальной работе А. Н. Кольева (А. Н. Савельева) «Нация и государство» (М., 2005).

⁸ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). — М., 1973. — С. 27.

⁹ Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в формировании великорусской народности? // Труды Ленинградского общества исследователей культуры финно—угорских народностей. 1929. Вып. 1.

¹⁰ Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. — К., 1995. — С. 36—38.

¹¹ Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. — М., 1982. — С. 230—232.

¹² Кучма Л. Указ. соч. — С. 45.

¹³ Там же. — С. 70.

¹⁴ Там же. — С. 371.

¹⁵ См.: Народная память о казачестве / Сост. Новицкий Я. П. и др. — Запорожье, 1991. — С. 94, 101.

¹⁶ Кучма Л. Указ. соч. — С. 68.

¹⁷ Трубочёв О. Н. Русский — российский. История двух атрибутов нации // Рязанский Ежегодник. 2000. — С. 36.

Поиск этимологии с опорой на экстенциальные признаки диалектного слова

*Л. П. Михайлова
Петрозаводск*

Касаясь задач этимологии восточнославянских языков, О. Н. Трубочев обращал внимание исследователей на необходимость учета таких дополнительных или косвенных ресурсов «в реальных условиях сложившейся лингвистической и этнической ситуации Восточной Европы», как «исключительно разнообразные контакты со всеми представителями финно-угорской семьи языков» (Трубочев 2001: 30). В частности, говоря о хорошей изученности лексических связей западнофинских языков с русским, ученый отмечал, что «существенные коррективы возможны и здесь» (Там же).

В последние десятилетия появились лексикографические труды, относительно полно представившие состав диалектной севернорусской лексики, что дает основания для более надежных этимологий.

В говорах Русского Севера и Северо-Запада выделяется группа слов, сформировавшихся на собственно русской основе, но испытавших иноязычное воздействие и в связи с этим имеющих иной внешний облик в сравнении с общеизвестными или диалектными словами (типа *мя'тла* < *метла*, *лiнник* < *длiнник*, *гну́за* < *гну́са* и др.). Не обусловленные внутренними законами развития русского языка, подобные изменения привели к появлению особого типа диалектных лексико-фонетических вариантов, которые отражают факт перестройки фонемного состава слова по законам иноязычной фонетической системы, в частности, прибалтийско-финской, но не могут быть квалифицированы как субстратные.

Для обозначения подобных явлений целесообразно, на наш взгляд, использовать термин экстенциальный признак, под которым понимается какой-либо факт внешнего воздействия на фонемный состав общеизвестного или привычного для говорящего слова.

Среди экстенциальных признаков в области гласных выделим особое явление, известное преимущественно заонежским и псковским говорам, — переход гласного [o] в [á] после твердых согласных и [’e] в [’á] после мягких согласных с одновременной перетяжкой ударения на предшествующий слог. Это явление служит свидетельством ранних контактов славян с прибалтийско-финскими племенами (Шахматов 1911; Востриков 1990: 26–27). Ср. финские заимствования из славянского *talitta* < **dolbto*, *värttinä* < **verteno* и данные говоров: пск. *kárchma* < *корчма́*, *kánevýj* < *конéвый*, *kámель* < *кóмель* (ПОС) ¹, медв. *ня’кло* < *некло́*, *ня’тун* < *нету́н* (СРГК). В некоторых случаях такое изменение может затемнять исконные лексические связи, и без учета подобных процессов трудно определить этимологию слова.

Пудожским говорам известен глагол *ва́париться* ‘выздороветь, поправиться’ Водлозеро Олон. (СРНГ 4: 39), который, по всей вероятности, имеет этимологический корень *-пор-*, ср. *порá* ‘сила, мочь’ Север., Арх., Заонеж., Петрозав. Олон. (СРНГ 30: 33), *опорéть* ‘окрепнуть’ Пинеж. Арх. (СРНГ 23: 280), *порéть* ‘мужать, набираться сил, входить в силу’ Даль, *порéлый* ‘здоровый, в расцвете сил’ Ср. Урал (СРНГ 30: 56–57). На основании сопоставления семантики данных слов и совпадения корня ² восстанавливается ближайшая по времени возможная форма **опориться* ‘набраться сил, здоровья’, ср. *порíть* ‘толстеть, полнеть’ Верховаж. Волог. (СРНГ 30: 60). В юго-восточных обонежских говорах, к которым относится и пудожский, произошел перенос ударения на первый слог с одновременным переходом *o-* > *á* и развитием протетического согласного *в-*, и таким образом исконная приставка *о-* превратилась в вариант *ва́-*, что привело к отрыву нового слова — *ва́париться* — от своего родного гнезда, а в сознании собирателя и составителя словаря в связи с этим уже отсутствует соотнесенность с корнем *-пор-*, возникает некий «образ» явно иноземного пришельца *ва́пар-*. Не случайно олонецк. *ва́париться* ‘выздороветь, поправиться’ этимологи относят к неясным словам (Фасмер 1: 273).

Подобное явление наблюдается в осташковских говорах: *ва́ключье* ‘место между приворотным углом рыболовного устройства и выемкой, где невод тянут с помощью ворота’ Ост. Твер. (Селигер 1: 82), ср. *оклю’чье* ‘уключина’ Арх., *оклю’чинья* ‘то же’ Медвежьегор. КАССР (СРНГ 23: 129); в прионежских говорах: *са́бара* ‘надоедливый, назойливый, навязчивый человек’, *са́барить* ‘надоедать кому-н., приставать к

кому-н., навязываться' Прион. (СРГК 5: 619). Семантическая связь *са́бара* и *собо́р* 'компания, сборище' Тер. (СРГК 6: 195) кажется очевидной, актуализируется один из периферийных семантических компонентов: 'сборище' > 'шум, крик как помеха, неприятность' > 'надоедливое поведение' > 'надоедливый человек'. В глаголе *собо́рить* отмечено конкретное значение 'мчаться, ехать зигзагами' Медв. (СРГК 6: 195), за которым просматривается более абстрактное — 'нарушать порядок'.

Необычное слово *áвия* в устойчивом сочетании *городить áвию* 'говорить вздор, глупости' Тихв. (СРГК 1: 16), выступающем аналогом к общеизвестному *городить чепуху*, *городить чушь* 'говорить глупости', также служит примером перехода *o* > *a* при одновременном перемещении ударения на предшествующий слог. Загадочное *áвия*, на наш взгляд, представляет собой преобразованное *ові́я*, *ове́я* 'отходы при веянии зерна' Баб., *ове́и* 'то же' Уст. (СРГК 4: 129). Новый облик слова вызвал изоляцию его не только в формальном, но и в содержательном плане, потерю первоначального смысла, память о котором сохраняется в отрицательной коннотации как структурном компоненте значения слова. Семантическое преобразование лексемы *ове́я* (> *ові́я* > *áвия*) представляется следующим образом: 'отходы при веянии зерна' > 'что-л. негодное' > 'отбросы' > 'чепуха' > 'глупости'.

Для прибалтийско-финских языков, как и для других финно-угорских, не характерно сочетание согласных в начале слова (Лыткин 1974: 119). При усвоении русской лексики с подобными сочетаниями происходят процессы, приводящие к упрощению до одного звука или, что реже, к сокращению количества согласных в анлауте.

Из многочисленных примеров, в которых наблюдается упрощение групп согласных в начале слова приведем лишь два с изменением *кл-* > *л-* и *гл-* > *л-*.

Леи́цить 'бить, хлопать крыльями, оставаясь на одном месте' без указ. места, *леи́цать* 'хлопать, щелкать, стучать' Смол., Зап. Брян. (СРНГ 17: 36—37), *клеи́цить* 'хлопать в ладони' Кем., *клеи́цать* 'сбивать палкой рюху в игре в городки' Онеж., Холмог. Арх. (СРНГ 13: 293); *леи́цать* 'громко и без умолку говорить' без указ. (СРНГ 17: 36), *ля́ицить* 'издавать треск, сопровождающий горение; трещать' Выт. (3: 184), ср. *кля́ицить* 'говорить' Дем. Новг. (НОС 4: 60). Соотносительные пары с *л-* и *кл-* продолжают материалами других славянских языков (Фасмер 2: 248; ЭССЯ 14: 136; 10: 13). Семантическое совпадение слов с корнями **klesk-* / **lesk-* при их различии только в начальном слоге трудно квалифицировать как случайные. Системный характер преобразования сочетания согласных в один звук, возможно, отразился и на этой паре слов в тот период, когда еще не было разделения славян на три ветви.

В связи с данным фонетическим процессом интерес представляет этимология слова *лещ*. Споры идут в основном о том, какая форма является первичной — **leščь*, **kleščь* или *dleščь*. А. И. Попов, опираясь на данные новгородской берестяной грамоты, показывает связь названия *лещ* и *клев* 'лещ', подтверждаемую наличием соотносительных пар названия сети для ловли лещей — *клевинец* — *лещинка* и гидронимами типа *Клевино* на территории Шелонской и Бежецкой пятин и Переяславля (А. И. Попов 1974: 6). По данным В. В. Усачевой, картографировавшей названия леща в славянских языках, **leščь* и однокоренные представлены на восточнославянской и польской территории, **kleščь* и его фонетические варианты — в современных кашубских говорах, за исключением северной части, в Вармии, на Мазурах, в р-не Ченстохова в Польше, в словинском и нажнелужицком языках, в ляхском диалекте чешского языка (Усачева 1977: 119). В. А. Меркулова, заключая словарную статью *leščь*, пишет: «Является ли **leščь* первичной формой названия этой рыбы или преобразованием формы **kleščь*, его облик определяется связью с гл. **leskati*, **leščati*» (ЭССЯ 14: 144). Добавим, что последние могли возникнуть в результате упрощения начала слов **kleskati*, **kleščati* под влиянием фонетической системы прибалтийско-финских языков, а следовательно, можно со значительной степенью уверенности допустить, что в слове *лещ* < *клев* содержится иноэтнический элемент — нулевой начальный согласный. Ареальная характеристика слов *лещ* и *клев* свидетельствует об активности фонетического упрощения начала слова в восточнославянских и польском языках, об устойчивости славянского архаического названия на западнославянской (кашубской) территории.

Набор экстенциальных признаков не ограничивается указанными выше, он охватывает сотни слов. Богатейший материал говоров Севера, находящихся в зоне активных полиэтнических контактов с древнейшего периода до настоящего времени, открывает новые возможности для продолжения этимологических поисков.

Примечания

¹ Используем общепринятые сокращения словарей, ориентируясь на относительно полный список [см., напр.: Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007 / Ин-т лингв. исслед. — СПб.: «Наука», 971 с.], сохраняя географические пометы источников.

² Собирает, а вслед за ним и составитель словарной статьи, записал слово с гласным *-а-*, ориентируясь на произношение, не предполагая этимологической связи с корнем *-пор-*.

Литература

Востриков 1990 — *Востриков О. В.* Финно-угорский субстрат в русском языке: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: УрГУ, 1990. — 100 с.

Лыткин 1974 — *Лыткин В. И.* Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского происхождения (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: «Наука», 1974. — С. 108—214.

Попов 1974 — *Попов А. И.* Берестяные грамоты и местная диалектная лексика // Диалектная лексика 1973. Л., 1974. С. 5—8.

Трубачев 2004 — *Трубачев О. Н.* Задачи этимологических исследований в области славянских языков // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 800 с. — С. 25—35.

Усачева 1977 — *Усачева В. В.* Ареальная характеристика названий леща в славянских языках // ОЛА 1975. М., 1977. — С. 1—5—123.

Шахматов А. А. — *Шахматов А. А.* К вопросу о финско—кельтских и финско-славянских отношениях // Изв. Императорской Академии Наук. 1911. № 9—11.

К вопросу о времени создания и основных этапах формирования Жития Стефана Сурожского

*Ю. М. Могаричев, А. К. Шапошников.
Симферополь-Коктебель*

Древнейший извод Жития Стефана Сурожского, как убедительно показал С. А. Иванов на основе анализа Армянского Жития (АЖ), был составлен в иконоборческую эпоху. Сложно представить, что бы после середины IX в. фигуру Константина Копронима искусственно «вставили» в житие, да еще как положительного героя, который покровительствовал святому.

Несомненно, Стефан Сурожский скончался в период правления Константина V. Ни один из вариантов Жития ничего не сообщают ни о преемниках Константина Копронима, ни о восстановлении иконопочитания. Нет никаких сомнений, что если бы Стефан действительно пережил Константина или был современником восстановления иконопочитания, это нашло бы свое отражение в источнике. Очевидно, одной из основных задач автора греческого жития, на основе которого были составлены известные нам редакции, было показать Стефана как выдающегося иконопочитателя. Поэтому, если была бы хоть какая-то

возможность связать его образ с восстановлением поклонения иконам, это было бы сделано. Сказанное выше согласуется с информацией Церковнославянского Жития (ЦСЖ), о том, что Стефан ушел из Каппадокии и появился в Константинополе в период правления Феодосия III и патриарха Германа (715—717 гг.). Если ему в это время было 15 лет по ЦСЖ, или 18 по АЖ, то дата рождения Стефана приходится на самый конец VII в, а дата смерти (он умер, согласно АЖ, в возрасте около 70 лет) — середина — конец 60-х гг. VIII в. Преемником Стефана Сурожского ЦСЖ называет Филарета. Причем источник прямо указывает, что Стефан сам назначил Филарета следующим сурожским епископом. В 787 г. Сугдейскую епархию возглавлял уже другой епископ Стефан — Стефан II. Присутствие «Стефана, недостойного епископа города Сугдайского» зафиксировано протоколами Седьмого Вселенского собора в Никее. Очевидно, что если бы среди участников судьбоносного Никейского собора присутствовал наш Стефан, сей факт нашел бы свое отражение в Житии (невероятно, что Житие, и АЖ и ЦСЖ и ГЖ, подробно описывает борьбу Стефана с императором-иконоборцем и опускает знаменательное событие — личное участие святого в восстановлении поклонения иконам. Не приходится сомневаться, что сего сюжета не было и в полном Греческом Житии). Вероятно, стоит согласиться с мнением С. А. Иванова, что к составлению первоначального жизнеописания Стефана Сурожского имеет отношение Филарет. Учитывая, что согласно Житию, это единственный известный прижизненный близкий к Стефану персонаж «Сурожского периода», к которому святой благоволил и доверил быть своим преемником, и которого источник выставляет с исключительно положительной стороны, можно с определенной долей уверенности предполагать, что первоначальный текст Жития Стефана Сурожского был составлен или самим Филаретом или при епископстве Филарета.

Если верны наши рассуждения, то появление первоначального варианта Жития Стефана Сурожского следует датировать приблизительно периодом между второй половиной 60-х гг. VIII в и 787 гг. А учитывая, что Житие составлялось «под канонизацию» Стефана и с момента смерти и до канонизации должно было пройти некоторое время, а так же вероятность того, что Стефан Второй мог сменить Филарета не перед самим Никейским Собором, то искомая дата составления протографа укладывается в промежуток между 770-м и первой половиной 80-х гг. VIII в. (последние годы царствования Константина V — время правления Льва IV Хазарина — начало властвования Ирины).

Если исключить из сохранившихся текстов источника заимствования, явно более поздние рассказы о Стефане — иконопочитателе, то с определенной долей вероятности можно попытаться предположить, что от

древнейшего извода в дошедших до нас редакциях сохранились следующие основные моменты:

1. Рождение Стефана в каппадокийском селе Морисава (Мориваса).
2. Уход из Каппадокии и появление в Константинополе в 15—18 летнем возрасте в период правления Феодосия III и патриарха Германа (715—717 гг.).
3. Присылка Константином V Стефана на сугдейскую кафедру.
4. «Сюжет с Юрием Тарханом». Очевидно, что данный эпизод в первоначальном варианте был изложен более полно и подробно (даже чем в АЖ).
5. История с Филаретом.
6. Исцеление Ефрема.

Иные сюжеты не могут быть однозначно отнесены к протографу, однако совершенно очевидно, что там повествовалось об успехах Стефана по христианизации сугдейцев.

В постиконоборческий период Житие Стефана Сурожского было переработано. Сугдейский епископ в нем выступает уже как последовательный иконопочитатель, пострадавший за свои взгляды. Очевидно, что задачей редактора было показать Стефана как идейного иконопочитателя, «затушевать» его связь с императорами-иконоборцами и таким образом сохранить имя Стефана Сурожского для византийской агиографии.

Известно, что при составлении агиографического произведения в честь Стефана Сурожского были использованы: Житие Иоанна Златоуста, «Луг Духовный» Иоанна Мосха, Житие Стефана Нового, «Хронография» Феофана Исповедника, «Хроника» Георгия Монаха. Наиболее ранними в этом списке являются Житие Иоанна Златоуста в версии Георгия Александрийского и «Луг Духовный» Иоанна Мосха. Житие Стефана Нового было составлено между 807 и 809 гг, «Хронография» Феофана Исповедника появилась в промежуток 810—814 гг., «Хроника» Георгия Амартола была закончена около 871 г. Таким образом, Житие Стефана Сурожского не могло быть отредактировано ранее последней трети IX в. Причем, скорее всего, это произошло в Константинополе или, менее вероятно, в одном из других крупных культурных центров империи. Сложно представить, чтобы в провинциальной Сугдее имелись в наличии все указанные выше рукописи. Составитель новой редакции, очевидно в силу недостаточной образованности, сделал свою работу некачественно, произвольно соединив различные отрывки из имеющихся под рукой произведений, в результате чего образовались повторы, несоответствия и противоречия между различными частями. Причем очевидно автор соединил вместе первоначальный вариант Жития Стефана Сурожского с

эпизодами из жизни (а возможно и из Жития) Стефана II и, вероятно, Филарета.

Предложенную датировку подтверждает, вероятно, также уже прослеживающаяся определенная неактуальность иконоборческих споров (хотя известно, что, несмотря на полную победу над иконоборцами, полемика против них еще долго не прекращалась) и просматривающаяся путаница в императорах, правивших столетие назад. Вероятно этим, вместе с малограмотностью редактора, можно объяснить тем, что Константин V назван сыном Копронима, что ему адресованы хвалебные слова, сказанные Георгием Монахом в адрес Константина VI. Скорее всего, автор так до конца и не разобрался с именами императоров и их жен, правивших в конце VIII в. Однако именно благодаря этой путанице и малообразованности редактор и сохранил в своем произведении части из древнейшего извода, а благодаря неактуальности иконоборческих споров имя Константина V осталось в источнике.

Можно предположить, что в конце IX–X вв. было предпринято две попытки отредактировать первоначальное Житие Стефана Сурожского. Первая очевидно, в последней трети IX в. В этом варианте Стефан Сурожский выступает как епископ. В конце X — начале XI вв. появляется новая редакция. Вероятно, именно тогда в Житие попала информация из Метафрастова Жития Стефана Нового и Универсальной истории Агапия. Стефан стал архиепископом (что соответствовало тогдашним реалиям) и появились два последних чуда.

Выглядит странным, почему Стефан Сурожский так и не стал общевизантийским святым. Традиция почитания Стефана Сурожского, в отличие от того же Иоанна Готского и первых херсонских епископов не вошла в византийские синаксари. При этом, очевидно, что, новый вариант Жития создаваемый в столице и показывающий Стефана не только как идейного иконопочитателя, но и как фигуру общеимперского масштаба (был в почете у патриарха Германа, лично клеймил Льва III) явно заказывался для того, что бы ввести Стефана в круг общевизантийских святых. Однако в силу каких-то причин константинопольские церковные власти не посчитали нужным поднять статус святого из далекой северной епархии. То ли борцы с иконоборчеством были уже не столь актуальны, то ли, иконопочитательские заслуги Стефана у образованных константинопольских иерархов вызвали сомнение, то ли, что более вероятно, этому не соответствовал уровень Сугдейской епархии.

Уже с X в. Св. Стефан Сурожский приобретает черты покровителя и защитника Сугдеи. Еще более востребованной фигура Стефана Сурожского, защитника от иноверцев и святого покровителя, становится в смутные времена второй половины XIII–XV вв. В это время Сугдея, судя

по припискам на полях Сугдейского синаксаря и другим источникам неоднократно подвергается нападению неприятеля. Лишения терпят не только местные греки, но и все жители многонационального города. Вероятно, именно поэтому местные армяне заимствуют культ святого защитника Сугдеи и вводят его в круг своих святых. Активные контакты между местными православными и древнерусскими купцами привели к «взаимопроникновению» святых. По крайней мере, судя по припискам на полях Сугдейского синаксаря мы знаем, что между 1337 и 1339 гг. здесь чтили память «русских святых новоявленных мучеников в российской стране, Давида и Романа, убиенных их собственным братом, злосчастливым Сфатопулком (Святополком). Русские же восприняли культ Стефана Сурожского и принесли его на Русь, где он и стал российским святым.

Церковнославянские Жития Стефана Сурожского, опубликованные митрополитом Макарием и В. Г. Васильевским являются независимыми переводами одного и того же греческого оригинала. Текстологические разночтения здесь, иногда весьма заметные, все же сводимы к единому прототексту. Но они имеют и явные различительные черты.

Первый церковнославянский перевод был выполнен, в XIV (по С. А. Иванову) или XV (по В. Г. Васильевскому) вв. в Северо-Восточной Руси. Настаивать исключительно на новгородском авторстве оснований нет. Исключительных лексических совпадений с древненовгородским диалектом и берестяными грамотами выявить не удалось. Можно только утверждать, что перед нами, в общем, ранний старорусский текст с уступками русско-церковнославянским написаниям. Старорусские диалектные черты проглядывают повсюду (полногласные написания; Ѹ, оу, ю вместо ж; Ѧ вместо неносовых гласных ѧ, Ѣ; Ѧ вместо ф; Ѣ вместо ѧ и , путаница ерь (ѣ) и ерь (ѥ), формы глаголов на -тъ вместо -ти, и много др.). Переводчик подошел к тексту буквалистски (это нередко позволяет гипотетически реконструировать греческий текст), решился сократить только те сюжеты, реалии которых ему были неведомы (например, эпизод с Юрием Тарханом), причем, сделал это неловко, нарушив связность предшествующего и последующего текста, сбившись в нумерации глав. Заметны затруднения и неловкости при переводе имен собственных и географических названий: Андраминдин и Андрамиин, Феодор вместо Вирхор, Морисава и Мориваса, в одном параграфе Кесарыя = Корч(ев) = Керчь и проч. Скорее всего переводчик этой редакции был родом или обучался в Северо-Восточной Руси.

Житие Стефана Сурожского в издании В. Г. Васильевского удивляет своими диалектными чертами. Остановимся на этом подробнее. В отличие от языка Макарьевского Жития, в тексте В. Г. Васильевского сквозь русско-церковнославянскую редактуру то там, то здесь проступают

нарочитые староболгаризмы: в 1 гл. — **кѹдитель** (ст.-болг. **кѹдити** «хулить, порицать, осуждать») вместо **стыдитель**; **гонѣзнѣть** (ст.-болг. **гонѣзнѣти** «спастись, избавиться, освободиться») вместо **избѣдет**; во 2 гл. — **гонѣзе** (ст.-болг. **гонѣзати** «освобождаться, избавляться, спастись») вместо **лиши**; в гл. 26 — **на ѹдеса** (ст.-болг. **ѹдѣ** «часть тела, орган», «орудие, секира») вместо **наѹчиши**; в гл. 29 — **не преслѣшаюса** (ст.-болг. **прѣслѣшати(сѧ)** «проявлять неподчинение») вместо **не преслѣпаю**; в чуде о Ефреме — гл. **рождениса** (ср. ст.-болг. **рождѣствѣнѣ**) вместо **родиса**; **хранаше гаденіемъ и питаніемъ**, **хранити** в знач. «кормить, питать» (новоболгарское знач.!) вместо **посѣщаше, посѣти**; предложно-падежные формы **на нозѣ** (ср. болг. на нозѣ) вместо **на ногѣ**; в чуде о Бравлине — ст.-болг. сущ. **одѣало** «покрывало, плащ», **шіа его** (ст.-болг. **шиа** «шея») вместо **видащен его** и др. Эти диалектные вкрапления, сколь бы малочисленны они не были, вызваны либо происхождением, либо обучением одного из переводчиков рассматриваемого агиографического произведения в ареале староболгарского языка.

В целом переводческие приемы обоих рукописей восходят к единой традиции (кирилло-мефодиевской), что и делает текстуальные различия незначительными, а синтаксические и лексические несовпадения легко сводятся воедино, что мы и попытались проделать в сводном тексте жития.

Основное заблуждение В. Г. Васильевского, относительно изданного им церковнославянского Жития Стефана Сурожского, как показал С. А. Иванов, — приписка древнерусскому автору первенства в компиляции церковнославянских текстов хроник и других житий. Тот лишь перевел готовый компилированный греческий текст. Его авторские (скорее редакторские) добавления и интерполяции минимальны. Для славянского переводчика крымские топонимы и раннесредневековые имена ничего не значили и были непонятны (Житие предназначалось людям, в основном не имеющим представление об истории и географии Крыма). Поэтому он или убрал невразумительные ему моменты или сокращенно их перевел так, как понял, не вдаваясь в подробности (например, сюжет о Юрии Тархане, происхождение и имя жены Константина V) или где-то, возможно, домыслил (например, поместил Филарета в эпизод нашествия Бравлина, а самого Бравлина сделал новгородским князем).

Таким образом, греческий, армянский и древнерусский авторы сохранившихся версий источника не сочиняли свои произведения, а пользовались греческим протографом, скорее всего, очень сходными греческими текстами. При этом ГЖ в текстологическом отношении явно

восходит к не сохранившейся пространной редакции, в значительной степени отличной от пространной редакции, лежащей в основе армянского и церковнославянских переводов. Эти два греческих извода значительно отличались текстологически, давали разный перифраз эксцерптов из одних и тех же общих источников: Жития Иоанна Златоуста, Жития Стефана Нового, Хроники Георгия Монаха и Хронографии Феофана.

Различная последовательность некоторых событий, такие несоответствия как епископом или архиепископом был Стефан, обучался он в Афинах или нет, арабам или евреям принадлежит пальма первенства в инициативе иконоборчества, все же позволяет предполагать существование нескольких греческих текстов, на основании которых, и были составлены три известные нам версии Жития Стефана Сурожского.

Семантика праслов'янських девербативів в українських діалектах

*І. М. Нечитайло
Київ*

Підвищення інтересу етимологів до діалектологічної проблематики є однією з основних змін, що торкнулися за останні кілька десятиліть методичної бази славістики. Це втілюється у двох взаємопов'язаних аспектах етимологічних досліджень: з одного боку, все більшу увагу привертає діалектна лексика слов'янських мов, а з іншого – для верифікації етимологічних рішень все ширше залучаються міркування лінгвогеографічного характеру. Лінгвістична географія та діалектологія досить плідно застосовується у вивченні праслов'янської лексики, завдяки чому у славістиці сформувався напрямок – праслов'янська діалектологія (О. М. Трубачов, Ж. Ж. Варбот, Т. І. Вендіна, Л. В. Куркіна, В. А. Меркулова, О. С. Мельничук, Р. В. Болдирев та ін.)

Мета даного дослідження полягає у встановленні корпусу праслов'янських діалектизмів, представлених в українській мові, семантичних засобів їх утворення та виявленні відповідних лексем в інших слов'янських мовах. Досвід роботи з архаїчною лексикою слов'янських мов дозволяє визначити праслов'янські діалектизми як присутні в периферійних діалектних зонах слов'янських мов рефлексії прамови, що залишили незмінними свої фонетичні, морфологічні і семантичні характеристики.

Праслов'янські діалектизми-девербативи, властиві українській мові, мають відокремлений характер. Етимологічний аналіз лексем, що утворилися у праслов'янський період від дієслівних основ, дозволяє встановити ареальну віднесеність рефлексів даних архаїзмів в українській мові і визначити їхню семантико-словотвірну специфіку. Для вивчення особливостей утворення даної групи лексики доцільно здійснити спостереження за нею за лексико-семантичними групами вихідних дієслів. Специфіка праслов'янських діалектизмів української мови полягає у складі мотивуючих дієслівних праслов'янських основ, що започаткували ці імена, та у способах утворення віддієслівних імен, перш за все у їхніх словотвірних значеннях.

Дієслова впливу, які зумовили появу даних архаїчних діалектизмів української мови, об'єднуються у підгрупи ушкодження, поверхневої дії, присвоєння. Для дієслів впливу є властивим мотивувати появу назв місць дії, менше – ознаки за дією, суб'єкта та об'єкта вказаної дії. В аналізованому матеріалі менш представлено мотивуючі дієслова, що позначали стан. Їхні словотвірні можливості поширюються на утворення означальних назв, назв дії, рідше – суб'єктів та знарядь дії.

Праслов'янізм **lěvъkjъ*, що утворився за допомогою суфікса *-ъkjъ* і мотивований дієсловом псл. **lěviti*, відбив спосіб семантичної зміни "дія" – "ознака за дією", залишившись в українській мові як укр. діал. *л'іукий, лівкий* "(про пряжу) слабо скручена" (буков.), *лівкий* "(про пряжу) м'яка, слабо скручена" [Матеріали до словника буковинських говірок, в. 5, с. 28].

Із суфіксом *-ъkjъ* від псл. **lirěti* утворився прикметник **lirъkjъ* типу "ознака за дією", що згодом субстантивувався. Наступним етапом розвитку основи дієслова псл. **lirěti* є суфіксальне (із суфіксом *-ica-*) утворення іменника, що позначає суб'єкт названої вихідним дієсловом дії, тобто діяча, – псл. **lirъśica*. Праслов'янський діалектизм представлено в українській мові як укр. *ли/пчиця* "росл. *Galium Aparine, Asperugo procumbens, Asperugo Aparine*" [Грінченко II, с. 360].

Псл. **lotati* з семантикою швидкого, легкого руху мотивував утворення із суфіксом *-oka* іменника псл. **lotoka*, який проекувався в українську мову у вигляді укр. *лото/ка* "настирна, надокучлива людина" [Матеріали до словника буковинських говірок, вип. 5, с. 36] – вузьколокального імені діяча [ЕССЯ XVI, с. 98]. Праслов'янське дієслово **lotati* послужило також основою утворення із суфіксом *-arъ* назву діяча псл. **lotarъ*, яке представлено в українській мові як праслов'янський діалектизм укр. діал. *ло/тарь* "росл. калюжниця" (зах.) [ЕСУМ III, с. 199].

Дієслово мовлення псл. *bajati, як і в ряді інших індоєвропейських мов, утворилося йотовою суфіксацією від іє. *bhāmi [ЭССЯ I, с. 139; ЕСУМ I, с. 157]. Воно мотивувало ім'я дії на **-dlo** *bajidlo та ім'я діяча з суфіксом **-ja** *bajidlja. В українській мові рефлексом цього іменника вважається староукраїнське *баиля, байля* "знахарка, шептуха" [Тимченко I, с. 50–51].

Від праслов'янських дієслів впливу утворилася також серія девербативних іменників на позначення знарядь дії. Серед цих назв зустрічається, наприклад, псл. *bъgadlo, що сформувалося на основі дієслова праслов. *bъgati за допомогою суфікса **-dlo** і мотивувало утворення з суфіксом **-ьna** псл. *bъgadlьna. Цей останній праслов'янський дериват виявлено в українській мові як укр. *бга/льня* "дві вбиті в землю колоди для вигинання полозів" [Грінченко I, с. 35]. Обидва девербативи псл. *bъgadlo та псл. *bъgadlьna демонструють тип зміни значення "дія" на "знаряддя дії".

Простежимо особливості семантики праслов'янського дієслова фізичної дії *lorati "тріскатися, розламуватися" – звуконаслідувального утворення, в основі якого лежить вигук *lorъ. Від основи дієслова псл. *lьrno←ti, утвореного внаслідок чергування кореневого голосного у дієсловах *lorati, *lorno←ti, походить псл. *lьropъ, що є ім'ям дії і успадковане в українській мові: укр. *ло/нім* "гуркіт, шум, лайка" [ЭССЯ XVI, с. 45–46, 77; ЕСУМ III, с. 287–288].

Споріднені дієслова псл. *liniti, *lin'ati, *linati, *liněti "тратити сили, слабнути; втрачати шерсть", *lěniti (каузатив) "усувати шерсть, шкіру, кору; викликати випадіння волосся", ймовірно, пов'язані з іє. *lei-по- від *lei- "занепадати; в'янути" [ЕСУМ III, с. 236–237]. Суфіксальний дериват словотвірного гнізда *lin'ati псл. *linьba, який є назвою дії, став праслов'янським діалектизмом для української мови, втілюючись в укр. *линьба* "час линяння" [Грінченко II, с. 360].

Розглянувши праслов'янські діалектизми віддієслівного походження, представлені в діалектах української мови, відзначаємо їхню мотивованість передусім дієсловами фізичного впливу, які зумовили виникнення імен на позначення суб'єктів дії, ознак за дією, знарядь дії та дії як процесу. Менш активними в утворенні праслов'янської лексики, яка належить діалектам української мови, виявилися дієслова стану та мовлення.

Зонами української мови, в яких відмічено найбільшу частотність появи праслов'янських діалектизмів, є поліські говірки, що межують із білоруськими, та говірки заходу України, серед яких місцями прояву архаїзмів виступають переважно бойківські говірки.

Семантично подібні засоби словотвору спостерігаються у просторово ізольованих українсько-російських та українсько-білоруських зонах, що дає підстави припускати тісну взаємодію і просторову суміжність за періоду праслов'янської єдності.

Здійснений аналіз архаїчного українського семантико-словотвірного матеріалу дозволяє зробити певні висновки з ряду напрямків формування праслов'янських віддієслівних імен, суттєвих як для праслов'янської лексичної семантики, так і реконструкції й етимологізації праслов'янських діалектизмів та слов'янської історичної діалектології.

Видається можливим припустити для української та інших слов'янських мов певних одиниць архаїчної лексики, утворених за схожими принципами, тобто від дієслів відповідних лексико-семантичних груп, поширення яких на архаїчних територіях функціонування слов'янських мов відрізняється неконтактним характером. Проте ізоглоси, що поєднують зони схожих семантичних змін дієслівних праслов'янських основ у напрямку субстантивації та ад'єктивації, мають певні закономірності, оскільки відбивають подібність ареальних характеристик тієї чи іншої семантико-словотвірної моделі, властивій споконвічно близькоспорідненим діалектам.

Тут досить яскраво вирізняються ізоглоси, які демонструють збіг семантичних моделей утворення праслов'янської віддієслівної лексики, зафіксованої в українській мові та в інших ареалах Славії. Назви, що означають характеристику за дією або заняття і мотивовані дієсловами впливу, рефлексовані як в українських діалектах, так і в діалектах південних слов'ян. Імена дії, що мають дієслівні основи від'єднання, присвоєння та горіння, назви рослин, що походять від дієслів деформації та з'єднання, праслов'янські назви страв, походження яких відноситься до дієслів стану, назви риб, що зводяться до дієслівних основ дотику, також належать до цих ареалів. Цим же діалектам властиві прикметники, що у праслов'янську епоху сформувалися від основ дієслів відділення, стану та положення у просторі. Найбільш регулярні семантико-словотвірні відповідники мають словенські і українські діалекти.

Лінгвогеографічна характеристика більшості розглянутих випадків утворення і поширення праслов'янських девербативів є підставою для встановлення пізньопраслов'янських контактів внаслідок спільного проживання або спільного походження діалектів, які нині відбивають ізоглоси переривчастого характеру.

Література

Грінченко Б. Д. Словарь української мови: У 4 т. – К., 1907-1909 (перевид. фотоспособом. – К., 1958).

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7-ми т. // За ред. О.С. Мельничука. – К.: Наук. думка, 1982–2007. – Т. 1-5.

Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. – Любляна, 1992.

Матеріали до словника буковинських говірок. – Чернівці: ЧДУ, 1971. – 60 с.

Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок: У 2 ч. – К.: Наук. думка, 1984.

Тимченко Є.К. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV – XVIII ст.: У 2-х кн. / НАН України, Українська Вільна Академія наук у США; Підгот. В.В.Німчук, Г.І.Лиса. – К.; Нью-Йорк, 2002–2003.

Трубачев О.Н. (1963). О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. – М.: АН СССР. – С. 154-172.

Трубачев О.Н. (1987). Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI – XVII вв. – М.: Наука. – С.17-28.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева. – Вып. I – XXXI. – М.: Наука, 1974 – 2007.

Хронология, периодизация и происхождение некоторых элементов славянской мифологической системы

Н. А. Николаева
Москва

Славянская мифологическая система может быть реконструирована на основании устных (все жанры славянского фольклора), письменных («Поучения против язычества», апокрифы, записи XIX – XX вв.) и лингвистических источников¹.

Мифологическая система славян содержит разновременные элементы, что позволяет поставить проблему их хронологизации и периодизации.

На современном этапе славянская система мифологии не представляется таковой, но остается скорее амфорной структурой с детальной и глубокой проработкой каждого элемента этой структуры².

Отсутствие системообразующих признаков, а точнее методологии, позволяющей отобрать эти признаки, не позволяет исследователям представить ее как систему.

Развитие сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, перевод письменных источников по ведийской, древнегерманской мифологии повлияло на оформление уже в 19 веке сравнительно-исторического подхода в исследовании славянской мифологии³. Сравнительно-историческая мифология стала отдельным направлением. Особое место в разработке этого направления науки занимают работы Ж. Дюмезиля⁴ по исследованию Нартского эпоса.

Достижения в области сравнительно-исторической лингвистики открыли новые горизонты, позволяющие датировать отдельные сюжеты индоевропейских мифологических систем, в том числе и славянской. Так, разработки в области ностратических языков создали методологическую базу для сравнения индоевропейских мифологических систем с неиндоевропейскими мифологическими системами (шумерской, семитской, древнеегипетской). Обоснование Н. Д. Андреевым⁵ существования бореального языка и раннепраиндоевропейского языка, поддержанное академиком О. Н. Трубачевым, позволило применить сравнительно-исторический подход к изучению индоевропейской, финно-угорской, тюрко-алтайской мифологии. В своей работе мы опираемся на концепцию 3 прародин индоевропейцев В. А. Сафронова,⁶ одобренную академиком О. Н. Трубачевым, и доказательства присутствия индоариев в Северном Причерноморье⁷ от Трансильвании до Прикубанья. На основании сказанного имеет силу тезис, что славянская мифология – это не только часть духовной культуры славянских народов I – II тыс., праславян (13 в. до н.э. – 6 в.н.э.) но и фрагментарно сохраняет наследие древнеевропейцев (ок. 3500 – 2000 гг. до н.э.), а также наследие позднеиндоевропейской эпохи (ок. 4500 – 3000 гг. до н.э.), раннепраиндоевропейской эпохи (VIII – VI тыс. до н.э.), евразийской эпохи (XII – IX тыс. до н.э.) и эпохи расселения *Homo sapiens* по планете (35 тыс. лет тому назад).⁸

Славянская мифологическая система, таким образом, отражает все этапы исторического развития человечества и части его от *Homo sapiens* до выделения праславян из древнеевропейского сообщества (13 в. до н.э.) и демонстрирует ареальные контакты с индоиранцами, индоариями и праиранцами в III тыс. до н.э., что позволяет считать ее источником по реконструкции древнейшей истории как славян, так и других индоевропейских народов. Особого внимания и объяснения заслуживает факт существования

древнеевропеизмов в осетинском языке,⁹ имеющих продолжение в том числе и в славянских языках, а также факт славяно-осетинских схождений во многих фольклорных мотивах нартского эпоса и славяно-русском фольклоре. Показательно, что нартский эпос, как и русские народные сказки стали записываться практически одновременно во второй половине XIX в., до этого существуя в устной сфере, а это исключает прямые заимствования из славянского в осетинский и наоборот. Следует исключить и заимствование через посредника – скифов, поскольку аланы, от которых происходят осетины, происходят не от скифов, а пришли на Кавказ из Восточного Туркестана, будучи изначально массагетами. Таким образом, для славяно-иранских и славяно-индоарийских контактов остается III тыс. до н.э., поскольку другой исторической ситуации, когда праславы, иранцы и индоарии могли вступать в контакт, попросту не существует. Тем не менее, степень схождения фольклорных сюжетов осетинского эпоса и славянской мифологии, сохраненной в русских народных сказках, такова, что оставляет место для этих мотивов, на которой сформировался в течение веков нартский эпос.

Вместе с тем сложность и уникальность некоторых сюжетов славянской мифологии и нартского эпоса говорит о непосредственном вхождении системы мифологических представлений славян в нартский эпос. Каким образом это могло осуществиться, позволяют судить данные археологии¹⁰ (Николаева, 2006).

Таким образом, славянская мифологическая система находилась в изменении в зависимости от окружения и степени ареальных контактов. Причем в отношении религии и мифологии славян действует правило, которое свойственно и не-индоевропейским религиозно-мифологическим системам: мифологическая концепция, «однажды оказавшаяся пригодной, фактически никогда не отбрасывалась». Даже в средневековой структуре мира древнейшее место отводилось «дубу железному, который есть первопосажен»¹¹

Хронология основных сюжетов славянской мифологии выглядит следующим образом:

1. Древнейшим мифом является миф о Мировом древе, причем среди других деревьев с функциями Мирового древа у славян и у осетин выступает яблоня. Возраст мифа – 35 тыс. лет. (этот миф есть у всех народов мира и у австралийских аборигенов, причем Австралия стала материком 40 тыс. лет назад, и ее обитатели не контактировали с другими народами)¹²

2. Следующий уровень (XII – IX тыс. до н.э.) славянской мифологической системы связан с мифами о Деве Творения,

принявшей облик водоплавающей птицы, которая снесла Мировое яйцо; с мифами о двух Птицах, создающих мир, причем она творит Добро, а другая Зло (дуализм, вошедший в религии народов Востока, в зороастризм и иудаизм); с мифами, где лук и стрелы представлены как система мира, причем с ними связаны представления об изобилии, плодovitости и судьбе; с мифами о Волчьем боге, который в славянском пантеоне известен как Велес. Обоснование даты: все эти мифы есть в мифологии индоевропейских народов, финно-угров, уральских и тюрко-алтайских народов.¹³

3. Третий хронологический уровень (VIII – VI тыс. до н. э.) представлен мифом о Великой богине (в славянском пантеоне Макошь или Лада). География мифа показывает, что он зародился на Ближнем Востоке, в среде ранних индоевропейцев, причем Великая богиня перенимает функции и Девы творения и Волчьего бога. Она – творец всего живого и обеспечивает плодovitость, плодородие и изобилие. Обоснование даты: этот миф есть у индоевропейских народов и народов, языки которых относятся к ностратическим на Востоке.

4. Четвертый уровень образован кузнечными мифами (IV тыс. до н. э.). В славянской мифологии – это мифы о божественном кузнеце-демиурге Ковале. (например, легенда о пахоте на чудовищном змее). Кузнец также отождествляется со Сварогом, а позже это образ Кузьмы-Демьяна¹⁴. Обоснование: в Европе медь появляется в конце V тыс. до н.э., а масштабная кузнечная обработка разворачивается с середины IV тыс. до н.э. в Потисье, на Балканах, во Фракии.

5. Пятый уровень: мифы, отражающие ареальные контакты праславян / древнеевропейцев с праиранцами и индоариями. С ним связаны известные параллели Сварога и др.-инд. Варги, названия богов славянского пантеона иранского происхождения (Хорс, Стрибог, Семаргл). Однако более впечатляют многочисленные параллели между славянскими мифологемами и сюжетами нартского эпоса. В первую очередь, это полное воспроизведение сюжета о яблоне, растущей в саду, на которой появляется только одно молодильное яблоко, похищаемое птицей с золотым оперением как в нартском эпосе, так и сказке о Жар-птице, Иван-царевиче и Сером Волке.

В славянской и осетинской мифологии яблоня также связана со свадебными и с похоронными обрядами¹⁵ и может интерпретироваться как Мировое древо.

Другой мотив русской народной сказки о Василисе Премудрой, дочери Морского царя, оперение которой похищает Иван-Царевич, чтобы заручиться ее поддержкой, также находит свою аналогию в нартском эпосе, являясь продолжением сюжета о яблоне: нарт Ахсар,

преследуя птицу, похищающую яблоки в саду у Нартов доходит до моря – царства Донбеттыра, Морского царя, и, отдав золотое перо, спасает его дочь Дзерассу, которая стала родоначальницей Великих Нартов – Урызмага, Хамыща и Сатаны.

Следует указать на еще один мотив, показывающий совпадение славянской и осетинской мифологии. Наказ умирающей Дзерассы сторожить ее гробницу три дня не выполняется, в результате чего рождаются Сатана, Волшебный Конь и Волшебный пес. В русской народной сказке этот сюжет усечен: наградой третьему сыну за охрану могилы отца стал Волшебный Конь, Сивка-бурка. На этом коне молодец добывает себе царевну, которая живет в очень высокой башне. Этот мотив продолжается в нартском эпосе в сюжете о женитьбе Сослана на Дочери Солнца, которая находится в летающей небесной башне.

Пятый сюжет связан с инцестом между Урызмагом и Сатаной, сводными братом и сестрой. В славянской мифологии это представлено инцестом «Ивана да Марьи», связанном с праздником Ивана Купалы. Это сюжет, правда, не уникален.

Шестой сюжет связан с женитьбой Хамыща на маленькой женщине из рода карликов или дочери Донбеттыра. Она скрывается либо в черепашьем панцире, либо в лягушачьей коже. Условием их союза является сохранение ее лягушачьей кожи (или черепашьего панциря). Нарушение этого условия приводит к исчезновению жены Хамыща. В русской народной сказке также воспроизводится этот сюжет: царевна днем живет в облике лягушки, а ночью превращается в женщину. Уничтожение завистниками ее лягушачьей кожи приводит к дальнейшим злоключениям царевича и царевны.

Седьмой сюжет связан с волшебным войском, которое выходит из Черной горы или из моря (разные варианты) на помощь Нартам Ахсартагката. В русских народных сказках, послуживших сюжетом для знаменитых сказок А.С. Пушкина, волшебное войско выходит «из вод морских» и с ними «дядька их морской».

Наконец, ключевой сюжет Нартского эпоса о колесе Балсага, убивающего Великого нарта Сослана: это колесо послано оскорбленной Сосланом Дочерью Солнца, чтобы убить его. Кто такой Балсаг – не помнят и сказители, но очевидно, это божество, связанное с небом, как славянский Дий или Сварог. Солнце в славянской мифологии было и женского и мужского рода¹⁶ (Дажьбог), поэтому женская ипостась Солнца в славянской мифологии может ассоциироваться с Дочерью Солнца осетинской мифологии.¹⁷

Многочисленные славяно-осетинские мифологические сходжения могут быть объяснены смещением древнеевропейского массива с территории Польши, Западной Украины на Северный Кавказ в 22-18 вв. до н.э. В составе древнеевропейцев были и будущие праславяне, которые частью остались на древнеевропейской территории в Европе и развивали и в лингвистическом и мифологическом аспекте те понятия, которые понесли с собой мигранты на Северный Кавказ. Эта древнеевропейская/славянская основа стала ядром будущего нартского эпоса, который на протяжении тысячелетий обрастал новыми включениями, в том числе иранскими.

Примечания

1. Этимологический словарь славянских языков под редакцией академика О. Н. Трубачева. М., 1983.
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.
3. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Репринтное издание. М., 1994.
4. Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. Он же. Скифы и нарты. М., 1990.
5. Н. Д. Андреев. Раннепраиндоевропейский язык. М., 1996.
6. В. А. Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. См отзыв О.Н.Трубачева в конце монографии.
7. О. Н. Трубачев. Indoaricav Северном Причерноморье. М., 1999. Словарь составлен в соавторстве с А. К. Шапошниковым. С.220-289.
8. В. А. Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. Н. А. Николаева, В. А. Сафронов. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999. В. А. Сафронов, Н. А. Николаева. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003.
9. В. И. Абаев Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
10. Н. А. Николаева. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки», №1. М., Издательство МГОУ.С.3-11
11. Н. А. Николаева, В.А.Сафронов. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999, с.16
12. Там же.
13. Там же.
14. В. А. Петрухин. Кузнец. // Славянская мифология. М., 2002. С. 268.
15. Славянская мифология. статья ЯБЛОНЯ, а также Нарты. Осетинский героический эпос. т. 2 , М., 1989. «Похороны близнецов Ахсара и Ахсартага»

16. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1994.
17. Нарты. Осетинский героический эпос. Т. 2. М., 1989.

Культурная преемственность в традиционной медицине славянских и финно-угорских народов *

Л. И. Никонова
Саранск

Истоки народной медицины восходят к глубокой древности. Ещё Геродот писал о скифских врачах, которые были одновременно жрецами и гадалками. Имена некоторых врачей-жрецов пользовались известностью в Афинах, их искусство высоко ценилось греками. Волхвы-жрецы были неотъемлемой частью первобытных обществ. К числу древнейших источников, позволяющих судить об истоках русской народно-медицинской практики, нужно отнести произведения устного народного творчества. Как и у каждого народа, у славян (русские, украинцы, белорусы) и финно-угорских (коми, марийцы, мордва, удмурты) народов в быту имеется свой, веками накопленный и проверенный опытом набор лекарственных средств и методов лечения (травы, средства животного, минерального происхождения и др.). Это связано с флорой и фауной, условиями жизни населения и у каждого из них есть много общего и специфического.

Признание целебных свойств растений отразилось в многочисленных преданиях о магических травах, обладающих волшебной силой, в поверьях и обычаях, связанных со сбором и применением конкретных растений. Чудесными целительными силами наделялись у коми — венерин башмачок, первоцвет весенний, характеризующиеся как «травы от ста болезней». У удмуртов легендарную возможность восстанавливать здоровье приписывали весенним первоцветам, например, соевичнику весеннему (зяналтурын — удм.). Веником из него предлагалось хлестаться в бане, это могло излечить сразу от множества болезней ¹.

На протяжении столетий вырабатывались определенные навыки и традиции при сборе и сушке растений. Например, у мордвы, когда рвешь травянистые растения, надо встать против солнца, чтобы не видеть своей тени, отойти подальше, чтобы не слушать пения петуха. Было известно, что особенно в день на Ивана Купалу старушки ходят в лес рвать травы

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Народы Республики Мордовия» № 08—01—23101 а/В

для того, чтобы завораживать болезни...². До сих пор сохранился обычай в вечер Дня Аграфены-купальницы (23 июня) и утром на Ивана Купалу (24 июня), не пивши и не евши отправляться в поля и луга, леса и искать там «сорок трав»³. Для сбора трав знахарь должен был изучить «некоторые слова и молитвы, относящиеся к заготовке трав»⁴. Сходные обряды и поверья, кстати сказать, связываются с Ивановым днем и во всех славянских традициях⁵.

Происхождение болезней славянские и финно-угорские народы связывали с влиянием сверхъестественных сил, злых духов, сглаза, порчи, наговоров колдуна и просто злых людей. Наиболее поздними по происхождению являются представления о болезни как о божьей каре, посылаемой на людей за грехи. В основу народных воззрений на причины заболеваний входили как рациональные, так и иррациональные представления об их сущности. Рациональное объяснение имели недуги, причины которых были очевидны, «видимы» — к таковым относились заболевания травматического, простудного характера. Многие же психические болезни, природа которых была непонятна народу, объяснялись проникновением в человека злых духов, живших в болотах, лесах, горах и даже поселявшихся в домах⁶. Широко бытовали представления о том, что болезнь можно наслать различными магическими действиями («подлить», вынуть землю из следа человека, заколдовать и т. п.). Наиболее распространенным способом «насылания» болезни или несчастья на семью либо человека, являлось подбрасывание к ним вещей больного или испорченного яйца (бовтун — укр.)⁷. Существовало поверье, что у воды можно попросить прощения за грехи и, если вода прощала, больной излечивался. В прошлом на Руси имелось немало так называемых «прощей» — почитаемых водных источников, к которым съезжались больные из разных губерний. Целебной считалась вода в месте слияния двух рек. Здесь стремились умыться больные глазными болезнями. В такой воде знахари высматривали колдуна, наставшего болезнь⁸.

При лечении лекарственными растениями практиковалось использовать отвары, настойки, настои, экстракты, мази, масла, порошки, чаи, сборы, соки и т. п. Исходя из собранного материала, можно отметить, что указанные народы при лечении используют более 200 лекарственных трав. Повсеместно имеют применение подорожник, ромашка, тысячелистник, боярышник, зверобой, полынь, крапива, черника, клюква. Их употребляли от кашля, простуды, поноса и пр. Но иногда одно и то же растение имело разное назначение. Например, русское население Мордовии настойкой из калгана лечили грыжу, а в прошлом давали ее пить роженицам для остановки кровотечения⁹.

Познание целебных свойств растений (через питание, изготовление предметов домашнего быта и т. д.) давало людям возможность применять многие из них в качестве лекарств при различных заболеваниях. Эти знания, апробированные в большинстве своем с положительным результатом, передавались из поколения в поколение, дополнялись новыми. Как свидетельствует исследование К. Мошинского, точные аналоги украинским названиям растений имеются не только у русских и белорусов, но и у южных и западных славян. Так, общая этимология названий многих лекарственных трав: лопух, мята, полынь¹⁰. Глубинные общеславянские истоки формирования народной фитотерапии подтверждают также традиционные представления о свойствах и применении растений. Из анализа собранного материала можно отметить, что в арсенале славянских народов имеется немало растений с универсальными свойствами и широким спектром показаний: повсеместно применяются береза белая, душица, калина обыкновенная, крапива двудомная, лопух, подорожник, ромашка, тысячелистник и др. У восточных славян универсальным средством при желудочно-кишечных заболеваниях издавна считались настои и отвары зверобоя, мяты перечной, бессмертника¹¹. Приобщаясь к изучению этномедицины славянских народов Восточной Европы (русские, украинцы, белорусы), мы отмечаем, что у них в этом аспекте, как и у других народов мира, есть общие корни и свои особенности: географические, локальные, этнические, этноконфессиональные и др. изучать которые нужно при учете их взаимодействия и взаимовлияния и включает, как рациональные средства, так и различные магические приемы. В основе применения рациональных народных средств также лежал богатый опыт. И наиболее распространенными и характерными для их народной медицины были растительные средства лечения, о чем свидетельствуют изданные рукописные древнерусские лечебники, работы русских, украинских и белорусских исследователей¹².

Это же отмечается и у финно-угорских народов. К примеру, с давних времен удмурты и мордва используют подорожник в виде отвара как отхаркивающее средство¹³. Мордва из Сосновоборского района Пензенской области его отваром лечат колиты¹⁴, мордва Ичалковского района Республики Мордовии — при гастрите, язве желудка, заболевании печени¹⁵, в Никольском районе для этого используют его в сочетании с мятой, репешком. Лечебные свойства ромашки аптечной также нашли свое место в народной медицине коми, мордвы и удмуртов. Отвар из ее цветов применяли для полосканий горла при ангине¹⁶. Мордовское население Сосновоборского района Пензенской области отваром ромашки полощет ротовую полость при зубной боли¹⁷.

Очень широкое применение в народной медицине исследуемых финно-угров и славян нашел тысячелистник обыкновенный. Коми отвар из этого растения пили при заболеваниях легких, при женских болезнях пили отвар и принимали ванны¹⁸. Мордва и удмурты при воспалении матки и яичников также используют отвар из него. Причем его можно было пить в течение дня или проводить местное лечение через спринцевание. Для этого горсть травы заваривают литром кипятка, процеживают и используют в теплом виде¹⁹. Удмурты считают, что «...белый тысячелистник служит средством, останавливающим регулы, а красный — возбуждающим»²⁰. Коми настой травы пьют при болезни сердца и почек, желудка, желудочно-кишечных расстройствах²¹. В. Дерикер в своей книге «Сборник народноврачебных средств знахарями в России употребляемых (СПб., 1866) пишет о травах, употребляемых в лечении крестьянами Костромской, Вятской, Воронежской, Петербургской, Астраханской, Симбирской, Архангельской и др. губерний. Среди них — полынь, расходник, котовник, баранчик и др.²²

Представляет большой интерес применение в народной медицине многих народов ряда растений, обладающих ядовитыми свойствами. Многовековой опыт их применения позволил выработать этим народам оригинальные методы лечения тех или иных заболеваний, определить оптимальные дозы лечебных свойств этих растений. У коми отвар из адониса сибирского (нар. назван. — усун ту рун, лэба турун) употребляют при воспалении легких, а при ангине отваром всего растения полоскали горло²³. Мордва Никольского района Пензенской области пьют настой травы при желчекаменной болезни²⁴. По сообщениям некоторых информаторов, при онкозаболевании, в т. ч. при женских заболеваниях, можно использовать болиголов пятнистый²⁵. В марийской народной медицине это же растение (плоды) используется как отхаркивающее средство при бронхитах, бронхиальной астме, болях в желудке, метеоризме²⁶.

Многие народы издревле занимались охотой, рыболовством, пчеловодством, разведением домашнего скота. Соприкосновение с животным миром, побуждало интерес, и какие-то ассоциации. Так повелось в народе думать, что кошка снимает злую силу колдуна, кровь петуха или курицы противостоит злым, нечистым силам. Лекарственным растениям нередко давали имена животных: «Медвежье ушко» — «толокнянка», «Волчьи ягоды» — «верьгиз умарь» (эрз.). «Вороний глаз» — «Трава ужаление змеи» (нар. назван.)²⁷. В процессе лечебных действий использовались различные части животных. Е. Всевожская отмечала, что мордва берегла свиные челюсти, которые прикладывались в случае заушницы за ухом²⁸. Коми при лечении желтухи заставляли смотреть на щучью спинку²⁹.

Заметное место среди средств животного происхождения занимала своеобразная органотерапия. Для лечения ожогов, например, славянские народы обвертывали больное место шкурой забитого животного — теленка, овцы (даже кошки), а при радикулитах — согревающие компрессы из грубой овечьей шерсти. В Белоруссии «воловьей или телячьей печенью лечили куриную слепоту»³⁰. Марийцы при значительных ожогах тела человека забивали овцу или теленка и в свежеснятую шкуру заворачивали больного³¹.

Замечательным лечебным средством у всех народов считались молоко, масло, простокваша, творог, сметана. Горячее молоко пили при простудных заболеваниях и отравлениях. Коми теплый свежий творог накладывали на чирьи и нарывы. Мордва при сильном шелушении кожи накрывали на лицо теплой пленкой топленого молока. Удмурты в больное ухо впрыскивали теплое молоко, разведенное кипяченой водой. Мордва при простудных заболеваниях пили с молоком растопленные гусиный, медвежий, свиной, ежовый жиры. Коми при лечении желтухи, золотухи использовали жир, вытопленный из внутренностей рыбы. Удмурты смазывали желчью рыбы ожоги, раны, язвы.

Первоначальные сведения о применении кумыса в лечебных целях появились в первой половине XIX века. Особенно большой общественный резонанс имела статья «Нечто о кумысе» (1843) врача В. И. Даля — автора знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка». В период службы в Оренбурге, хорошо ознакомившись с кумысом, он дал высокую оценку этому напитку. Приезжали в Башкирию поправить свое здоровье Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. К настоящему времени кумыс изучен довольно детально. В нем выявлено много биологически активных веществ, в том числе биостимуляторов, антибиотиков, витаминов (особенно витамина С). Его терапевтическая эффективность установлена при целом ряде болезней: туберкулезе легких и мочеполовых органов, гастрите, отдельных заболеваниях нервной системы, желчного пузыря и т. д.

Лечение в бане было распространено у всех финно-угорских и славянских народов повсеместно: она почиталась как лучшая лечебница, укрепительница здорового духа. В бане происходили роды, здесь правили мышцы, вывихи, лечили радикулиты, бодрили чахлых детей, излечивали и разного рода дерматиты и т. д. Основу его составляли действия, направленные на «выпаривание» болезни; вместе с тем он имел вид магического обряда, которому предшествовал процесс подготовки самой бани и необходимых для этого средств: воды, камней, веника. Вот как проводилось лечение детей: «Воду приносили из трех источников, веник готовился из трех берез (для девочки), дубов (для мальчика), камни собирали из трех бань. Прежде чем начать лечение, знахарка готовила

воду для пара. Для этого в емкость с водой опускали принесенные камни, предварительно их накалив и прочитав над ними молитву. Затем она поднимала на полати ребенка и парила его, а мать поддавала пару. Всю эту процедуру продолжали три раза, меняя веники. После совершения обряда, баню тщательно закрывали, чтобы болезнь не вернулась к ребенку». В бане лечили и другие заболевания³². О положительных сторонах русской и белорусской парной бани писали многие исследователи русского быта: «В Древней Руси широко использовали массаж главным образом в виде похлестывания „хвощевания“ тела березовым или дубовым веником в парной бане»³³. В русской банях топили «по-черному» или «по-белому». Во всех банях делалась каменка для жаркого пара. Паром от раскаленных камней, поливаемых водой, настоем на травах, лечили многие недуги. Там же натирались от простудных заболеваний различными снадобьями (тертой редькой, молодой крапивой, медом, солью). Наиболее распространены бани на европейском Севере, в средней полосе, в Сибири, в Белоруссии, у народов Поволжья.

Достаточно часто в процессе лечения используют и другие средства.

Исходя из вышеизложенного, отмечаем, что традиционная медицина у исследуемых народов, представляет собой целый комплекс средств и методов лечения. В ней прослеживается общее и специфическое, что определяется природно-климатическими условиями, хозяйственно-бытовым укладом, степенью отдалённости поселений от лечебно-профилактических центров, периодичностью распространения тех или иных заболеваний, прочностью народных традиций, культурными контактами с соседними народами. В данном случае традиционная медицина является фактором культурной преемственности в традиционной медицине славянских и финно-угорских народов.

Примечания

¹ См.: Гришкина М. В. Народная медицина удмуртов (из опыта XVIII—XIX вв. / М. В. Гришкина // Вестник Удмуртского университета, 1992. — № 6. — С. 51.

² Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. — СПб., 1910. — С. 160.

³ Полевой материал автора (ПМА), собранный автором статьи в Республике Мордовия, Пензенской, Самарской областях; районах Мордовии, Башкортостана, Татарстана, Удмуртской, Чувашской Республиках, Красноярском, Алтайском краях и др. регионах (1990—2008 гг.).

⁴ См.: Верещагин Г. Е. О народных средствах врачевания в связи с поверьями / Г. Е. Верещагин // ЭО. — М., 1898. — № 3. — Кн. 38. — С. 85.

⁵ См.: *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина / Г. Попов. — СПб., 1903. — С. 29.

⁶ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. — С. 285

⁷ Украинцы. М.: Наука, 2000

⁸ Русские. М.: Наука, 1999. — С. 766.

⁹ Сведения на основе полевой материал автора (ПМА), собранного в Большеберезниковском районе Республики Мордовия.

¹⁰ Moszynski K. W-wa, 1967. Т. 1. С. 220—223.

¹¹ Этнография восточных славян, 1987. — С. 492—495

¹² *Аленький Б. Ф., Рудаков А. А.* Массаж, баня и здоровье. Свердловск, 1988; *Афанасьев А.* Народные суеверия и поверья. Болезни по славянским преданиям // Филологические записки. Воронеж, 1868, № 3; *Дерикер В.* Сборник народноврачебных средств знахарями в России употребляемых. СПб., 1866; *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. — С. 285; *Зеленин Д. К.* Уксус у русских крестьян // ЭО СПб., 1907, № 3. Кн. LXXIV.— С. 60—74; *Минько Л. И.* Народная медицина Белоруссии. Минск, 1969 — С. 42; *Минько Л. И.* Знахарство: Истоки и сущность. Минск, 1971; *Мостовский М.* Этнографические очерки России. М., 1874; Русские. М.: Наука. 828 с.; *Шульгина Л.* Бджільництво в с. Старосілки // Матеріали до етнології. Київ. 1930. Вып. III; Украинцы. М.: Наука, 2000; Этнография восточных славян, 1987. — С. 492—495.

¹³ См.: *Никонова Л. И.* Как лечились народы Поволжья и Приуралья / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина. — Саранск, 2005. — С. 185.

¹⁴ ПМА, собранный автором в Пензенской обл. (1993—1994 гг.).

¹⁵ ПМА, собранный автором в Республике Мордовия (1991—2006 г.).

¹⁶ См.: *Никонова Л. И.* Указ соч. — С. 145.

¹⁷ См.: *Никонова Л. И.* От Адама и Евы до наших дней (очерки народной медицины мордвы) / Л. И. Никонова. — Саранск, 2000.

¹⁸ См.: *Ильина И. В.* Как в старину лечились // Родники Пармы. — Сыктывкар, 1989. — С. 104.

¹⁹ ПМА, собранный автором в Самарской обл. (1997 г.).

²⁰ См.: *Верецагин Г. Е.* Указ соч. — С. 143.

²¹ ПМА, собранный автором в Пензенской обл. (1995 г.).

²² *Дерикер В.* Указ. Соч.— С. 67.

²³ См.: *Ильина И. В.* Указ соч. — С. 99.

²⁴ См.: *Никонова Л. И.* Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения / Л. И. Никонова. — Саранск, 2000.

²⁵ Там же. — С. 132.

²⁶ См.: Подымов А. И., Суслов Ю. Д. Лекарственные растения Марийской АССР / А. И. Подымов, Ю. Д. Суслов. — Йошкар-Ола, 1990. — С. 139.

²⁷ См.: Евсевьев М. Е. Эрзянь-рузонь валкс / М. Е. Евсевьев. — М., 1931. — С. 126.

²⁸ См.: Всевожская Е. Очерки крестьянского быта Самарского уезда / Е. Всевожская // ЭО. — 1895. — Кн. 26. — № 3. — 28—29.

²⁹ См.: Никонова Л. И. Указ. соч. — С. 145.

³⁰ Минько Л. И. Народная медицина Белоруссии. Минск, 1969 — С. 42

³¹ Там же.

³² См.: Никонова Л. И. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина. — Саранск, 2003.

³³ Аленький Б. Ф., Рудаков А. А. Массаж, баня и здоровье. Свердловск, 1988.

Следите от българите в онимията на Крим

*М. Х. Парзулова
Бургас*

В настоящата работа ще бъде направен опит да се представят чрез езиковата археология българските следи на Кримския полуостров. Нужно е да се уточни, че става въпрос за онези българи, които в научната литература се срещат като древни булгари, прабългари и т. н.

В тази статия ще се използва термина българи, който замества всички функциониращи до момента термини в булгарознанието като: българи, прабългари, Аспарухови българи, Кубратови българи, Куберови българи, черни българи, бели българи и т. н.

Най-общо в руската наука е създадена концепция, че българите са тюркски народ, респективно тюрки, а българският език е един от тюркските езици. В завършен вид тази концепция се открива в трудовете на Н. А. Баскаков (вж. напр. Баскаков 1981, 1988).

Тук е застъпена друга булгаристична лингвистична концепция, която разрешава реално търсене на езиково-историческите следи от българите в Крим. Досега те сякаш не са забелязани от науката. Най-общо се споменава, че съществуват свидетелства за някогашното им битуване на територията на Крим, но не се конкретизира с езикови факти, вж. напр. И. Н. Лезина и А. В. Суперанская в статията “Об этнонимах Крыма” (Лезина и др. 1984), както и в съвместния им труд с И. Л. Белянски (Белянски и др 1998).

Все повече руски, украински и български учени посочват археологически доказателства за живота на българите на Кримския полуостров (вж. напр. В. Майко 2000, В. Тъпкова-Заимова 1992, Йорданов 1993).

За първи път в тази статия ще бъдат представени езиково-археологически доказателства за българското присъствие на полуострова. С други думи, *целта* ни е да се посочат онези топоними, които ще свидетелстват за наличието на български следи на територията на Крим. За корпус на изследването се използва онимен материал, въведен в труда “Крым. Географические названия” (Белянски и др. 1998).

Тук считаме за целесъобразно да се оперира с термина *генотопоним*, въведен от А. В. Суперанская, служещ за означаване на топоним, образуван от название на родово-племенно подразделение. С този термин се назовават единици по-малки от етноса, т. е. родове, поколения и техните подразделения (от гр. *генос* ‘род, семейство, племе, произход’) (Суперанская 1985). “Такива съставни части практически не са представени у народите на Европа, но у много у народите на Азия, в частност у тюркските и монголските, те са били широко разпространени и частично се запазили досега.... При определени условия отделният род или няколко рода биха могли да възглавяват голям съюз от племена, а името на най-активния род да стане племенно название” (Суперанская 1985, 1).

Езиково-археологическото проучване отдели по петрифицирани форми в кримската топонимия достатъчно български етнотопонимни структури. С тях се установява точното разселване на българските племена, племенни групи и родове на територията на Крим. Извлечените етнотопонимни основи тук са съпоставени с българските етнотопоними, открити и описани в някои от трудовете на Т. Балкански (вж. Балкански 1996, 2005, 2007, Ръкопис).

Наблюденията ни върху топонимията на Крим показват, че името на едно и също племе или род е послужило за назоваване едновременно на гора, местност, река и т. н. Еднаквите оними или онимите с една и съща основа посочват, че назоваваните от тях територии, водоизточници и др. са били обитавани от едно и също племе или род.

В качеството на примери, доказващи българското присъствие на Кримския полуостров, ще приведем следните топоними, които представят илюстрация на *геноороними* (названия на гори, планини, местности), *генохидроними* (названия на реки, извори), *геноинсулоними* (названия на полуострови) и др.

Така напр., няколко топонима съдържат основата *алак*, което е родоплеменно название (вж. Белянски и др. 1998, 22):

Алагат Узен — название на река, която води началото си от прохода Кокасан Богаз, минава през селището Приветное (Алушта) и се влива на юг в морето;

— с преход на к: г в Алака, вж. Алак-ат е етнонимнообразуващо *-ат* на Алака (Балкански. Ръкопис);

Алака — име на река, чието начало е от южните склонове на Демерджи яйла, вливаща се в морето на 3,5 км ЮЗ от селището Солнечногорское (Алушта);

— от *алак (а)*- български етноним, после и кумански (Балкански. Ръкопис)

Алакат — дере, което е Ю от прохода Алакат Богаз и достига до р. Ускут (другото име на р. Алагат-Узень);

— съотносимо с *алак, алака*.

Алакат Богаз — планински проход по пътя от долината на р. Тунас до долината на р. Ускут.

— всъщност по *алакат*

На връзката на някои от тези топоними (първите два са хидроними, а вторите — ороними) с родоплеменното название — *алака, алак, алакта* сочат И. Л. Белянски, И. Н. Лезина и А. В. Суперанская (Белянски и др. 1998, 22) .

Етнонимът *алак* е специален обект на внимание от страна на Т. Балкански. Той посочва, че *алак* е българско племе в състава на хунската държава. Името се възстановява по епонима Елак, хармонизиран Алак на тшбар, хан на хаганата на Атила и негов голям син. Племето *алак* е от обединението Дуло, към което се смята, че принадлежи ханското каганско семейство.

Т. Балкански счита, че *алак* е по монголското *алаг* ‘племе, което притежава пъстри коне’. “Не ще и съмнение, името е от монголската етнонимия и свидетелства за увлечени сред българите и тюрките монголи” (повече при Т. Балкански 2007, 217—218).

Вж. и следните примери, където етноним е в основата на *ороним* — **Биюк Мачин Кая** и *хидроним* — **Мачин**, срв.:

Биюк Мачин Кая — връх в планината между реките Суук Су и Ески Юрт, който се простира на И от г. Куркушлу Оба; на 3 км ЗСЗ от селището Лесное (Судак).

Етимология— 1) *мачин* — РПН; 2) *тюрк.* мачик ‘агънце’ (Белянски и др. 1998, 35).

Мачин — горната река Кача, която протича през дълбока долина, недалече от планините Роман Кош, Большая Чучель, Малая Чучель.

Названието свързват с родоплеменното *мачин* (Белянски и др. 1998, 89).

Може да се предположи, че двата генотопонима са по българския етноним *мачин*.

Мачин — тюркско племе, усядало в нашите земи. Днес Мачин се нарича група племена и в Източен Туркестан (Ономастика 1984, 84).

Мачин е старо име на Монголия, запазено в тур. *Çin* — *Maçın*, ‘Китай и Монголия’, и в българската фразеология Чин и Мачин: Чин и Мачин ‘много далече, накрая на света’.

Етимология:

Приемливо е сближаването с тюрк. *п:б:м* с *печен: бечен* ‘печенег’. Етимологията ще върви към *монг. махчин* ‘1.людоед. 2. хищник’.

Днес в Северна Добруджа съществува селище с име Мачин. Българските ономасти определят СелИ като печенежко (Ст. Младенов, Москов, цит по Балкански. Ръкопис).

Следните инсулоними по същество са също генотопоними, срв.:

Тарханкут I — полуостров в СЗ част на Крим

Тарханкут II — невисок нос със скални наклони към морето; ЮЗ край на п—в Тарханкут (Белянски и др. 1998, 116).

За етимологията на втория топоним в цитирания труд има препратка към първия: вж. Тарханкут I (Белянски и др. 1998, 116).

И. Л. Белянски, И. Н. Лезина и А. В. Суперанская представят следната етимология:

— *тархан* ‘название на древно племе; титул у хазарите и монголците’

— *тюрк. тархан* ‘освободен от данъци, имащ привилегии’;

— *Тархан* — *монг. ЛИ + кут тюрк. ‘крепост’* (Белянски и др. 1998)

Всъщност геноинсулонимът е свързан с българското *тархан* ‘българско племе, което често се оприличава с *гайна: башикирите гайна* и в преданията се извеждат от *българите тархан*’; по тази причина името на българското племе се среща и като *гайна тархан*. Името е заето от угрите или е част от българското племе *тархан*, увлечено от маджарите. Етнонимът *тархан* при този народ е представен от К. Багрянородни (вж при Балкански. Ръкопис).

Р. Г. Кузеев (Кузеев 1974, 343) допуска съществуването на племето *тархан: дархан* още във Велика България, откъдето името е пренесено с части от племената във Волжка България, Дунавска България и Унгария.

Етимология:

Дархан:тархан не ще и съмнение е по българската титла *тархан:дархан*. Името ще да е осмислено на българска почва по *дархан: тархан: таркан* ‘областен управител’ като началната форма ще да е била *дархат: дархад: тархат*, срв. *монг. етноним дархад* с етнонимно *-ад-ат*

от *дарх-ан* ‘майсторство, занаятчийство’. Следователно става въпрос за племе от занаятчийи.

Ойконимия:

В Чувашия: *турхан, тархан* ‘име на десетки селища’ (Кузеев 1974, 342);

В Трансилвания: Таркан до Брашов, Тарханикия, село до Беюш в район Кришана.

В България: Тарханци ‘колибак в Еленско, вер. дублира етнонимната събирателност; среща се при тарханджии (Илчев 1969, 478).

Баянин Кая — горист хребет със скални пояси Уч. Сирим и със скала Балан кая на ЮИ. На 1 км СИ от сев. част на Ялта (бившето селище Василевка).

Баян — българско племе, чието име е запазено в онимията на българите и унгарците (Балкански, Ръкопис).

История на етнонима:

Име в тази си форма е запазено при казахите *найман* и при киргизите *саяк* (Лезина и Суперанская 1994, 308 и 345). Основата се съдържа и в *байъндър*: *баяндур* на туркмените (Атаниязов 1988, 28); *баяндер* — при огузите, *баяндур* — при кимаките и огузите (Лезина и Суперанская 1994, 111).

В 789 г. в Уйгурия е регистрирано подчинено на уйгурите племе *баян* (Гумильов 1993, 407).

Етимология:

Етнонимът *баян*, монг. *баян* ‘богато на животни племе’.

Онимни паралели:

Баян в гр. източници βαϊανός, епоним на големия син на Кубрат;

Баян, ъшбар, епоним на българското племе *баян*;

Бояна, село в Софийско, запис със старобългарски букви от XI в.

Миков свързва името с авар. *Баян* ‘болярин, велможа’ (Балкански. Ръкопис).

Хун Кая — скална издатина СЗ на о-в Чигенитра Богаз; в нея се намира Туакската пещера.. На 7,5 км к С от селището Рибаче (Алушта).

Етимология — иран. хун ‘водоем, извор’; срв. хун ‘название на древен народ’; ср. РПН кун. (Бемянски и др. 1998, 132).

Хун (и) — древен алтайски народ, от който произлизат *уйгурите*, *българите (огуриите)* и *тюрките (огузите)*. В европейската история етнонимът *хуни* означава военноплеменен съюз, хаганат, чийто състав включва различни източни племена, увлечени от основния състав на хуните, а именно *уйгури*, *българи* и *тюрки*.

С алоетнонима *хуни* българите се наричат до късното Средновековие:

— европейският живот на етнонима *хуни* начева с гр. византийска регистрация οὐννοί, лат. *hunni* (Миняев 1988, 113—125);

— според средновековната византийска практика с име *хуни*: οὐννοί са наричали и булгарите, после болгарите, наричани и скити;

— в латинските източници *Hunni* или *Kunni*, записано на слух (Балкански. Ръкопис).

Като заключение може да се каже, че дори и с тези няколко примера се доказва, че чрез езиковата археология се възстановява както историята на езика, така и историята на обществото. Това е още едно свидетелство, че онимните структури са надеждна база за възстановяване историята на езика при случай, че отсъстват исторически документи.

В перспектива този проблем би могъл да бъде специален обект на задълбочено лингвистично изследване, чиито резултати неминуемо ще доведат до една по-точна картина за пребиваването на българските племена на Кримския полуостров. Откритите генотопоними, свидетелстващи за българското присъствие в Крим, на базата на езиково-археологическото проучване, ще допринесат за дописването на българската история по данни на езика.

Библиография

Атаниязов 1988: *С. Атаниязов*, Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад, 1988, 55 с.

Балкански: *Т. Балкански*, Българската етнонимия. Ръкопис.

Балкански 1996: *Т. Балкански*, Българите в Румъния. Докторска дисертация, С., 1996 г.

Балкански 1996а: *Т. Балкански*, Трансилванските (седмиградските българи). Език. Етнонимия. Ономастика. Просопографии. Велико Търново, 1996.

Балкански 2005: *Т. Балкански*, Пазарджик и Пазарджишко в светлината на езиковата археология. Велико Търново. 2005, 286 с.

Балкански 2007: *Т. Балкански*, Към етнонимията на българските племена. — В: Научни приноси в памет на проф. Константин Попов. Велико Търново, 2007, с. 217—232.

Баскаков 1981: *Н. А. Баскаков*, Системные изоголосы, характеризующие отношение тюркских языков и диалектов к исторически сложившимся древним племенным союзам. — В: Лингвистическая география и проблемы языка. ч. II, Нальчик, 1981, с. 287—293.

Баскаков 1988: *Н. А. Баскаков*, Собственные имена древних тюрков Восточной Европы (стратификация болгарских, огуских и кыпчакских элементов). — В: Ономастика, типология, стратификация. М., 1988.

Белянски и др. 1998: *И. Л. Белянский, И. Н. Лезина, А. В. Суперанская*, Крым. Географические названия. Симферополь. 1998, 158 с.

Гумильов 1993: *Л. Гумилев*, Древние тюрки, М. 1993, 407.

Илчев 1969: *Ст. Илчев*, Речник на личните и фамилните имена у българите. С., 1969.

Йорданов 1994: *Ст. Йорданов*, Епизод от етнокултурната история на прабългарите в Северното Причерноморие (хунският владетел Грод и християнизацията на кутригурите). — В: Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1994, т. III, с. 27—44.

Кузеев 1974: *Р. Г. Кузеев*, Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Лезина и др. 1984: *И. Н. Лезина, А. В. Суперанская*, Об этнонимях Крыма. — В: Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, с. 77—89.

Лезина и др. 1994: *И. Н. Лезина, А. В. Суперанская*, Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. М., 1994, ч. I, ч. II.

Майко 2000: *В. Майко*, Керамический комплекс VIII—X вв. праболгарского гарадища Тепсень в Юго-восточном Крыму (предварительная типология). — В: Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, т. VII, 2000, с. 101—124.

Миняев 1988: *С. С. Миняев*, Сюнну. Изчезнувшие народы. М., 1988, с. 113—125.

Ономастика 1984: Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, с. 77—89.

Суперанская 1985: *А. В. Суперанская*, Генотопонимия Крыма. Загреб, 1985.

Тъпкова-Заимова 1992: *В. Тъпкова-Заимова*, Българите по северното Причерноморие до X в. — В: Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1992, т. I, с. 47—56.

Съкращения:

авар. — аварско

З — запад

И — изток

иран. — иранско

ЛИ — лично име

монг. — монголско

РПН — родоплеменно название

С — север

СЗ — северозапад

СИ — североизток

тюрк. — тюркско

Ю — юг

ЮИ — югоизток

Семантическая реконструкция в контексте архаических ритуалов: к этимологии слав. *slěpъ

Л. В. Педченко
Харьков

За многие десятилетия своего существования этимология как научная дисциплина, сложившаяся в рамках сравнительно-исторического метода, достигла выдающихся результатов в области формы основного объекта своего исследования — слова. В процессе разработки и совершенствования приемов этимологического анализа можно выделить различные периоды, последовательность которых определяется сменой ориентиров в истории этимологии: первоначально — ориентация на фонетику, отдельные звуки и их соответствия в сопоставляемых словах; в дальнейшем — ориентация на более тонкую и сложную инфраструктуру, объединяющую различные языковые уровни, — на морфонологию и словообразование, с чем был связан переход от корневой этимологии к более точной «основной» [9, 126]. В то же время содержательная сторона языковой единицы по объективным причинам играла вспомогательную роль. Закономерно при этом, что чем меньше оставалось претензий к формальной стороне исследовательской процедуры, тем больше становилось их по отношению к семантическим штудиям. Как отмечает В. И. Абаев, «Семантические аспекты этимологии весьма сложны и с трудом поддаются регламентации. Никакого „закона“, который можно было бы сопоставить со звуковым законом, в семантическом развитии слов установить не удастся. Здесь приходится опираться не на **необходимое**, а на **возможное** в рамках здравого смысла. Но „возможное“ не имеет по сути дела никаких твердых границ...» [1, 20]. При этом исследователь нередко сталкивается с проблемой, состоящей в невозможности интерпретации семантического развития слова в рамках «здравого смысла», в рамках семантических моделей и парадигм, характерных для современного языкового сознания. Ведь основной словарный фонд языка формировался в условиях архаичной культуры и отражает соответствующее мировосприятие и мироотношение. В. Н. Топоров совершенно справедливо замечает: «Историк культуры или семиотик [добавим — и этимолог — Л. П.], оценивая архаическую ситуацию, должны исходить не из того, как она видится сегодня или как она может быть увидена в призме некоей абстрактной вневременной модели, но из того, как ее видели участники **этой** ситуации, люди соответствующей архаичной культуры, критерии которых могли быть и действительно были совершенно иными» [10, 10—11].

«Для архаического самосознания, — продолжает В. Н. Топоров, — высшим престижем обладает то, что сакрально, а сакрально то, что „космологично“, что находится в **начале** творения и что может и должно воспроизводиться ежегодно в основном **ритуале** данной традиции» [10, 11]. Ритуал — это возникающая в процессе эволюции упорядоченная совокупность определенных действий, которая становится средством общения между особями одного вида. Как показывают исследования этнологов, все человеческие ритуалы возникли естественным путем, в значительной степени аналогичным эволюции социальных инстинктов у животных и у человека [5, 100]. Ритуал составляет центр жизни и деятельности в архаичных культурах. Здесь он главное и определяющее, а не периферийное и зависимое [11, 22]. Многие лингвисты (М. М. Маковский, Ю. В. Мониц и др.) утверждают, что языковые явления изначально развивались в русле ритуала. По мнению В. Н. Топорова, «можно с достаточным вероятием говорить о **ритуальном происхождении языка**, имея при этом в виду, что именно ритуал был тем локусом, где происходило становление языка как некоей знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого и означающего, выраженная в звуках [...]. Многое, видимо, свидетельствует о том, что ритуал [...] древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его» [11, 21]. Поэтому поиск новых этимологических решений, поиск семантической мотивировки языкового обозначения, поиск более глубоких смыслов, вплоть до «крайних», в чем В. Н. Топоров видит конечную цель современного этапа в развитии этимологии [8, 127], во многих случаях должен осуществляться с учетом семантики ритуализованных действий.

Цель настоящего сообщения — продемонстрировать на примере русского прилагательного *слепой* возможность семантического обоснования этимологии лексемы в контексте одного из основных архаических ритуалов — обряда инициации.

По свидетельству М. Фасмера, слово *слепой* исконнославянского происхождения и представлено во всех славянских языках: укр. *сліпий*, блр. *слепы*, др.-русс., ст.-слав. *Слѣпъ*, болг. *сляп*, сербохорв. *слијен*, *слијена*, словен. *slèp*, чеш., словц. *slěpy*, польск. *ślepy*, в.-луж. *slěpy*, н.-луж. *slěpy*, — однако достоверной этимологии не имеет [12: III, 669].

Наиболее удачную попытку установить происхождение слав. **slěpъ* предпринял В. Н. Топоров. Он в частности пишет: «Направление интерпретации с нашей точки зрения определяется прежде всего семантическими ограничениями, имеющими место в отношении слов со значением ‘слепой’. Как известно, чаще всего слепота характеризуется по принципу ‘мутный, грязный, смешанный’ и т. д. Наше предложение

сводится к тому, чтобы проверить установленные праславянские формы [**sloip-*: **slip-*] в сравнении с индоевропейским корнем **leip-*, значения которого в словаре А. Вальде и Ю. Покорного определяются как ‘обмазывать, пачкать, клейкая масса, клеить, липнуть, прилипнуть’» [9, 14].

Корень **leip-* : **lip-* со значением ‘мазать’ лучше всего сохранился именно в славянских и балтийских языках, а также в древнеиндийском и древнегреческом. Дальнейшее семантическое развитие слов с этим корнем шло в двух основных направлениях. С одной стороны, у них появились значения ‘ясный, светлый, прозрачный, красивый, хороший’, сравним слав. **lěpъ* (русское *лeный* (красивый) с семантической параллелью ‘смазливый’ — ‘мазать’), ряд балтийских слов со значением ‘светлый, блестящий’ и т. д. С другой стороны, существуют не менее многочисленные случаи, когда развитие значений в корне **leip-* принимало отрицательную окраску: др.-инд. *lepas* ‘грязь’, лат. *lippus* ‘имеющий воспаленные глаза, подслеповатый’; *lippitudo* ‘воспаление глаз, загноение глаз’. «Разумеется, — пишет В. Н. Топоров, — можно спорить о том, какое значение слова *slěpъ* было первоначальным (‘грязный’, ‘мутный’, ‘замазанный’, ‘слипшийся’ (ср. *слипаться* (о глазах)) и т. д.), но сейчас приходится считаться с реальными возможностями и отказаться от дальнейших уточнений, ограничившись констатацией связи между и.-евр. **leip-* (**loip-*) и слав. *slěpъ*» [9, 15].

Как известно, в языковом сознании говорящих слова не существуют изолированно: «они беспрестанно объединяются различными способами в этимологические группировки, более или менее различающиеся между собой по своему объему и отчетливости связей» [3, 260]. Еще А. А. Потебня писал, что «собственный смысл слова поддерживается в памяти народной сопоставлением этого слова с другими, имеющими сходное с ним основное [т. е. этимологическое — Л. П.] значение» [6, 5]. В этой связи показательно, что в приводимых А. А. Потебней сербских пословицах сталкиваются и обыгрываются лексемы *леп* и *слеп*: *Лијена, али слијена; с поља лијеп, а изнутра слијеп; не плаче слијеп, што није лијеп, већ што не види бијели свијет* [6, 163].

Какое же из приводимых В. Н. Топоровым значений прилагательного *slěpъ* следует признать первоначальным? Для того чтобы выявить глубинную семантическую мотивацию данной лексемы, попытаемся реконструировать характер восприятия слепоты в рамках архаической традиции.

Слепота, по мнению Г. Бидерманна — с одной стороны символ незнания и «ослепления», с другой — беспристрастности и подчинения судьбе и, кроме того, презрения к внешнему миру при наличии «внутреннего света». По этой причине прорицатели (Тиресий) и

одаренный поэт (Гомер) изображались в Древней Греции слепыми, причем часто упоминается, что слепые подсмотрели у богов сокрытые тайны [2, 248].

В этой связи, несомненно, интересным представляется зафиксированное во «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» устойчивое выражение: *«Глаза смотрят внутрь. Слепой. — Женщины не заметили, что у него глаза смотрели внутрь. — У нашего соседа глаза смотрели внутрь»* (Ольхон. Иркут., 1972)» [13, 42]. Это выражение, на наш взгляд, отражает представление о слепоте не как о полном отсутствии зрения, а как о зрении, направленном «в иную сторону», «в иной мир». Подобное восприятие слепоты характерно для фольклорно-мифологического мышления. В. Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки», исследуя слепоту яги, отмечает: «Под „слепотой“ понимается не просто отсутствие зрения... Слеп человек не сам по себе, а по отношению к чему-нибудь» [7, 72]. Яга, согласно В. Я. Проппу, не является абсолютно слепой: как представитель мира мертвых, она слепа по отношению к миру живых. «Живые не видят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых» [7, 74]. Особым даром наделены лишь шаманы, видящие мертвых, которых обыкновенные смертные не видят. Вероятно, поэтому пророки и провидцы, праотцы, вещие поэты часто представляются слепыми (то есть видящими иной мир). Подобный взгляд на слепоту демонстрирует и приводимая В. И. Далем пословица: «Слепой духом Бога видит» [4: IV, 228].

Таким образом, слепота оказывается средством особого «видения», знания, недоступного людям, имеющим нормальное зрение, является знаком причастности к иному миру. Такое представление о слепоте легло в основу семантики ритуала символического ослепления — одного из фрагментов обряда инициации, игравшего чрезвычайно важную роль в жизни первобытного общества.

Приводимые В. Я. Проппом описания обрядов инициации (посвящения) показывают, что слепота в них представлялась (имитировалась) замазыванием глаз. «Посвящаемый уводился в лес, вводился в избушку, предстал перед чудовищным существом, властителем смерти и властителем над царством животных. [...] Мы знаем, что он подвергался символическому ослеплению именно в тех формах, в каких в сказках ослепляется яга и Полифем: ему **залепляли** [выделено нами — Л. П.] глаза. Фробениус описывает это следующим образом: „неофит с завязанными глазами вводится в избушку. В яме замешивают густую кашу, род раствора. Кто-нибудь из уже посвященных схватывает неофита и втирает ему эту массу, к которой примешан перец, в глаза. ...“. Это далеко не единичный случай. Неверманн сообщает из Океании: „После нескольких

дней отдыха неопиты покрываются известковой кашей, так что они выглядят совершенно белыми и не могут раскрыть глаз“. Смысл этих действий становится ясным из смысла всего обряда. Белый цвет есть цвет смерти и невидимости. Временная слепота также есть знак ухода в область смерти. После этого происходит обмывание извести и вместе с тем прозрение — символ приобретения нового зрения, так же как посвящаемый приобретает новое имя. [...] Наряду с отверзанием уст мы здесь имеем отверзание глаз» [7, 74].

Приведенное описание ритуализованного действия — замазывания глаз, связанного с обрядом символического ослепления как одной из форм инициации, на наш взгляд, подтверждает наличие этимологической связи между и.-евр. **leip-* (**loip-*) и слав. *slěpъ* и позволяет предположить, что современное значение прилагательного *слепой* — ‘лишенный зрения’ — восходит к значению ‘замазанный, залепленный’. Если принять во внимание чрезвычайную значимость ритуального поведения для человека архаической культуры, то подобный семантический переход, мотивированный ритуалом инициации, представляется весьма вероятным.

Литература

1. Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология. 1984. — М.: Наука, 1986. — С. 7–27.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. — М.: Республика, 1996.
3. Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. — М.: Прогресс, 1964. — 350 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Русский язык, 1989 — 1991.
5. Монич Ю. В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий / Вопросы языкознания. — 1998. — № 1. — С. 97–120.
6. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. — М.: Лабиринт, 2000. — 479 с.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 365 с.
8. Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии V. (1) // Этимология 1991 — 1993. — М.: Наука, 1994. — С. 126–154.
9. Топоров В. Н. Из праславянской этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. — Вып. 1. — С. 5–15.
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / Исследования в области мифопоэтического. — М., 1995. — 624 с.

11. *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаичный ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М., 1988. — С. 7–60.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1987.
13. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. — Новосибирск, Наука, 1983. — 232 с.

**Херсонис Таврический
в императорском титуле и государственной геральдике России**

*Е. В. Пчелов
Москва*

Присоединение к России новых территорий и государств с конца XV и до конца XIX в. сопровождалось включением их наименований в царский / императорский титул и геральдическим обозначением в рамках российской земельной и государственной геральдики (при этом использовались или традиционные для этих регионов эмблемы, или (чаще всего) создавались новые). Анализ территориального (объектного) титула русских государей показывает, что он формировался как определённая, достаточно чёткая система; такой же системный характер носила и земельная геральдика, включавшаяся в состав геральдики государственной. Крым не был здесь исключением.

Как известно, Манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 г. «полуостров Крымский, остров Тамани вся Кубанская сторона» были «приняты под Российскую Державу» (Полное собрание законов Российской империи (Первое). Т. 21. СПб., 1830. № 15708. С. 897–898). После «Акта, заключённого в Константинополе между Ея Императорским Величеством и Портою Оттоманскою „О мире, торговле и границах обеих государств“» от 28 декабря 1783 г. (ПСЗ РИ. Т. 21. № 15901. С. 1082–1083), по которому Турция была вынуждена признать это присоединение, Екатерина Великая могла с полным правом отразить новое расширение Империи на уровне императорского титула и российской геральдики. 2 февраля 1784 г. одновременно с именовым указом, данным Сенату, «Об учреждении Таврической области» (ПСЗ РИ. Т. 23. СПб., 1830. № 15920. С. 17–18), была принята новая форма полного титула императрицы, в который были добавлены слова «Царица Херсониса Таврического» (ПСЗ РИ. Т. 23. № 15919. С. 17). Такая формулировка чрезвычайно показательна: во-первых, титульным символом Крыма был признан Херсонес, античный и средневековый центр древнегреческих и визан-

тийских владений в Крыму; во-вторых, наименование Крыма Таврией (Тавридой) и подчёркнуто эллинизированная форма «Херсонис» отсылали именно к греческому наследию; в-третьих, сопряжённый с «Херсонисом» *царский* титул явно намекал на византийское «прошлое». Сама форма крымского титула Екатерины, таким образом, полностью укладывалась в то культурно-политическое направление её царствования, которое именуется в историографии «греческим проектом».

«Царство Херсониса Таврического» стало четвёртым в ряду титульных царств, состав которых не менялся со времён Бориса Годунова. Эта кватернарная структура «царской» части объектного титула в целом неплохо укладывалась в его внутреннюю структуру, находя соответствия как в начальной («Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская»), так и в последующих (от «Эстляндской» до «Болгарской» (8 объектов) и от «Новгорода Низовския земли» до «Мстиславской» (ещё 12 объектов)) его частях. Можно сказать, что с этого момента четырёхчастная структура объектного титула стала на некоторое время доминирующей.

8 марта 1784 г. императрица утвердила доклад Сената «О гербе Таврической Области»: «В золотом поле двух-главый орел, в груди онаго в голубом поле золотый осьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло; крест же поставлен в Государственном гербе для того, что и оный прислан от Греческих Императоров в Россию тогда, когда восприято Великими Князьями крещение» (ПСЗ РИ. Т. 23. № 15953. С. 69). Таврический герб, тем самым, представлял собой соединение государственного герба (в цветах, утвердившихся с петровского времени) с православным символом (золотым восьмиконечным крестом в голубом поле; как бы, на фоне неба?). И то, и другое, по тогдашнему мнению, имело источником Византию. Так средствами геральдики подчёркивалась преемственность России от Византии, а заимствование двуглавого орла отодвигалось ко временам крещения Руси, которое, действительно, пошло из Херсонеса, где крестился Владимир. Титул и герб таким образом символизировали обретение Россией своих «византийских, греческих истоков», что было характерно для всей политики Екатерины по отношению к новопробретённым причерноморским землям.

Герб Царства Херсониса Таврического оставался неизменным вплоть до середины XIX в. При Павле I он был помещён в проект Полного (Большого) государственного герба, где занял место в щитке, расположенном внизу от центрального щитка с государственным орлом. В описании «Таврического» герба золотой крест назван «греческим тройным», а изображён он с тремя горизонтальными перекладинами (что неверно, с точки зрения изображения восьмиконечного креста в

церковной традиции). Кроме того, герб был увенчан короной «о пяти остроконечных зубцах с зеленою бархотною накрышкою» — так изображались короны и в гербах других «царств». При Николае I с 1832 г. герб Царства Херсониса Таврического помещался на одном из крыльев российского двуглавого орла.

Новый вариант герба (Таврической губернии) был утверждён 8 декабря 1856 г. (фон Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. М., 1990. С. 190). Он был создан Б. В. Кёне. Изображение и описание двуглавого орла кардинально изменилось. Теперь это был чёрный «Византийский» орёл, увенчанный двумя золотыми трёхзубцовыми коронами, без регалий в лапах (клюв и когти орла были золотыми, а языки — червлёными). Лазуревый щиток с крестом «получил» золотые «края» (по сути, окантовку) — вероятно, чтобы избежать неприемлемого в традициях классической европейской геральдики наложения финифти на финифть. «Византийский» тип орла означал, что этот орёл изображён с опущенными, а не поднятыми крыльями. Кёне, следовательно, усилил византийскую семантику этого символа, лишив его черт государственного орла России, но оставив неизменным «имперскую» расцветку (чёрно—золотую) (византийский орёл, по всей видимости, был золотым в красном поле). Чтобы ещё больше подчеркнуть византийско-русскую преемственность, «транслировавшуюся» через «Херсонис Таврический», гербу этого «царства» была придана и своя «корона». В Больших государственных гербах Российской империи 1857 и 1882 гг. (и других гербах, включавших основные титульные гербы) щит с гербом Царства Херсониса Таврического был увенчан Шапкой Мономаха. Щит с объединёнными гербами древних русских столиц (Киевским, Владимирским и Новгородским) увенчала Шапка Мономаха *второго наряда*. Таким образом получила геральдическое воплощение идея о «дарах Мономаха» и преемственности от Византии на уровне государственных регалий. Идея Таврического герба времён Екатерины оформилась в законченном виде. Теперь «Херсонис Таврический» был проводником не только веры и главного государственного символа, но и главной государственной регалии и, можно сказать, самой государственной власти. Такое осмысление значения Крыма и его присоединения для России на государственном уровне оставалось актуальным, как видим, и во второй половине XIX в. Семантика «византийских истоков» даже усилилась, что можно связать и с событиями Крымской войны, и с общей ориентацией определённой части русской культуры на древнее русское историческое прошлое.

Древнейшая индоевропейская гидронимия ареала среднестоговской культуры и решение проблемы индоевропейской прародины

*И. Н. Рассоха
Харьков*

Данный доклад представляет собой краткое изложение одной из глав моей книги «Украинская прародина индоевропейцев», которая вышла в 2007 году [Рассоха]. Полностью ознакомиться с данной книгой можно на сайте «Хронос» по адресу: http://www.hrono.info/libris/lib_r/rass00indo.html. Книга претендует на окончательное решение проблемы индоевропейской прародины, которая соответствует раннему этапу развития среднестоговской археологической культуры. Ареал этой культуры охватывал территорию к северу от Черного и Азовского морей примерно между реками Ингул, Рось, Десна и Дон в его нижнем течении [Телегін, с. 24—25]. Сейчас это территория Восточной Украины, отчасти Центральной Украины и пограничных с Украиной районов юга России.

На территории среднестоговской культуры и ранее было известно свыше сорока древнейших гидронимов, относительно которых исследователями утверждалось или предполагалось древнейшее индоевропейское происхождение: Альта, Буг, Бутеня, Валява, Вілія, Ібр, Іква, Ірпінь, Канів, Кодра, Котурка, Порозовиця, Суба, Субот, Либідь, Мика, Недра, Опака, Прип'ять, Таль, Тьма, Тясмін, Унава, Удава, Удай, Уды, Удица, Девица, Дівичка, Ромен, Муравка, Мерефа, Солучка, Бреща, Лтава, Сула, Хорол, Мерло, Лубня, Калка, Десна, Віта, Снов, Мена, Берда, Келеберда, [Шрамм, с. 20; Янко, с. 24, 361, 116, 226, 329, 85, 114, 29, 161, 214, 227, 376, 63, 156, 165, 190, 207, 284, 285, 317, 340, 366, 82, 151, 154, 180, 207, 222, 227, 240, 260, 289, 313, 314, 346; Стрижак, с. 66—67, ; Прохоров, с. 44; Желєзняк, с. 30—31; Роспонд (1989), с. 29; Нерознак, с. 160—161; Трубачев, с. 149, 51; Етимологічний словник, с. 50, 90—91, 148, 83; Отін, с. 10—12; Роспонд (1972), с. 26; Топоров, Трубачев, с. 228; Гамкрелидзе, Иванов, с. 945, 862, 673].

Мы привели индоевропейскую этимологию еще свыше ста гидронимов в районе среднестоговской культуры: Сем (Сейм), Псол, Ворскол (Ворскла), Орель, Оскол, Миус, Дон, Днепр, Сиргис (Северский Донец), Ангул (Ингул), Герос (Ингулец), Отолика, Бахмут, Бахмач, Бахтин, Берда, Берека, Бодаква, Бритай, Варва, Вошива, Габова, Ирклий, Кальмиус, Карань, Келеберда, Клевень, Коврай, Ковсуг, Коломак, Конотоп, Котельва, Лохвица, Лохова, Ман, Манечка, Нетриус, Огульцы, Пороз, Ректа, Реть, Сага, Сагай, Селичевка, Сениха, Снепород, Салова, Стеха, Сума, Супой, Талова, Талалиевка, Танискава, Терехова, Тор, Урвихвист, Хотомля, Хуса, Хусь, Яха, Айдар, Булавинка, Утка, Галка,

Галочка, Бакай, Бакайка, Пелитлы (балка), Алисова (балка), Дегия (поток), Рось, Росава, Кильтень, Хортица, Фоса, Икорец, Реут, Савала, Тим, Токай, Тускарь, Хава, Хопер, Калитва, Маныч, Сал, Харьков. Следует отметить, что некоторые из этих названий встречаются неоднократно.

Данный результат получился, когда этимологии основаны на фонетической реконструкции индоевропейского языка, предложенной Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым в их авторитетной монографии «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» [Гамкрелидзе, Иванов]. По нашему мнению, это является новым независимым доказательством правильности именно данной фонетической реконструкции.

Вот несколько примеров таких этимологий:

1. **Кильтень**, л. Великой Выси л. Синюхи л. Южного Буга явно происходит от и.-е. *kel- “гора” и суффикса *-t^[h]en- [Гамкрелидзе, Иванов, с. 669, 248]. Как видим, это название первоначально явно значило «**Горная**». И теперь это по-прежнему приток реки **Великая Высь**, которая, в свою очередь, сливается с рекой **Горный Тикич**.

2. **Урвихвист**, л. Северского Донца (в городе Изюм) — от и.-е. *ǵer- “вода” и *Noyis “овца” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 882, 271]. Сравним: в Украине есть реки Овечьи Воды, Овечна и Овнянка [Словник гідронімів, с. 393].

3. **Хотомля** (Хатомля, Хотімля), л. Северского Донца, Волчанский р-н Харьковской обл. — от и.-е. *Nat'- “зерно” и *ml_o- “зернотерка, мельница” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 665, 693]. Сравним: в Украине есть реки Мельница (три реки), Мельня, Млынка, Млинки, Млинок (4), Зеремлянка [Словник гідронімів, с. 359, 367, 368, 214].

4. **Коврай**, л. Ирклия л. Днепра — от и.-е. *k^{'o}oy- “бык, корова” и *gēi- “вещь, имение” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 876, 172]. Т. е. Бычья река. Сравним: в Украине есть реки Телиця, Бик (Бык), Бики, Бичок (Бычок, 7 рек), Бычиха, Бугай (3 реки), Бугайка, Бугаївка [Словник гідронімів, с. 556, 47, 73].

5. **Харьков (Харків)** от индоевропейского названия ‘серебра’ *Hark'- [Гамкрелидзе, Иванов, с. 229, 711, 713] с атрибутивным суффикс -ей-/ -ой- [Гамкрелидзе, Иванов, с. 193, 218; Муромцев, с. 57]. Т. е. река Харьков — это Серебряная река. Сравним: в Словаре гидронимов Украины указаны реки Сріблянка, Срібна (две), Срібнянка, Серебряница и четыре Серебрянки [Словник гідронімів, с. 523—524, с. 496].

6. **Оскол** (Оскіл, Оскал), л. Северского Донца — «из индоевропейского *osk^[h]ā — яшень» + именной суффикс *-el- [Гамкрелидзе, Иванов, с. 942, 218]. Вообще, из известных в Украине 10 балок под названием «Ясенева» 9 сосредоточены в бассейне Северского Донца в

его среднем течении — там же, где и река Оскол. А еще в Украине есть реки Ясенка, Ясенець и Ясенів Став [Словник гідронімів, с. 638—640].

7. **Днепр** (Данапр, Дніпро, Дніпер) можно вывести из корня *d^[h]en- ‘бежать’, ‘течь’ + корень *p^[h]eg- ‘**скала**’, ‘дуб’ [Гамкрелидзе, Иванов, с. 239, 614]. Сравним: в Украине есть реки Гірський Тікич, Быстрый (4 реки), Быстрянка, Бистрівка, Склеювата (3 реки), Склеюватка [Словник гідронімів, с. 132, 49, 51, 506]. Это название Днепра особенно логично, учитывая наличие на Днестре в прошлом скалистых порогов с бурным течением, а также наличие дубовых лесов на его обрывистых берегах.

8. Аталыкова (**Отолика**), л. Днепра — *oto- *li-k^{[h]o}- «остановленное», «оно остановлено» [Гамкрелидзе, Иванов, с. 385—386, 224]. Сравним: в Украине есть реки Став (8 рек), Непрець, Нерушай, Нетека, Нетіч, а также Нетеча (5 рек) [Словник гідронімів, с. 524, 385—387].

9. **Габова**, п. Орели л. Днепра — от и.-е. *Nap^[h]- ‘вода’, ‘река’ [Гамкрелидзе, Иванов, с. 862].

10. **Варва**, л. Лысогора л. Сулы л. Днепра — от *йег- “вода” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 882]. Сравним: в Украине есть 19 рек под названием «Водяна» [Словник гідронімів, с. 117].

11. **Воштва**, л. Берестовой л. Орели л. Днепра — от *йos-и — «хороший, добрый» [Гамкрелидзе, Иванов, с. 478]. Сравним: в Украине есть реки Добра (4), Добра Вода, Добренька.

12. **Ингул** (**Ангул**) [Янко, с. 155], п. Южного Буга — от и.-е. *ang^{[h]o}i- ‘змея’ + именной суффикс *-el- [Гамкрелидзе, Иванов, с. 867, 218]. Иначе говоря, *Ang^{[h]o}i — Змеиная.

13. **Огульцы**, пр. Черемушной л. Можга п. Северского Донца — от и.-е. *og^{[h]o}i- “змея” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 526]. Сравним: в Украине есть реки Зміївка, Змійка, Уж (2 реки), Ужик [Словник гідронімів, с. 215, 578—579]. Характерно, что Гамкрелидзе и Иванов [с. 526] как раз отмечали, что для ‘змеи’ известны две отличающиеся друг от друга формы *ang^{[h]o}i- и *og^{[h]o}i-.

14. **Ректа**, л. Сейма л. Десны — от и.-е. *rek’- “мочить, орошать” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 680].

15. **Алисова**, балка, п. Маячки л. Казенного Торца п. Северского Донца [Словник гідронімів, с. 21] — от и.-е. *aliso/*eliso “ольха” [Гамкрелидзе, Иванов, с. 635]. Сравним: в Украине есть 27 балок “Вільхова” (“Ольховая”) [Словник гідронімів, с. 108—109].

Наибольшая густота древнейших индоевропейских гидронимов наблюдается в лесостепной зоне Украины между реками Днепр и Северский Донец. Здесь же можно проследить этнокультурную преемственность древнеиранского населения со времен среднестоговской культуры до позднего средневековья. По количеству, разнообразию и плотности

древнейших индоевропейских гидронимов Левобережная Украина, особенно ее лесостепная часть не имеет себе равных в мире.

Наличие на территории среднестоговской культуры уникальной системы древнейших индоевропейских гидронимов, особенно густой в районе лесостепи между Днестром и Доном, является решающим аргументом в пользу локализации индоевропейской прародины именно здесь.

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. — Т. 1—2.
2. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. — Желєзняк І. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С. — К.: Наукова Думка, 1985.
3. Желєзняк І. М. Рось і етнолінгвістичні процеси Середньодніпрянського Правобережжя. — К.: Наукова думка, 1987.
4. Муромцев І. В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). — К.: Наукова думка, 1966.
5. Нерозник В. П. Названия древнерусских городов. — М.: Наука, 1983.
6. Отін Г. С. Гідроніми Східної України. — К.; Донецьк: Вища школа, 1977.
7. Прохоров В. А. Надпись на карте: Географические названия Центрального Черноземья. — Воронеж: Центр.-Черноземное книжное изд-во, 1977.
8. Рассоха И. Н. Украинская прародина индоевропейцев. — Харьков: ХНАМГ, 2007.
9. Роспонд С. Miscellaneae onomastica Russica // Восточнославянская ономастика: материалы и исследования. — М.: Наука, 1979.
10. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. — М., 1972.
11. Словник гідронімів України / Під ред. А. П. Непокупного. — К.: Наукова думка, 1979.
12. Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. — К.: Видавництво АН УРСР, 1963.
13. Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. — К.: Наукова думка, 1973.
14. Топоров В. Н., Трубащев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.

15. *Трубацев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М.: Наука, 1968.
16. *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко—филологическое исследование их названий в ранних веках. — М.: Eastern Communications, 1997.
17. *Янко М. П.* Топонімічний словник України: Словник-довідник. Рекомендовано Міністерством освіти України. — К.: Знання, 1998.

Сугдея в византийский период (по археологическим данным)

*Сазанов А. В., Мозаричев Ю. М.
Симферополь, Москва*

При сопоставлении всех возможных на сегодняшний день стратиграфических колонок выявляется следующая археологическая периодизация истории Судакского городища рассматриваемого периода.

1. VI—VII вв. Ранневизантийский период
2. Вторая половина VIII — первая половина IX в.
3. Вторая половина IX — середина — третья четверть X в.
4. Последняя треть X — начало — первая половина XI в.
5. Вторая половина XI — начало XII в.

I. VI—VII вв. Ранневизантийский период. Особого внимания требуют архитектурные остатки, которые ранее рассматривались как тюркское святилище. Оно, как считают авторы раскопок, представляло собой круглое в плане сооружение башенного типа, высотой около 2 м и диаметром не менее 5 м (точные размеры пока неясны), стоявшее на краю крутого оврага. «Башня» в конце IX — начале X вв. была почти полностью перекрыта хазарской оборонительной стеной, из под которой выступает лишь незначительная часть циркульной кладки. Она сложена из известняковых блоков на глине без фундамента. С южной стороны к «башне» подводила мощенная дорожка, длиной около 3 м, ориентированная строго по сторонам света. Ее сланцевые плиты, шириной до 0,5 м при длине 1,5—1,7 м до разрушения в результате сильного землетрясения с запада опирались на крепиду, высотой в один рядок кладки: дорожка и крепида в результате динамического удара сползли по склону в промоину, образовав упорядоченный завал. При зачистке завала обнаружены крупные профилированные блоки с изображением с орнаментом. У подножья «башни» зачищен полуметровый зольник, перекрытый ее завалом после землетрясения. В зольнике обнаружен небольшой идол из белого известняка, аналогичный идолу в бурке из Саркела. Авторы раскопок предположили, что на площадке святилища

находилось кострище священного огня, зола которого собиралась в зольнике под «башней». Это место являлось священным для тюрок и сугдов даже после разрушения святилища: еще в X в. здесь находился большой зольник. Предложенная И. А. Барановым интерпретация комплекса была рассмотрена А. В. Джановым и нами. Ни А. В. Джанов, ни А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев не согласились с предложенной И. А. Барановым трактовки комплекса как святилища. А. В. Джанов отмечает, что на чертежах фрагмента стены святилища хорошо видно, что развал стен находится под субструкцией сохранившегося фрагмента стены святилища, что говорит об их одновременности. Конструкция не может стоять на своем же развале. Тот участок стены, который И. А. Баранов упорно называет субструкцией стены тюркского святилища, является, вероятно, ремонтной латкой раннесредневековой городской стены. Участок, где расположен комплекс, представляет собой глубокий овраг. Циркульные очертания плана этого фрагмента стены являются результатом воздействия стихии на этот участок крепостной стены. Уже одна эта поправка разрушает утвердившийся взгляд на памятник. Анализ материалов из комплекса «святилища» показал, что для его трактовки как тюркского святилища нет веских оснований. На это же указывают и находка при расчистке завала крупных профилированных блоков т. н. портала, украшенного простым рельефным веревочным орнаментом, а также обломки ступенчатого известнякового карниза. Анализ архитектурных фрагментов, а также надпись позволили высказать вполне правдоподобное предположение, что данные архитектурные фрагменты относятся к развалинам христианского храма. Наличие монументального саркофага, а также ктиторская надпись указывают, что это был действительно христианский храм.

В целом весь рассматриваемый период Сугдея несомненно принадлежала Византии. Надежная хронология комплексов пока не может быть установлена. Предварительно можно высказать предположение, что комплексы этого периода могут быть отнесены к VI — первой половине VII в. и второй половине VII в. Однако вопрос о времени появления здесь византийских укреплений дискуссионен.

11. Период VIII — середины IX вв. В литературе бытует достаточно распространенная точка зрения об этом времени как о хазарском периоде. Она исходит из концепции, в свое время выдвинутой И. А. Барановым. А. И. Айбабин утверждает, что опубликованные в статьях И. А. Баранова находки из раскопок в Судак датируют возникновение города не ранее последней четверти VII в. В письменных источниках Судак впервые упомянут в Космографии Равеннского анонима конца VII в., где он назван Сугдеей. По мнению А. И. Айбабина в

первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно в начале VIII в. хазары создали в городе таможню.

Опубликованные В. С. Шандровской печать Кириака и печати главных коммеркиариев говорят о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии. При этом сугдейцы хоронили в обычных для христиан плитовых могилах и в земляных склепах. В одном из склепов лежали типичные для салтовской культуры перстень второй половины VIII — первой половины IX в. и пуговицы. Абсолютно противоречат идеям И. А. Баранова и А. И. Айбабина как археологические материалы, так и данные нумизматики и сфрагистики.

Важнейший вывод был сформулирован Е. В. Степановой на основе изучения так называемого судакского архива печатей: византийцы не ушли из Сугдеи во время якобы господства на этой территории Хазарского каганата. Крайне показательна также находка в Судаке золотых монеты Константина V 741–775 гг. Исследовавшая их В. В. Гурулева пришла к однозначному выводу, что золотые монеты, найденные в Судаке, несомненно, были в обращении, причем именно среди грекоязычного населения города. Свидетельством этого являются графитти в виде греческих букв на некоторых из них и обрезанные края денег. Тот факт, что многие монеты, найденные в Судаке и других городах Крыма, обрезаны столь значительно, говорит не о мошенничестве, а скорее о сознательной и возможно, даже санкционированной местными византийскими властями акции. Даже то, как были обрезаны эти монеты, говорит о том, что делали это не варвары, а подданные Византийской империи. Вывод представляется очевидным. В положении Сугдеи в VIII — первой половине IX в. не произошло существенных изменений. Материальная культура по-прежнему имела провинциально-византийский характер, а сам город оставался принадлежащим Византии. Концепцию «Крымской Хазарии» с центром в Сугдеи следует признать историографическим мифом.

III. Вторая половина — последняя треть IX — середина X в. Хронологически комплексы этого времени могут быть разделены на два этапа. Первый охватывает последнюю треть или, более широко, вторую половину IX в., второй — фиксирует время прекращения существования комплексов в третьей четверти X в. К первому этапу можно отнести оборонительную стену т. н. квартала I между башнями Якобо Торселло и Безымянной № 5. Возникает вопрос о том, кто и когда создавал эту фортификационную линию. Проведенный анализ стратиграфической колонки показывает, что стена стоит на слое желто-коричневого плотного

суглинка, который залегает, по всей видимости до уровня ее фундамента. Материал позволяет отнести этот слой к 60—80 гг. IX в. Полученная дата синхронизируется с комплексом сооружений в районе XIV куртины. Учитывая то, что в этом случае остатки мастерской пристроены к уже существовавшей стене, оборонительная стену корректно датировать чуть более ранним временем.

Ко второму этапу к — середине — третьей четверти X в. может быть отнесен «слой пожара середины X в. в жилище №3 в портовой части Сугдеи» и «Горизонт первоначального пожара и предшествующего ему культурного слоя» в районе угла «дома на извести» в Портовой части на участке раскопа 1993/1994. Крайне важным представляется наблюдение В. В. Майко, согласно которому до середины X в. в заполнении объектов не прослежены следы каких-либо разрушений или пожаров. С середины VIII в. идет процесс эволюционного развития материальной культуры. К этому, как нам кажется, есть все основания добавить уточнение — «провинциально-византийской материальной культуры».

IV. Последняя треть X — начало — первая половина XI в. И. А. Баранов полагал, что после разгрома Хазарского каганата Святославом и окончания хазаро-византийских войн в Таврике пустовавшие территории бывшего хазарского лагеря в Сугдее за короткий срок были застроены греческими кварталами. В течение второй половины X—XI вв. Сугдея превратилась в один из крупнейших портов на Черном море и приобрела все атрибуты городского пейзажа, характерного для провинциальных центров Византийской империи.

V. Вторая половина XI — начало XII в. В это время были ликвидирована фема Сугдеи. Как полагает В. В. Майко, в ней отпала необходимость, и она была просто соединена с фемой Херсона. Об этом свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата, именуемого в ней стратигом Херсона и Сугдеи одновременно. К этому периоду относится т. н. «третий период функционирования святилища», а также «культурные остатки XI—XII вв. на «Приморском укреплении».

Анализируя т. н. «третий период функционирования святилища», представленный зольником, В. В. Майко полагает, что отсутствие каких-либо сооружений как культового, так и ремесленного характера, которые можно было бы связать с описываемым зольником, при достаточно полном археологическом исследовании этого участка Сугдеи, позволяет предположить, что сам зольник является земляным культовым объектом. Не исключено, что появление указанного зольника, безусловно связанного с культом огня, является следствием влияния зороастрийского ритуала. Исследователь полагает, что помимо сообщений письменных источников

обнаружено довольно много археологических материалов, свидетельствующих о приверженности хазар этой религии, и, прежде всего, в Сугдее.

Сразу отметим, что попытки связать появление зольника с зороастрийскими ритуалами основаны исключительно на желании авторов и не подтверждаются никакими сколько-нибудь серьезными аргументами. Это касается и т. н. «модели зороастрийского храма», не имеющего даже отдаленных аналогий с реальными зороастрийскими святилищами. Главным, однако является другое. В материалах зольника нет никаких свидетельств в пользу трактовки его как ритуального. Это — обычный мусорный зольник, аналогии которым хорошо известны в античных городах. Состав керамического комплексов этого периода не оставляет сомнений в его византийском характере.

Из вышесказанного следует следующие выводы:

На всем протяжении существования Сугдеи, т.е. с VI — первой половины VI в. до конца XI — начала XII в. прослеживается преемственность материальной культуры. Она выражается как в архитектуре жилых построек, фортификации, погребальных сооружениях, так и в характере керамического комплекса. Архитектурные особенности построек однозначно указывают на их византийское происхождение. Наличие варварского компонента в керамическом комплексе является типичным для провинциально-византийских городов, каковым несомненно и являлась Сугдея.

Предпринимавшиеся исследователями попытки связать те или иные комплексы с тюркскими или хазарскими святилищами следует признать несостоятельными. Ни в одном из случаев реально не был зафиксирован даже «кочевнический» комплекс.

На сегодняшний день в Сугдее отсутствуют какие-либо материальные следы, связанные с походом Бравлина и «Георгием Тарханом». В слоях города нет следов глобальных разрушений вплоть до последней трети X в.

Анализ письменных, нумизматических, сфрагистических источников и их сравнение с данными археологии однозначно указывает на то, что на протяжении всего рассматриваемого периода Сугдея была и оставалась провинциально-византийским городом, принадлежность которого Византии абсолютно очевидна. Концепцию о существовании «Крымской Хазарии» с центром в Сугдее следует признать историографическим мифом.

Ономасиологический аспект праславянских фитонимов

Е. В. Сердюкова

Ростов-на-Дону

Объективность этимологического анализа подтверждается не только закономерными фонетическими явлениями, но и моделями номинации, которые иногда могут быть очень важным доказательством этой объективности. В докладе на материале праславянских фитонимов мы попытаемся привести доводы в пользу объективности тех или иных предложенных в разных источниках этимологий, опираясь на анализ закономерных моделей номинации, характерных для названий деревьев. Для исследования были взяты названия ивы (*Salix*) в русском и других славянских языках. Это растение (растет в виде дерева или кустарника в умеренном поясе) издревле было известно славянам и широко применялось в хозяйстве. В древнерусских и старорусских памятниках письменности для данного фитонима встречается много названий: *ива*, *верба*, *бредъ*, *ветла*, *лоза*, *рокита*, *молокита*, *талъ*, в источниках 19 в. упоминаются *шелюг(а)*, *висла*, *вислина*.

Наибольший интерес представляют слова *ива* и *верба*, имеющие индоевропейские соответствия. По мнению А. Мейе, В. Кипарского, М. Фасмера, О. Н. Трубачева, слово *ива* относится к индоевропейским, родственно лит. *ievà, jievà* ‘черемуха’, лтш. *iẽva* то же. В этимологическом словаре русского языка под ред. Н. М. Шанского вслед за Pokorny, Sławski, М. Фасмером и др. слав. **jъva* возводится к и.-е. прилагательному с корнем **ei-* ‘красноватый’, так как деревья имеют красноватую древесину. Но цвет вряд ли мог лечь в основу номинации, так как древесина ивы не является строительным материалом, а поэтому цвет является малосущественным признаком. Более вероятным является родство с нем. *Weide* ‘ива’, греч. *ἰτέα*, восходящим к и.-е. **iē-* / **ieḡ-* ‘вить’ (ЭССЯ). Это представляется весьма убедительным в семантическом отношении, так как для ивы прежде всего характерна гибкость ветвей, ее использовали для плетения корзин и других предметов. Этот мотивационный признак нашел отражение в большинстве названий ивы. Новую этимологию для слав. **jъva* предложил В. Э. Орел (см.: Орел В. Э. О некоторых славянских и индоевропейских названиях деревьев // Этимология. 1985. М., 1988, с. 27—38). Отталкиваясь от семантической модели, которая зафиксирована в слове *бред(ъ)* ‘ива’, он предлагает подобную модель для слова **jъva*. Слав. **bredъ* ‘ива’ связано с глаголом **bredq*, **bresti*. Первоначально эта связь аргументировалась тем, что ива растет на сырых местах (Фасмер I, 210; ЭССЯ 3, 12), в более поздних работах семантическая база данной этимологии существенно

расширяется: «реальное основание для этого объяснения видят в том, что ива растет на сырых местах, стоит в воде, якобы „бредет“, „бродит“» (ЭССЯ 3, 12). Именно вторая часть этого толкования, по мнению В. Э. Орла, могла стать истинной основой для развития значения ‘ива’. Подобную модель мотивации он находит для слав. **jъva*, связывая со слав. **jъdъ*, **jъti*. «Это положение получает доказательную силу, если мы обратимся к этимологии омонимичного слав. **jъva*, отраженного в болг. *íva*, *ивá* ‘край ткани по длине’, *ивица* ‘длинная, узкая полоска, лента; шерстяной узкий пояс’, с.-хорв. *iva* ‘край, кайма ткани’, *ivica* то же» (Орел В. Э., с. 32). О. Н. Трубачев слав. **jъva* ‘полоска, кайма’ рассматривает как продолжение особого производного **eiца* от **ei-* ‘идти’, но в ЭССЯ эти слова даны как омонимы (**jъva* I и **jъva* II). По мнению же В. Э. Орла, эти лексемы можно рассматривать как генетически тождественные, тогда этимология для этих слов будет одинаковой. Подобная модель обнаруживается также для алб. *breðh* ‘ель’, которое В. Э. Орел связывает с алб. *breðh* ‘брести; идти вброд; прыгать’. Выстроенная таким образом система названий ивы по одной модели мотивации является довольно интересной, но все же требует бóльших доказательств. Анализ же всех остальных названий ивы как в литературном языке, так и в говорах свидетельствует о большей распространенности иной модели мотивации — гибкие свойства ветвей ивы, широкое использование для традиционной материальной культуры (плетение корзин и других предметов, украшений из ивовых прутьев) послужили основой для номинации растений рода *Salix* (*верба*, *ветла*, *лоза* и т. д.). Следует также учесть относительно неширокий ареал распространения слова *бред* и его производных (восточнославянские диалекты). Это название характерно для тех территорий, где признак ‘расти в сыром месте, стоять в воде’ явился более сильным, чем остальные и лег в основу номинации. Более убедительной, на наш взгляд, является этимология, предложенная О. Н. Трубачевым (ЭССЯ 8, 249). Сейчас она признается многими исследователями. Общеиндоевропейское название ивы зафиксировано в итало-кельтском, германском и греческом (лат. *Salix* и др.). В других же диалектах было заменено описательными образованиями типа ‘дерево с ветками для витья’. Но и в тех диалектах, где сохранилось древнейшее и.-е. название ивы, параллельно возникают новообразования от корня со значением ‘вить’ (греч. *ἰτέα* ‘ива’, лат. *uītis* ‘лоза’ и др.). Рус. *ива* ‘ива’, др.-чеш. *jíva*, лит. *ievà*, *jievà* ‘черемуха’, лтш. *iēva* то же, прус. *iūwis*, др.-ирл. *eo* ‘тис’ и др. восходят к и.-е. корню **ei-*/**oi-*, осложненному **-u-*. Этот корень бесспорно объясняется из и.-е. **u-*/**uei-* ‘вить’. Считается, что начальное *u-* в глаголе сохранилось ввиду более выгодных условий и очень рано устранено по диссимиляции в и.-е.

именной основе. С переносом значения на различные виды растений, по—видимому, по определенным внешним признакам мы сталкиваемся довольно часто. Перенос названия тиса на другие деревья и кустарники (ива, черемуха) в германских, балтийских и славянских языках объясняется очень незначительным распространением тиса на территориях, занятых древними германцами, балтами и славянами.

Слово *верба* также имеет соответствия в других индоевропейских языках: лит. *viřbas* ‘прут, стебель’, лат. *verbēna* ‘листья и побеги лавра’ и др. Слав. **vьrba* восходит к и.-е. корню **у̑er-* ‘вертеть’, расширенному формантом *-b-*, а **у̑er-* входит в этимологическое гнездо с корнем **у̑ei-*. А. С. Мельничук в своем докладе на VIII Международном съезде славистов (1978 г.) указывал, что и.-е. **у̑ei-* /**у̑i-* обнаруживает следующий ряд значений: ‘гнуть, крутить, вить, путать, вязать, плести, ткать, шить’. При этом неслоговой **i̯* в корне **у̑ei-* является распространителем, что делает правомерным признание других распространителей и поиск вариантов данного корня. В основу слов *ива* и *верба* было положено приблизительно одно и то же свойство ивовых деревьев и кустарников — гибкость ветвей. Оба слова встречаются практически во всех славянских языках за редким исключением, так в белорусском языке сохранилось только производное *iвіна*. Западный ареал характеризуется более употребительным здесь словом *верба*, а восточный и юго—восточный — *ива*. Там, где слово *ива* не употребляется как родовое название, а является видовым, там, как правило, родовым является слово *верба*. Слово *верба* в значении ‘*Salix*’ или других названий деревьев не зафиксировано в остальных индоевропейских языках, кроме славянских. Отсюда можно предположить, что в праславянском первоначально это слово имело значения ‘прут, стебель’. В старославянском встречалось собирательное от этого слова со значением ‘прутья’, позже слово *верба* приобрело значение ‘ива’, так как прутья ивы были особенно гибкими и широко использовались.

В значении ‘ива’ использовалось также слово *лоза*. Этимологически *лоза* связано с глаголами *лазить*, *лезу*, первоначально слово имело значение ‘прут, побег’, а затем происходит перенос с части растения на целое, то есть этим словом начинают обозначать различные растения, кустарники, которые имеют гибкие ветви — лозы. Чаще всего отмечается перенос на виноград и иву. Здесь та же мотивация для названия растения ива, что и в словах *ива*, *верба*.

В русском и украинском языках встречается слово *ветла* ‘разновидность ивы’, которое этимологи связывают со словами *ветвь*, *вить*, что семантически вполне оправдано. В русских и украинских говорах по этой же модели появились новообразования с прозрачной

этимологией: *вязинник, корзиночник, плетёночник, кузавица*. В этих названиях ивы и ее разновидностей прямое указание на гибкость ветвей, из которых плетут в первую очередь корзины. Как видно из данных языковых фактов, основной мотив номинации для названий ивы и ее разновидностей — это гибкость ветвей, которые легко скручиваются, сгибаются и т. п. Этот мотив нашел отражение в большинстве названий *Salix*, что является объективным основанием для этимологии слова *ива*, представленной в ЭССЯ.

Мотивация, связанная с местом произрастания широкого распространения не получила. Слово *бред(ь)*, о котором уже говорилось выше, распространено в смоленских, псковских и некоторых других говорах, но как раз в тех местах, где много сырых и болотистых мест. Хотя это слово и имеет праславянский корень, но появление у него значения ‘ива’ носит местный характер, в других славянских языках, кроме восточнославянских, распространения не получило. Слово *молокита* имеет аналогичную мотивационную основу: оно восходит к корню **molk-* (ср. болг. *млако* ‘болото, топь’, польск. *ra-młoka* ‘сырой туман; облако’, *młokicina* ‘болотная ива’ и др.). Первоначальное значение слова ‘болото, топь’. В современных русских говорах зафиксировано в форме *молокитник* (в говорах Приамурья, кировских, ульяновских и др.). В словаре В. Даля это слово не отмечено. Скорее всего это также местное образование, у которого произошел перенос со значения ‘болото’ на ‘болотная ива’ или ‘ива, растущая в сыром месте’. Вряд ли это слово является польским заимствованием, развитие значений и образование форм в русском и польском языках шло параллельно. Слово *молокитник* ‘ива; ивовые заросли’ можно считать русизмом, так как в таком значении оно не зафиксировано в украинском и белорусском языках. Данная модель номинации имеет относительно узкий ареал распространения и вряд ли могла быть первоначальной для растений рода *Salix*.

Большой интерес среди названий ивы представляет слово *тал(ь)* и его многочисленные производные. В современном русском литературном языке известно в формах *тал* и *тальник* в значении ‘кустарниковая ива’. В русских говорах эти формы еще разнообразнее: в различных источниках обнаружено около тридцати наименований различных видов ивы с корнем *тал-*. Заимствовано, по мнению А. Жаримбетова и некоторых других исследователей (см.: Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений: Исследование и историко-этимологический словарь. Нукус: Каракалпакстан, 1980, с. 58, 163), еще в эпоху до татаро-монгольского нашествия из диалектов половецкого или других кыпчакских языков. О том, что непосредственным источником заимствования являются кыпчакские языки, свидетельствует семантика и

фонетический облик слова, так как не во всех тюркских языках слово обозначает иву (ср. др.-тюрк. *tal* ‘ива; тальник; ивовый прут’, кумык. *тал* ‘ива, тальник’ и др.). В памятниках письменности впервые появляется во второй половине 16 в. Слово широко распространено в русских, украинских и белорусских говорах, то есть является восточнославянским, но в другие славянские языки не проникло. Слова с корнем *тал-* очень часто сочетаются с прилагательными, обозначающими цвет, или образуют сложные слова: *краснотал, сивый тальник, серый тальник, чернотал* и т. п. Модель с указанием на цвет появляется только в новообразованиях. В основном с прилагательными, обозначающими цвет, сочетаются слова *тал* и *лоза*, очень редко слова *ива, верба*, совсем не употребляются с такими прилагательными слова *бред, молокитник, ветла, ракита*. Аналогичные образования встречаются и в тюркских языках со словом *тал*. Данный мотив в славянских языках появился позже остальных, видимо тогда, когда люди научились различать виды ивы (их насчитывается свыше ста). Цвет, вероятно, стал играть важную роль тогда, когда ветви ив стали широко использоваться в народных промыслах.

Весь проанализированный материал показывает, что на протяжении длительного периода преобладающим мотивом номинации остается мотив, связанный с гибкостью ветвей растения. Это лишь подтверждает правильность этимологии для слова *ива*, предложенной в ЭССЯ.

Полевые исследования народной лечебной практики славянского населения Северо-Западного Причерноморья: опыт и перспективы.

Н. И. Серебрянникова
Одесса

Полевые этнографические исследования на территории Северо-Западного Причерноморья начали вестись с середины XIX ст. Работы, относящиеся к данному этапу, представляют собой описания народов, проживающих на данной территории. До 20–30 гг. XX ст. авторами этой группы источников являются этнографы, фольклористы, а также представители интеллигенции (учителя, врачи, священники и т. д.). Исследования велись в соответствии с программами, которые были разработаны и разосланы различными правительственными и научными организациями.

Работ, которые были бы посвящены исключительно народной медицинской практике в этот период, практически не встречается. Однако выделяются те, в которых отдельные разделы были посвящены

мировоззренческим представлениям, связанным со здоровьем, болезнями и методами их лечения¹.

Одной из наиболее фундаментальных исследований, относящихся к данному периоду, являются исследования В. Ястребова, который посвятил исследования изучению быта и традиций украинцев Херсонской губернии. В его работах содержится материалы по представлениям украинцев региона, в частности те, которые относятся к представлениям о здоровье, болезнях, их профилактике и лечению².

Отдельно можно выделить материалы, содержащиеся в периодическом издании Кишиневской епархии: «Кишиневские епархиальные ведомости». Большинство сведений относится к 70–80-м гг. XIX ст. и содержат описания священников традиций и обычаев своих приходов, как правило, украинских, болгарских и русских сел. Среди них встречаются методы лечения, представления о болезнях, заговоры и т. д. Материалы публиковались с целью «борьбы с суевериями» и однозначно характеризуют точку зрения духовных лиц и православной церкви на народную практику лечения³.

Примером краеведческих работ являются описания отдельных украинских и русских поселений. Они проводились в соответствии с программой, утвержденной Министерством внутренних дел в 1885 г. и их результаты публиковались в «Сборнике Херсонского земства». Исследования должны были вестись по четырем основным направлениям и, материалы, интересующие нас, относились к четвертому разделу: верования и праздники⁴.

Однако, большинство работ этого периода содержит фрагментарные материалы по народной медицинской практике, по профилактике болезней. Можно перечислить прежде всего работы П. Несторовского, И. Бессарабы, А. Сикиринского и др.

Следующий этап — 1920–1930 гг. — стал также важным этапом в процессе изучения традиционных культур Юга Украины. Так, Этнографической комиссией ВУАН были разработаны вопросники и программы, которые были направлены на всестороннее изучение явлений традиционной культуры, выявление органичного единства материальных и духовных элементов традиционной культуры. Были обозначены основные темы для сбора материала, одной из которых стала народная медицинская практика. Корреспондентская сеть охватила всю Украину, в том числе и южную часть. (Сегодня эти материалы хранятся в рукописных фондах Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рильского, Киев. К сожалению, среди неизданных работ Этнографической комиссии остался сборник «Корпус народной медицины»)⁵.

Основной массив материалов в регионе был собран не профессионалами, а представителями местной интеллигенции — врачами, учителями и др. Материалы яркие, но неравноценные по содержанию. Однако они являются ценным источником для этнологов и антропологов, поскольку все они собраны «носителями традиции» и являются взглядом «изнутри» на свою культуру.

В этих документах содержатся сведения касающиеся методов лечения (прежде всего заговоры), представления о болезнях и их профилактике. Встречаются верования, касающиеся народных лекарей.

В это время публикуются и материалы, собранные этнографами. Так, например, одними из самых ярких исследований стали работы С. Цветко, которые были посвящены изучению традиционной культуры болгар. И одно из направлений его работы коснулось традиционной медицины болгар Николаевщины: «Хороба “урама” та її лікування в болгарській народній медицині»⁶.

Начиная с 30-х и до начала 90-х гг. XX в. изучение народной медицины в Северо-Западном Причерноморье, как и практически на всей территории СССР, практически не велось.

Только с 1995 г. исторический факультет Одесского национального университета им. И. И. Мечникова возобновил систематические этнографические экспедиции в этом регионе. Экспедиции проводятся ежегодно в украинских, болгарских, русских, гагаузских и молдавских селах. И одним из направлений этнографических исследований стала народная лечебная практика.

Полевые материалы собираются методом непосредственного наблюдения, интервьюирования, фиксации в виде фото- и видеозаписей. Сведения респондентов в основном относятся к 1930–2000-м гг., в зависимости от возраста респондента. Во время сбора информации акцентируется внимание на методах лечения, представлениях о болезнях и т. д. Особый интерес представляет информация, касающаяся условий функционирования того или иного факта этномедицины в различных этнических культурах, а также исторический контекст их бытования. Ведь регион имеет различную политическую историю, что отразилось и на сохранении отдельных элементов традиционной культуры.

Однако, изучение исторического контекста этномедицины, является лишь одной из составляющих современных этнологических исследований. Сегодня интерес представляет также процесс трансформации традиционной культуры и условия функционирования отдельных ее элементов. Так, например, народные практики лечения развиваются в двух видах: 1. сохранение или реконструкция забытых методов лечения; 2. конструирование новых под влиянием СМИ, Интернета и т. д.

Примечания

¹ *Бессараба И. В.* Материалы для этнографии Херсонской губернии. — Петроград, 1916. — 175 с.; *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии) // СБНУ. — 1914. — 259 с.; *Державин Н. С.* Очерки быта южнорусских болгар. Поверья. // ЭО. — 1898. — № 4. — С.113–125; *Задерацкий П. Э.* Болгаре, поселенцы Новороссийского края и Бессарабии // Москвитянин — 1845. — № 12. — С.159–187; *Комаров М.* Нова збірка народних малоруських прислів'їв, помовок, загадок і замовлянь. — Одеса, 1890. — 115 с.; *Кочубинский А.* Материалы для этнографии болгар // ЗООИД — 1889. — Т. 15. — С.828–840; *Левицкий А.* Нравы и обычаи болгар, живущих в Бессарабских колониях // ЗООИД — Т. 4. — С.450–464; *Несторовский П.* Бессарабские русины. — Варшава, 1905. — 176 с.; Народы России. Живописный альбом. — СПб., 1878. — 302 с.; *Щербина Ф.* Наговоры от болезней у черноморцев // КС. — 1883. — №7. — С.586–588 и др.

² *Ястребов В. Н.* Из народных уст // ЭО. — 1895. — № 2. — С.146–150; *Ястребов В. Н.* Материалы по этнографии Новороссийского края. — Одесса, 1894. — 202 с.

³ *Бахталовский А.* Посад Вилков // КЕВ — 1882. — № 21. — С.1160–1171; *Богославский С.* Опыт историко—статистического описания церкви и прихода села Шабы Аккерманского уезда // КЕВ. — 1873. — № 3. — С.120–129; № 5. — С.220–236; *Бурьянов А.* Историко-статистическое описание церкви и прихода селения Волонтеровки, бывшей казачьей станицы Аккерманского уезда // КЕВ — 1877. — № 17. — С.736–740; № 19. — С.825–829; *Варзопов Г.* Селение Селиогло Аккерманского уезда // КЕВ — 1874. — № 18. — С.687–703; *Казанаклий П.* Твардица // КЕВ. — № 19. — С.692–702; *Киранов С.* Борьба приходского священника с предрассудками и суевериями прихожан-болгар // КЕВ — 1875. — № 21. — С.770–788; № 22. — С.818–823; *Никольский М.* О причинах живучести народных суеверий // КЕВ. — 1891. — № 1. — С.11–17; Пастырскія заметки // КЕВ. — 1886. — № 1. — С.4–11; *Федоров М.* Обыкновенные болезни в бессарабской деревне и их лечение (по наблюдениям в болгарском селении Задунаевка Аккерманского уезда) // КЕВ. — 1877. — № 9. — С.382–386; *Федоров М.* Описание церкви и прихода села Задунаевки Аккерманского уезда // КЕВ. — 1876. — №№ 21–22; *Юсипенко И.* Фараоновка, приход Аккерманского уезда // КЕВ. — 1877. — № 6. — С.247–259; *Юсипенко Я.* Райлянка, село Аккерманского уезда // КЕВ. — 1879. — № 13. — С.497–513. и др.

⁴ Щербановская волость. Историко—этнографическое и хозяйственно—статистическое описание // Сборник Херсонского земства. — 1891. — № 7. — С.62–81; Местечко Дмитровка (Опыт историко—статис-

тического и этнографического описания) // Сборник Херсонского земства. — 1890. — № 7. — С.22–55; Местечко Дмитровка (Опыт историко—статистического и этнографического описания) // Сборник Херсонского земства. — 1890. — № 7. — С.22–55; Опыт программы для этнографического изучения Херсонской губернии // Сборник Херсонского земства. — 1889. — №3. — С. 68–75 и др.

⁵ РФ ИМФЕ. — Ф. 1–3 (дод.). — Од. Збер. 329; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–4. — Од. Збер. 203; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–4. — Од. Збер. 246; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–4. — Од. Збер. 298; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–4. — Од. Збер. 313; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–6. — Од. Збер. 616; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–6. — Од. Збер. 617; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–6. — Од. Збер. 618; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–7. — Од. Збер. 778; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–7. — Од. Збер. 781; РФ ИМФЕ. — Ф. 1–7. — Од. Збер. 858.

⁶ *Цвєтко С.* Хороба “урама” та її лікування в болгарській народній медицині // Етнографічний вісник. — 1932. — Кн. 10. — С.107–122.

Этнонимика как раздел ареальной лингвистики

Т. А. Сироткина
Пермь

Этнонимы традиционно являются объектом исследования в ономастике, являющейся неотъемлемой составной частью ареальной лингвистики: имя человека и объектов окружающей действительности, безусловно, имеет региональную окраску.

Одним из региональных этнонимиконков является этнонимикон многонационального Пермского края.

Функционирование этнонимов определяется социокультурным взаимодействием, отражает языковую картину мира жителей региона. Поэтому рассматривать их необходимо с учетом включения коммуникативного процесса в социокультурное взаимодействие. В лингвистических работах такое комплексное явление описывается как дискурс.

Как семиотическое явление дискурс обычно рассматривают в трех аспектах: семантическом, прагматическом, синтаксическом [Токарев 2003: 30].

В семантическом назначении дискурса изучаются его интенции (назначения, установки), в прагматическом — способы выражения этих интенций (прагматика, как известно, изучает «язык в его отношении к тем, кто его использует» [Столнейкер 1985: 419]), в синтаксическом — связи одного дискурса с другими, а также изменение дискурса по отношению к самому себе.

Взяв за основу семантический аспект дискурса, логично выделить типы дискурсов, анализируемые нами, исходя из сферы функционирования: деловой, научный, диалектный, художественный, публицистический.

Принимая во внимание синтаксический аспект дискурса, необходимо отметить, что все названные типы тесно взаимосвязаны. Так, связаны научный дискурс и деловые документы, т.к. в работы, посвященные истории народов Прикамья, часто включаются выписки из деловых документов XVI — XVIII вв.. При исследовании пермского фольклора ученые обращаются к материалам экспедиций, включая фольклорные тексты в научные описания. Нельзя не обозначить связь разговорной речи и деловых бумаг, поскольку, несмотря на то, что стиль документа был четко определен, в нем достаточно ярко отражены особенности бытовой речи того времени.

Какие выводы позволяет сделать анализ названного этнонимикона?

1. Прагматический аспект.

В деловом дискурсе этнонимы входят в состав именования лица. Их функционирование подчиняется нормам делового языка, они способствуют уточнению сказанного, конкретизации высказываний. В научном дискурсе этнонимы являются терминами, развивающимися вместе с развитием науки о человеке. Этноосновы входят в состав сложных терминов, описывающих различные стороны этничности. Диалектный дискурс отличается использованием этнонимов в нарицательном значении, образованием на их основе устойчивых сочетаний. В художественном дискурсе этнические имена и образования от них отражают представления об этничности автора или целого языкового коллектива. Наконец, в публицистическом дискурсе этнонимы выполняют в основном информационную функцию, способствуют передаче информации различных типов.

2. Семантический аспект.

Как можно предположить, каждый тип дискурса связан с определенными семантическими категориями. Этнонимы в деловом дискурсе служат прежде всего для идентификации лица. В научном дискурсе представлено стремление к этимологизации явлений, ярко выражена категория градуальности. В диалектном дискурсе, как ни в каком другом, находит отражение эмоциональная картина мира, проявляется категория эмотивности. Публицистический дискурс отражает динамику категории этничности в сознании современного человека. Наконец, художественный дискурс, с одной стороны, представляет индивидуальную картину мира писателя, с другой — национальную картину мира в целом.

3. Синтаксический аспект.

Как отмечалось выше, все рассмотренные типы дискурса тесно взаимосвязаны. Научные тексты аккумулируют в себе материал пермских памятников деловой письменности. Авторы художественных произведений и публицистических статей зачастую обращаются к данным научных исследований. Ученые используют материал живой речи, высказывания носителей пермских говоров.

Вместе с тем можно говорить о том, что существует некий этнический фрагмент языковой картины мира жителей Пермского края, определяющими признаками которого является антропоцентризм, наличие оппозиций свой/чужой, мы/они, а также стереотипное восприятие явлений «чужого» культурного пространства.

Рассматривая функционирование этнонимов в рамках определенного ареала, нельзя обойтись без такого термина, как локальность. Под локальностью понимается отнесение чего-либо к определенному месту, ограничение места действия, распространения какого-либо явления.

Проблему локальности лексики пермских деловых документов обозначала Е. Н. Полякова [Полякова 1998]; локальную окрашенность литературной разговорной речи пермяков рассматривала Т. И. Ерофеева [Ерофеева 1979]; локальность пермских топонимов и антропонимов была предметом исследования в диссертациях В. А. Малышевой и Т. А. Сироткиной [Малышева 1993, Сироткина 1999]. Однако пермская этнонимия в этом плане специально не рассматривалась.

Исходя из постулатов, изложенных в работах вышеназванных исследователей, можно заключить, что локальная окраска лексических единиц может проявляться как в составе именований, так и в степени их употребительности.

Рассмотрим данные параметры применительно к этнонимии Прикамья.

1. Состав этнонимикона.

Этнонимов в пермском языковом пространстве функционирует намного меньше, чем их отмечено в современном русском языке. Если, по наблюдениям Г. Ф. Ковалева, «этнонимия России с учетом исторических и словообразовательных вариантов может составить не менее 3 тысяч единиц» [Ковалев 2003: 133], то пермская этнонимия с учетом тех же факторов составит примерно в 10 раз меньше — около 300 имен. Рассмотрим это применительно к разным типам дискурса:

1) деловые документы XVI — начала XVIII века: башкирцы, башкирец, башкирятин, башкирянин, башкирятенин, башкирка, вагуличи, вогуличи, вогуличишки, вогуляк, вогулетин, вагулетин, вогулятин, вагулятин, вотяки, зыряне, зырянцы, зырянский, калмыки, калмыки,

каракалпаки, литва, литвин, мещеряки, мордва, мордвин, немцы, ногаи, нагаи, нагайцы, ногайцы, ордо-ногайцы, остяки, остяк, отяк, пермяки, пермяк, пермяне, пермянка, поляки, поляк, польский, русаки, русские люди, русский, самоедь, самоедь, татары, татар, татаровя, татарове, тотарове, татарин, татарка, угренин, черемисы, черемисин, черемиса, чуваша, югричи и т. д. — всего около 60 этнонимов;

2) научные описания XX–XXI вв.: башкиры, башкирцы, болгары, булгары, великорусы, венгры, вогулы, вогуличи, вогульцы, вогул, вотяки, гайна, дурга, евреи, ераны, еран, зыряне, зырянцы, зюздинцы, казаре, калмыки, карагаи, корелы, катаи, киргизы, коми-зыряне, коми-пермяки, коми-язьвинцы, литовцы, манси, марийцы, мари, мещеряки, монголы, мордва, немцы, ногаи, нагаи, ногайцы, остяки, остяк, пермяк, пермяне, поляки, полька, русские, русский, самоеды, самоедь, татары, татар, татаре, тотарове, татарин, тептяри, тебтяри, тюрки, угры, угра, удмурты, финно-угры, ханты, чабья, черемисы, черемиса, чуваша, чудна, чудь, шведы, шишма, югра, югричи и т. д. — всего около 110 этнонимов;

3) диалекты: башкиры, башкыретин, башкырь, башкирец, башкирка, вендеры, вердерушки, вогулы, вогула, вогул, вогулка, вогульё, вотяки, воть, еврейка, ераны, зыряне, зыряны, зыряна, зырян, зырянк, зыряночка, кержаки, мордовцы, мордвин, мордовец, мордовка, остяки, пермянка, русские, русский, русская, самоеды, татары, татар, татарин, татарка, татарянин, татарчанин, удмур, ханты, чуд и т. д. — всего около 50 этнонимов;

4) художественные произведения: башкиры, башкирцы, вогулы, вогуличи, вогулич, гогулич, вогулка, ерны, зыряне, калмыки, кержак, манси, монголы, немцы, ногаи, остяки, остяк, пермяки, пермячка, пермяне, русы, русичи, ресские, татары, татарин, татарва, ханты, цыгане, чудь, югра, югоричи и т. д. — всего около 40 этнонимов;

5) публицистика: азербайджанцы, армяне, башкиры, евреи, калмыки, китайцы, коми-пермяки, корейцы, мордовцы, немцы, поляки, татары, удмурты, цыгане, чуваша и т. д. — всего около 40 этнонимов (сбор материала в публицистических текстах нами еще продолжается).

2. Степень употребительности тех или иных имен в разных регионах России.

Чаще используются те названия народов, которые являются регионально значимыми для носителей культуры того или иного ареала. Так, на территории Русского Севера, по наблюдениям Э. Ю. Поповой, являются актуальными этнонимы *чудь* (*чухна*, *чухарь*), *меря*, *зырь* (*зыряне*), *лопь* (*лопари*), *самоеды*, *черемисы*, *корела* [Попова 1999: 47]. В Прикамье также используются этнонимы *чудь*, *зырь*, *лопари*, *самоеды*, но по степени употребительности их во много раз превосходят этнические имена

татары, вогулы, пермяки, вотяки. Это, безусловно, связано с тем, какие народы населяют тот или иной регион.

В работах А. С. Щербак предлагается термин «региональная картина мира», который понимается как вариант когнитивной и языковой картины мира, свойственный жителям отдельных регионов и носителям определенных диалектов [Щербак 2006: 16]. При этом специфика каждой региональной картины мира в концептуальном отношении определяется особенностями жизни и деятельности жителей региона, а в языковом отношении — присутствием определенных локальных элементов или определенными пропорциями элементов, характерных для диалекта или региолекта.

На наш взгляд, этнонимика как раздел ареальной лингвистики должна на современном этапе быть ориентирована именно на изучение и описание региональной картины мира, поскольку этническая составляющая разных региональных картин мира, безусловно, имеет свою специфику, что мы и попытались показать в рамках данной статьи.

Литература

1. Ерофеева, Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи / Т.И. Ерофеева. — Пермь, 1979.
2. Ковалев, Г.Ф. Этнос и имя / Г.Ф. Ковалев. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003.
3. Малышева, В. А. Топонимы и оттопонимические единицы в лексической системе одного говора (говора д. Акчим Пермской области): автореф. ... канд. филол. наук / В.А. Малышева; Перм. ун-т. — Пермь, 1993.
4. Полякова, Е. Н. Из опыта составления регионального исторического словаря XVI — начала XVII века / Е.Н. Полякова // Проблему русской лексикологии и лексикографии. — Вологда: Русь, 1998. — С. 94–95.
5. Попова, Э. Ю. Этнонимия Русского Севера: дисс. ... канд. филол. наук / Э.Ю. Попова: Урал. ун-т. — Екатеринбург, 1999.
6. Сироткина Т. А. Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре (на материале говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области): автореф. ... канд. филол. наук / Т.А.Сироткина; Перм. ун-т. — Пермь, 1999.
7. Столнейкер, Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI, 1985.
8. Токарев, Г. В. Дискурсивные лики концепта: Монография Ъ Г. В. Токарев. — Тула, 2003.

9. Щербак, А. С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области: Монография / А. С. Щербак. — Тамбов, 2006.

Микротопонимия города Киева: историко-лингвистический аспект

*Е. Л. Смаль
Киев*

Предметом исследования являются микротопонимы левобережья города Киева, зафиксированные в древних памятниках письменности, в картографическом материале и документах современной эпохи; а также полученные путем полевых записей, многие из которых не репрезентированы в письменных источниках.

В зависимости от семантики образующих основ их можно условно разделить на четыре основные группы:

1. Микротопонимы апеллятивного происхождения.
2. Микротопонимы антропонимного происхождения.
3. Нерегулярные названия.
4. Микротопонимы неясного происхождения.

Большая часть названий левобережной части города Киева имеет прозрачную внутреннюю форму и легко этимологизируется.

Приведем результаты анализа некоторых микротопонимов города Киева, которые имеют непрозрачную внутреннюю форму или этимология которых нами толкуется нетрадиционно.

Дарница, р., оз., ур., х., массив г. Киева. Фиксируется в начале XVI в. в документах о владении угодьями в районе реки Дарница. На восточнославянском языковом пространстве названия с топоосновой *дарн-* единичны, ср.: *Дарница*, х. (Николаевская обл.), *Дарницкий*, х. (Волынская обл.) (АТПУ 1947, 355, 49), *Дарницкое* (Чернигов) — гидроним Украины (Vasmer 561); *Дарна* (Тверь) — гидроним России (Vasmer 561).

Относительно происхождения наименования существуют разные версии: здесь (на левом берегу Днепра, возле р. *Дарница*) останавливались иноземные послы *с дарами* древнейшим киевским князьям; местность была кому-то *подарена*, но достоверные обстоятельства пока неизвестны¹; «дарница» — место сбора местными феодалами пошлины (*даров*), которую платили купцы за киевскую переправу; «пустая» песчаная земля, которую никто и *даром* не брал (факт не подтверждается, потому что «песчаная земля среди соснового бора возле рыбных озер и

рек ценилась и была густо заселена»)²; «дарница состоит из слов *дар* и *ниц*: прибывшие сюда перед поверенными князя падали *ниц*, поднося свои *дары*. Такое объяснение является примером народной этимологии»³.

Топооснова названия *Дарница* может быть связана с адъективом *дарный*, который имеет общее семантическое поле в славянских языках, ср.: ***darъnъ(jь)**: хорв. *dáran, dárna* 'щедрый', 'даровой, дареный', серб. *dáran*, чеш. *dárny* 'щедрый', русск. *дарный* 'к дару, подарку относящийся'; укр. *дарна неділя* 'Фомино воскресенье' (Гринченко 1, 359); субстантивированное укр. *Дарница*, местн. название (ЭССЯ 4, 193). Отметим, что значение апеллятива *дарница* зафиксировано в русских и украинских диалектах неодинаково, ср.: русск. *дárніца* «девушка, шьющая свадебные подарки или приданое в доме невесты», «... как видно из воронежского слова *дарницы*, т.е. девки, собранные в дом невесты шить дары или приданое» (СРНГ 7, 275; Даль 1, 415); укр. *дарница* (устар.) «дарча грамота» (ЕСУМ 2, 12), еще (разг., устар.) «...дарчий лист» («... взяла дарницю на село») (СУМ II, 213). Исходя из этого материала можно предположить, что мотиватором является не только адъектив *дарный*, а и апеллятив *дарница* (см. укр., устар.). Из исторических источников известно, что земли на левом берегу Днепра издавна принадлежали князю, его дружине, монастырям, богатым киевлянам.

Золоча, р., л. пр. Днепра (вар.: *Золотьча, Золочье, Золотечь, Золотка, Узолочье*). Это название реки г. Киева часто встречается в описаниях исторических событий XII в.

Онимы с основой *золоч-* редко прослеживаются на восточно-славянской территории, ср.: *Золочев* (Львовская, Харьковская обл.), *Золочевка* (Одесская, Ровенская, Тернопольская обл.), *Золочевское* (Одесская, Харьковская обл.), *Золочевский* (Харьковская обл.), *Золочёвка* (Ровенская обл.) (АТПУ 1947, 751), *Золочевка* (Ровенская обл.) (АТУ 391), *Золочевское* (Херсон) (Vasmer RGN 529), *Золочевская Балка* (Херсонская обл.) (Vasmer 98) — топонимы и гидронимы Украины; *Залоча*, п.р. (бас. Оки) — Россия (Смолицкая 94); *Załoczewa* (Могилёв), *Золочево* (Минск) (Vasmer RGN 529), *Золачэў* (Гомельская обл.) (МБ 100) — топонимы и микротопонимы Беларуси.

Происхождение киевского гидронима *Золоча* в народной этимологии ассоциируется со словом *богатый*, т.е. реки богатые рыбой называются «золотыми»⁴. Этимология собственного имени непрозрачна, поэтому нет оснований рассматривать в качестве мотивирующей основы апеллятив *золото*, адъектив *золотой* (даже в переносном значении) или причастие *золоченный*. Словообразование онима *Золоча*, а также подобные географические названия на *-ч-* были предметом исследования многих лингвистов⁵, у которых существует несколько версий, ср.: *Золотча* <

*Zolotja принадлежала Золоту⁶; название от слов **зѡлатѣча* (*Малотеча*, *Нетеча*) с поздним формально-семантическим переосмыслением в *Золотѣча* (Фасмер II, 103), некоторые считают такое объяснение примитивным⁷; от антропонима *Золотько* на *-j(a)*⁸. Последнюю точку зрения опровергает В. П. Шульгач, анализируя производные в диалектном материале⁹. Словообразовательную модель микрогидронима *Золоча* (*Золотча*) можно рассматривать как посессив на *-j(a)* (*Золотча* — дериват на *-j-* от собственного имени *Золотец*).

Труханов, о-в (вар.: *Туханов*, *Трухонов*, *Турханов*) (г. Киев). В письменных документах это название острова впервые зафиксировано только в XVI в. В регионах Восточной Славии и Польши существуют многочисленные фиксации аналогичных топонимов и антропонимов, напр., в Украине: *Труханов*, с. (Дрогобычская обл.) (АТПУ 1947, 149), *Трухановка*, р. (Харьковская обл.) (СГУ 574), *Труханов*, х., *Трухановщина* (Черниговская обл.) и под.¹⁰; в России: *Труфаниха*, нива, *Труфанково*, с. (2 ед.), *Труфанова* Гора, *Труфаново*, с. (7 ед.), пустоше, *Трухново*, с. (5 ед.) (Новгородские земли) и мн. др. (НПК), *Труфанково-посиденье*, с. на Ваг-оз., *Труфанков* след (ПКОП 66, 100), *Труханов*, п. яр, *Труфановка*, р., *Труфановской* проток (бас. Оки) (Смолицкая 94,77); в Беларуси: *Truchan*, staw, *Truchanowka*, w. (Могилевская обл.), *Truchownia*, rzka (Гродненская обл.) (SG XII, 516), *Труханы*, с. (Жучкевич 1968, 18); *Truchaniszki*, folw., *Truchanki*, w., *Truchanowicze*, w., *Truchanowszczyzna*, w., *Truchany*, w., folw. и др. (SG XII, 516).

Этимология названия киевского острова и сегодня остается дискуссионной. Существует предположение, что микротопоним *Труханов* происходит от имени половецкого хана *Тугорхана* (*Турхана*) — тестя киевского князя Святополка Изяславича.

Ономастический материал позволяет предполагать, что непосредственным мотиватором этих топооснов и антропооснов послужило имя *Трифон* (*Трифан*, *Труфан*, *Трухан* и др.). Некоторые исследователи имеют другую точку зрения, ср.: укр. фамилии *Труфан*, *Трухан* образованы семантическим способом от диал. апеллятива *трухан* (=индюк)¹¹. Название острова *Труханов* — отантропонимное производное на *-ов*. В наше время мало кто догадывается, что отантропонимные топонимы *Труфанов* (с. Львовской обл.), *Труханов* (остров в Киеве) имеют тот же корень, что и имя *Трифон*¹².

Примечания

¹ Рибаків М. О. Звідки пішла Дарниця // Київ. 1990. №6. С. 152.

² Гузій В. Золота очеретина: Броварщина. Броварі, 1997. С. 218—219.

³ Янко М. Т. Топонімічний словник України. К., 2001. С. 111.

⁴ Гузій В. Там же. С. 31, 66—67.

⁵ См.: Топоров В. Н., Трубацев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 133—134; [Желєзняк І. М.] Ономастика України та етногенез східних слов'ян. К., 1998. С. 65.

⁶ Стрижак О. С. Гідронімія Середньонаддніпрянського Лівобережжя. Дис. ... к.ф.н. Дніпропетровськ — К., 1965. С. 438 — 439.

⁷ Янко М. Т. Там же. С. 149.

⁸ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп.ред. О. С. Стрижак. К., 1985. С. 62—63.

⁹ Шульгач В. П. Ономастія Волині: Етимологічний словник-довідник. К., 2001. С. 168—169.

¹⁰ Ономастическая картотека Института украинского языка НАН Украины.

¹¹ Редько Ю. Словник сучасних українських прізвищ: У 2-х т. Львів, 2007. Т. II. С. 1072—1073.

¹² Німчук В. В. Євсевієве Євангеліє 1283 р. як пам'ятка української мови // Євсевієве Євангеліє. К., 2001. С. 28.

Историческая лексикология и ее место в сфере инновационных образовательных программ

*К. П. Смолина
Москва*

«Сегодня мировое сообщество определяет содержание нового образования, разрабатываются и внедряются новейшие технологии обучения, постоянно совершенствуется образовательный процесс. Этому способствуют многие важные факторы: увеличивающийся объем знаний, умений и навыков, необходимых школьникам,... накопленный за годы работы опыт учебных заведений разных стран. Кроме того, образование должно соответствовать новому уровню производства, науки, культуры, а значит, обновление системы образования является актуальной и неизбежной задачей. Бурное развитие информационных технологий, их повсеместное использование ещё раз подчеркивает важность интеграции образования и науки» (Булаев Н. И. Законодательство в области образования: проблемы совершенствования и перспективы развития. М., 2007. С. 210—211). Далее в этом же труде читаем: «Ресурсы национальной образовательной системы могут и должны удовлетворять национальный спрос на образовательные услуги, а также, наращивая мощности содействовать формированию и удовлетворению спроса зарубежных потребителей на

образовательные услуги. Необходимо расширять представительство национальной российской системы образования на *международном рынке образовательных услуг*. Предоставление образовательных услуг на *зарубежном рынке* — достаточно выгодная деятельность, и ее нужно поддерживать... Предприниматели начинают рассматривать *финансовые вложения* в систему образования как *выгодную форму размещения капитала*. Вложения становятся *привлекательными для российского бизнеса*. Эти тенденции государство должно поощрять» (там же. С. 211—212).

Когда читаешь этот текст, то забываешь, о чем вообще идет речь! Сочетания, употребленные в этом отрывке переносят нас совершенно в иную финансово-экономическую среду. В самом деле: *спрос на услуги, наращивать мощности, спрос зарубежных потребителей, международный рынок, предоставление услуг на международном рынке, предоставление услуг на зарубежном рынке, финансовое вложение, выгодная форма размещения капитала, российский бизнес*.

А где же образование? Для чего вообще нужны инновационные образовательные программы? Зачем реформировать образование?

Открываем другой документ: «Общественные ресурсы образования. Справочник» (М., 2003). В этом справочнике систематизированы сведения о проектах общественных организаций, направленных на модернизацию и развитие системы образования в России. В него включены 600 наиболее интересных и значимых образовательных проектов, реализуемых общественными организациями. В обращении к читателям этого справочника заместитель Министра образования Российской Федерации статс-секретарь Е. Е. Чепурных пишет: «Широкое внедрение этого опыта, усиление сотрудничества общественных организаций и государственных органов власти позволит с наибольшей эффективностью решать проблемы повышения социальной эффективности образования. Примерами могут служить создания условий для обеспечения использования единого информационного пространства российскими школьниками, формирование потребительской культуры, и навыков грамотного поведения в рыночной экономике, самосознания и самоопределения ребенка как гражданина России... Единство системы образования и воспитания должно помочь подрастающему поколению определить нравственные ориентиры, дать прочную духовную опору на подлинные, а не мнимые жизненные ценности, сформулировать у него гражданственность и патриотизм» (с. 5).

Таким образом, рамки воздействия образования и воспитания на подрастающее поколение довольно широки и неравноценны по значимости: от потребительской культуры до гражданственности и патрио-

тизма. Так чем же определяются нравственные ориентиры в образовании и воспитании подрастающего поколения? Через 10—15 лет интеллектуальный, культурный и экономический потенциал нашей страны будет таков, какова сегодня государственная политика в отношении нашего подрастающего поколения. Это понимает все мировое сообщество. Именно поэтому существует Конвенция ООН о правах ребенка. Подписала ее и Российская Федерация (10 декабря 1994 г.) В ст. 29 п. «с» говорится о том, что образование ребенка должно быть направлено на «воспитание, уважение к культурной самобытности, языку, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает». Бесспорно, в образовательный процесс должны внедряться новейшие технологии, но никогда нельзя забывать, что любые инновационные процессы в образовании — ничто без овладения нашими школьниками и студентами культурным наследием, без знания своей истории, без понимания своих национальных ценностей. Не следует забывать, что нравственный стержень народа — это его культура и язык. Именно историческая лексикология выявляет этот стержень, который так необходим на взлете тревожного и противоречивого XXI века.

Культура и язык — это величайшие составляющие нашей национальной общности. К этим составляющим надо прибавить еще один источник, питающий национальную общность — это историческая память. Хочется вспомнить слова Д. И. Буслаева: «Слово... живой памятник духовного бытия народов» («Опыт исторической грамматики русского языка»). Изучая памятники письменности, мы напрямую соприкасаемся с древнерусской культурой. «Древнерусская культура является основой отечественной цивилизации, её фундаментом» (История культур славянских народов. М., 2003, Т. 1. с. 211).

Анализируя, например, тексты летописей, мы можем показать студентам, что уже в древности у нашего народа был «культ книги», которая почиталась одной из высших ценностей, богато украшалась и ревностно оберегалась». В летописи под 1037 г. читаем: «Велика бо бывает полза от ученья книжного. Се бо суть реки напаяюще вселеную. Се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неищета глубина; сими бо в печали утешаемеси; си суть узда въздержанью». (Там же, с. 218). Со студентами надо больше читать и анализировать те источники, где особенно отчетливо высвечивается наш менталитет, наше народное сознание, показывать, что было сердцем нравственных идеалов наших предков. А это были представления о правде, о справедливости, о совести, о добре и душе, о преобладании моральных приоритетов над материальными. Занимаясь вопросами исторической лексикологии, мы должны знакомить наших студентов с трудами А. Х. Востокова,

И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, П. А. Лавровского, А. А. Потебни, Я. И. Грота и Е. Д. Корша — этих блестящих ученых-филологов XIX в., разрабатывающих эволюцию русской лексики. На семинарах и спецкурсах по исторической лексикологии следует больше внимания уделять блестящим работам А. И. Соболевского, С. П. Обнорского, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, которые проделали колоссальную работу, связанную с изучением происхождения русской лексики, с толкованием слов древнерусского и старорусского периодов, с этимологическими разысканиями, изданием памятников письменности.

На занятиях по исторической лексикологии следует уделять особое внимание работам великого этимолога О. Н. Трубачева, в которых разрабатываются важнейшие проблемы этногенеза и древних контактов славян, реконструируется православянский лексический фонд. И, наконец, работы выдающегося лингвиста современности Ф. П. Филина, чье 100-летие со дня рождения в марте 2008 г. широко отметила лингвистическая общественность Москвы и Санкт-Петербурга. Проблемам исторической лексикологии Ф. П. Филин уделял постоянно внимание. Весь богатый опыт исследования лексико-семантической системы русского языка в разные периоды его развития привели Ф. П. Филина к мысли о создании исторической лексикологии русского языка. А в настоящее время, когда наблюдается тенденция разъединения славянских народов, историческая лексикология русского языка актуальна как никогда.

Итак, внедрение новейших технологий в инновационные образовательные программы (в нашем случае — в сфере филологии) должно сочетаться с глубоким изучением в этих программах нашей культуры и русского языка, как в его современном, так и в историческом состояниях. И тогда наши студенты будут себя уверенно чувствовать на «международном рынке образовательных услуг».

Слова с корнями *ныр/нур* в истории русского языка

Л. В. Табаченко
Ростов-на-Дону

Образование праслав. **nuriti* ‘опускать, погружать (в воду)’, не имеющего точных соответствий за пределами слав. языков, возможно в качестве вторичного каузатива на базе **nerti* ‘углубляться; скрываться, прятаться; нырять’, которое связано также чередованием корневого вокализма с имперфективом (итеративом) **noriti* ‘окутать, погружать (в жидкость); нюхать, высматривать, выискивать’. Базовая семантика для **nyriti* и **nuriti* — ‘погружать(ся)’. ЭССЯ, 25; 26.

I. Корень ныр.

В истории русского языка слова с корнем ныр реализуют значения, связанные с четырьмя семантическими вариантами: 1) ‘лгать, быть злобным, коварным’; 2) ‘высматривать, отслеживать’; 3) а) ‘уйти вглубь, скрыться под землей; находиться под землей’; б) ‘(быстро) скрыться, спрятаться’; 4) ‘погружаться в воду, находиться в воде, под водой’.

1. ‘Лгать, быть злобным, коварным’:

нырити ‘лгать, преднамеренно исказить истину’. Шестоднев Ио. экз.², 202 об. XV в.; нырение ‘заблуждение, ложные представления’. Гр. Наз., 1. XI в.; ‘уловка, выдумка, хитрость’. ВМЧ, Ноябрь 13—15, 1001. XVI в. ~ XV в. СлРЯ XI—XVII вв., 11; ныривый ‘дурной, скверный, низкий, подлый’. ГБ XIV, 5в. СлДРЯ, V; нырка бранно о хитрой, лицемерной, лстивой женщине; нырять ‘ругать кого-, что-либо’. СРНГ, 21.

2. ‘Выматривать, отслеживать’:

нырить ‘шнырять, лазутничать, высматривать изподтишка; соваться вездѣ изъ любопытства, шнырять, лазить по угламъ, искать’; ныра ‘проныра, пролазь, проискливый человекъ’. Даль, II; ныркать ‘выискивать, высматривать с целью поживиться, шнырять’ (знаешь, какой он нырун-то, везде все достанет, так и ныркает); нырить 1) ‘высматривать, выглядывать, выискивать, отслеживать’, 2) ‘искать’. СРНГ, 21. С этим значением связано, по-видимому, и нырь ‘ученый человек’. СлРЯ XI—XVII вв., 11.

От глагола нырять, по мнению О. Н. Трубачева, образован с экспрессивным ш- и глагол шнырять (ср. аналогичное шпарить — парить). Фасмер, IV, 462.

3а. ‘Уйти вглубь, скрыться под землей; находиться под землей’:

понырнути, понырять ‘уйти/уходить вглубь, скрыться (под землей)’. Х. Тр. Короб., 61. XVII в. ~ 1594 г.; поныромъ ‘уходя под землю’. СлРЯ XI—XVII вв., 17; нырище ‘подземное убежище, каземат’. Сл. Епиф. о погреб., 226. 1524 г.; ‘логово, яма, буерак’. Отр. посл., 191. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв., 11; ныра ‘нора’; нырь, поднырь ‘лазь, подлазь, куда входят ползкомъ’; нырище ‘подземные ходы, лазы, подлазь; логовище, ямина звѣря, которое шире норы; крутые и глубокие буераки, овраги, вертепижины’. Даль, II. Со значением ‘находиться в глубине’ связаны также слова нырокъ ‘род подкожной язвы или подкожного червя’ (плюс сема вредоносности). СлРЯ XI—XVII вв., 11; СРНГ, 21; нырка ‘ноздря’, нырчатый ‘ноздреватый (о сыре)’. СРНГ, 21; нырка ‘почка’ СлРЯ XVIII в., 15; Даль, II; СРНГ, 21.

3б. ‘(Быстро) скрыться, спрятаться’:

нырити ‘скрываться, прятаться’. Правила, 191. XV в. ~ XIII в.; нырнути ‘шмыгнуть, юркнуть; быстро исчезнуть из виду, прячась, скрываясь куда—л.’. Суб. Мат. VI, 227. 1666 г. СлРЯ XI—XVII вв., 11;

нырять, нырнуть, ныривать, ныркать ‘уйти, опуститься, спрятаться внезапно въ яму, въ подполье’. Даль, II; ныркать ‘внезапно скрываться, прятаться’; ныр, нырь, нырьк, нырькиль употребляется для обозначения очень быстрого, мгновенного действия (от глагола нырять). СРНГ, 21.

Со значениями За-б связана и семантика движения по неровной поверхности, когда идущий «ныряет»: нырок, нырочек ‘ухаб, выбоина на дороге’; нырковатый, нырковый ‘неровный, ухабистый’. СРНГ, 21.

В рамках этих значений следует рассматривать и ст.-слав. и цслав. **нырище**, которое в одном и том же контексте (Пс 101, 7: **быхъ яко ношъны вранъ на нырищи**) в разных словарях толкуется по-разному: ‘убежище, логово, логовище’ (СС), ‘расселина, развалина’ (Дьяченко), ‘развалины, место разрушенного дома’ (Седакова), а также у Треди-аковского: Слово нырище <в 101—м псалме >, в Греческом читается Икопедон, а значит дом пустой. В Латинском Париэтинe <на поле: parietinae>, рѣчь значащая развалины дому. Трд. Древн. рос. 259. СлРЯ XVIII в., 15.

4. ‘Погружаться в воду, находиться в воде, под водой’:

нирати, нырити, нырять ‘плавать (в глубине воды)’. Изб. Св. 1073 г., 155; Шестоднев Ио. экз.³, 113 об. XV в.; ‘нырять’. Спафарий. Китай, 287. 1678 г.; нирѣць, нырокъ ‘ныральный’. Нем.-рус. словарь, 301. XVII в.; Х. Рад., 117. 1628 г. СлРЯ XI—XVII вв., 11; понырять ‘нырять’. Сказ. Инд. царстве, 72. XV в. ~ XIII—XIV вв.; понырение ‘ныряние’. СлРЯ XI—XVII вв., 17; нырнуть ‘броском погрузиться в воду, уйти под воду’; нырок 1) ‘кратковременное погружение в воду нырянием’; 2) ‘водоплавающая птица, род уток, ныряющих за добычей’; 3) ‘человѣкъ, ныряющий в воду, водолаз’. СлРЯ XVIII в., 15; нырять, нырнуть, ныривать, ныркать (въ воду, въ водѣ) ‘уходить в нее съ головою, погружаться совсѣмъ; плавать подъ водой, опускаться на дно по произволу’; ныряться, ныркать, вынырнуть, взнырнуть, донырнуть, занырять, понырять, поднырнуть, переныриваться, пронырять, разныряться, унырнуть; нырянье, нырь, нырка, нырокъ; ныральный, нырище, нырица, ныряла, нырець. Даль, II; ныр, нырь, нырёк, ныруха ‘водоплавающая птица из сем. гусиных; нырок’; нырёта ‘рыболовный снаряд’, ныром, нырцом ‘ныряя’, нырком, нырю ‘погружаться, уходить в воду с головой’; нырун ‘искусный, хороший ныральный’. СРНГ, 21.

Все четыре семантические варианта корня, усиленные значением приставки, реализуются в истории слова проныра. В современном русском языке происходит уменьшение негативной оценки в значении этого слова, проныра, пронырливый связываются, прежде всего, с глаголом пронырнуть ‘быстро, ловко проскользнуть, пробраться куда-л., минуя кого-, что-л.’ и с умением всюду проникать, успевать, находить

себе доступ благодаря ловкости, хитрости. Однако еще Даль, употребляя его в ряду других отглагольных существительных с приставкой про-, в толковании значения указывает и на зло, исходящее от проныры: пронырить, -нырничать или пронырствовать, быть пронырливымъ, промышлять пронырствомъ, быть пронырою; пролазничать, заниматься происками, хитрымъ и samotнымъ искательствомъ, быть пролазомъ, прошлакомъ, пройдохой, строить козни, каверзы. Даль, III. Еще раньше, в русском языке XI—XVII вв. слова с этой основой связывались, прежде всего, с коварством, злобой, нравственной испорченностью: проныровати ‘строить козни, вредить’; пронырѣти ‘стать хитрым, коварным’, пронырение, проныривство, пронырство ‘коварство, хитрость’, пронырствие ‘злая выдумка, ухищрение’; пронырие ‘нравственная испорченность, лукавство, хитрость’, проныривый ‘хитрый, лукавый, коварный; дурной, злой’.

Все эти действия, свойства и поступки присущи врагу рода человеческого или людям, находящимся в его власти (Грѣхлюбивѣи бо бѣсѣ много проныруеть на ны. Панд. Ант.¹, 32. XI в.; Покрый мя отъ пронырения лукавыхъ... Псалт. Чуд.¹, 72. XI в.; избавяща от усобныя рати и от пронырства дьяволя. Лавр. лет., 139), более того, главный пронырь (пронырникъ, проныривый) — сам лукавый: Прельщенъ бывъ от проныра. Мин. чет. февр., 226. XV в. СлРЯ XI—XVII вв., 20.

Употребление этих слов в книжно—славянских древнерусских текстах продолжает старославянскую традицию, где **пронырити** (1) ‘достичь обманом, лукавством’; **пронырь** (1) τὸ πονηρόν или ὁ πονηρός ‘подлость, вероломство, коварство’, перен. ‘дьявол’; **пронырьство** (2) πονηρία, πρὸς ἡμᾶς; **проныри** (1) πονηρούια ‘лукавство, подлость, вероломство, коварство’; **проныривъ** (7) ‘злой, мерзкий, коварный’. СС, 523. Обращает на себя внимание их фонетическая близость к греч. τὸ πονηρόν, ὁ πονηρός, πονηρία, а также πονηρούια, для перевода которых эти слова использованы. Это дала основание Р. Ф. Брандту и Б. М. Ляпунову считать слово проныра заимствованием из греческого, однако М. Фасмер указывал, что это «в высшей степени сомнительно фонетически». Фасмер, III, 375.

Изменение современного значения слова проныра, развитие его в сторону умения пролезть, прошмыгнуть, связано не только с усилением и пополнением глагольных словообразовательных типов с приставкой про-, но и с определенным забвением этимологии корня (ср. бесприставочные лексемы ныра ‘проныра’, нырун ‘пронырливый, умеющий все добыть человек’. СРНГ, 21), связанного с корнями *nor/*ner, указывающими на подземный локус, место обитания злых духов, на что обращал внимание В. В. Виноградов, подтверждая это материалом других славянских языков:

«серб.-хорв. по́нор, помимо значения ‘место, где река уходит под землю; бездна, пропасть’, может означать и ‘ад, преисподняя’ (паклени понор), а прилагательное понорски — ‘адский, относящийся к преисподней’». Поэтому, по мысли В. В. Виноградова, «специфика русского (и южнославянского) словообразования в семантике обязывает нас к раскрытию образной основы строения слова прыныра с учетом его отношения к миру дьяволов и бесов, породившего немало эвфемистических и табуистических слов» (В. В. Виноградов. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М., 1994). С этим значением связаны, на наш взгляд, и бранные выражения в говорах прырки тебя исколотит; прырки те сеть. СРНГ, 21.

II. Корень нур.

Базовая семантика для *nuriti, как и для *nyriti, — ‘опускать(ся), погружать(ся)’. В истории русского языка реализуется четыре семантических варианта этого корня — 1) ‘опускать’; 2) ‘горевать, тосковать’; 3) ‘извлекать, добывать; принуждать, заставляя’; 4) ‘тратить, истощать’.

1. ‘Опускать’: нурить голову ‘вѣшать, опускать, клонить’; нуриться ‘нагибаться’. Даль, II. Семантика низа связана также с подземным локусом (ср. нурь, нурька, нурья, нуря ‘нора’. СРНГ, 21, а также в слове конура — сложении экспрессивной приставки ко- и *nura. ЭССЯ, 10).

Понурить, понурый — от *nur- ‘опущенный’. Фасмер, III. Так же, как и в корне прыр, широкая семантика движения вниз, опускания, специализируясь, связывается с водой: понурити(ся) ‘опустить(ся), погрузить(ся) (в воду)’. Рим. д., 110. 1688 г.; понурение ‘погружение в воду’. Прения кор. Вальд., 234. 1645 г.; однако понурый — просто ‘опущенный (о глазах)’ и ‘с опущенной головой’. XVII в. СлРЯ XI—XVII вв., 17. В языке старообрядцев понуренье ‘крещение в православной церкви’. СРНГ, 29.

Понурый и понурный, или понырый ‘поклопый, наклонный; покатый, пологий; повислый, потупленный, обращенный долу’. Понурья очи, понурая лошадь, съ повислою головою, съ ленцою. Понурный брусъ ‘почвенный, лежащий на днѣ’. Понурный мостъ, въ плотинѣ, стокъ, спускъ. Понурость ‘поклопость, пониклость, наклонность, склонъ, покатость’. Понура ‘кто ходитъ повѣсивъ голову, грустный; кто глядитъ изъ подлобья’. Даль, III. К толкованию Далем пословицы понурая свинка глубоко корень роетъ о скрытн., угрюмомъ челвк. можно добавить следующее: понурый — это, прежде всего, с опущенной головой, т.е. это о человеке не столько угрюмом, сколько устремленном к одной цели, не видящем ничего другого.

Учет базовой семантики понурый ‘опущенный’ может уточнить происхождение выражения как в воду опущенный о человеке, имеющем унылый, подавленный вид, которое фразеологи связывают с древними обычаями «Божьего суда» — испытания огнём и водой, зафиксированного Русской Правдой. Обвиняемого бросали в реку или озеро: всплывший признавался виновным, утонувший — невинным; или с испытанием водой женщин, обвиненных в колдовстве (А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998). Однако, возможно, это лишь прояснение стершегося образа у демотивированного слова понурый, как и выражение повешенный нос — расшифровка определения поклапый (Даль: носъ поклапъ, глаза понуры).

В современном русском языке глагол понурить ‘опустить вниз, склонить’ употребляется только со словом голова; понуриться ‘понурить, уныло склонить свою голову, впасть в уныние’; понурый ‘с уныло опущенной головой, плечами; унылый, печальный’. СРЯ, III.

Поскольку в современном значении всё значительнее сема ‘грустный, унылый’ и все «темнее» компонент пространственный, связанный с подземным локусом, к сожалению, его перестают учитывать даже в лингвистических исследованиях: например, гидроним Понура связывается только с тюркскими источниками, славянские игнорируются: «Современное местное население объясняет происхождение названия реки от прилагательного <понурая> т.е. грустная, ходит повесив голову, бездоказательно» (Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани), в то время как возможно и сближение со старорусскими [поноръ] поноромъ ‘уходя, скрываясь под землю’, понура: Отъ того вяза на Елшанку рѣчку, въ коемъ мѣстѣ пошла понура подъ землю. Кн. стр. Синб., 37. XVII в. СлРЯ XI—XVII вв., 17. Ср. также выше понырнути, поныряти ‘уйти/уходить вглубь, скрыться (под землей)’.

2. ‘Горевать, тосковать’: нурить по чем ‘горевать, тосковать’; нура ‘человѣкъ угрюмый, скучный, молчаливый’. Даль, II; ну́ра ‘молчаливый, угрюмый человек’; ну́рить ‘тосковать, горевать’; ну́рится ‘горевать, печалиться’. СРНГ, 21. Это значение может быть метонимически связано с первым (человек с опущенной головой, взглядом — угрюмый, горюющий), но может изначально присутствовать у этого корня и соотноситься со значениями ‘принуждать, заставлять’; ‘истощать’.

3. ‘Извлекать, добывать; принуждать, заставлять’: нуратить ‘требовать, взыскивать’; ‘принуждать, заставлять’; ну́рить ‘принуждать, заставлять’; ‘томить, докучать’; ‘понукать лошадь’, ‘торопить’. СРНГ, 21; понурять ‘заставлять, принуждать делать что-л.’. СРНГ, 29.

4. 'Тратить, истощать; ослабить': нурити 'тратить, истощать'. Правила, 29. XIV–XV вв. СлРЯ XI–XVII вв., 11; нурить 'тратить'; нуриться 'томиться, изводиться'. СлРЯ XVIII в., 15; понуряти 'изнурять'. Библия. Генн. 1499 г., 377. СлРЯ XI–XVII вв., 17; понуренный 'изнуренный'. СРНГ, 29; изнурити (имѣние, пожитки) 'известить, израсходовать'. Изм., 321. XVI в. ~ XIV–XV вв.; 'ослабить, изнурить'. Усп. сб., 304. XII–XIII вв. СлРЯ XI–XVII вв., 6. Ср. ст.-слав. **изнѹрити** (1) *συλλαγωγεῖν* 'захватить, похитить'; **прѣизнѹрити** (1) 'причинить вред'; **изнѹрени** (2) *сѹловъ* 'добыча'. СС; цслав. **изнѹрити, изнѹряти** 'истратить, истощить'. Седакова; изнурить 'истратить, израсходовать, уничтожить'; кого-что. 'довести до изнеможения, обессилить' (тело, сердце, дух, душу; дерево, землю, пашню). СлРЯ XVIII в., 9; изнурить 'израсходовать, растратить'. СРНГ, 12. В современном русском языке произошло сужение значения 'истратить, истощить' (только по отношению к силам, телу).

Первоначальное значение глаголов с корнями **nyr*/**nor* 'опускать(ся); рыть', с одной стороны, связывает их с подземным локусом и в конкретном, и в мифологическом планах, с другой, создает возможность семантического развития 'опускать(ся); рыть' → 'искать' → 'следить, выведывать' → 'извлекать, добывать (выгоду)'. ЭССЯ, 25, 189; 26, 47. Значения, связанные с погружением в воду, развились в результате специализации.

Сокращения

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978.

Дьяченко — Протоиерей *Г. Дьяченко*. Полный церковно-славянский словарь. Репринт. воспроизв. изд. 1900 г. М., 1993.

Седакова — *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005.

СлДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Т. I–VII. М., 1988–2004.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–27. М., 1975–2006.

СлРЯ XVIII вв. — Словарь русского языка XVIII вв. Вып. I–14. (Л.) СПб., 1984–2004.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–36. (Л.) СПб., 1965–2002.

СРЯ — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., 1999.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с немец. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1964–1973.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–33. М., 1974–2007.

Функционально-семантические компенсации в истории русского глагола*

*Е. В. Терентьева
Волгоград*

Одной из постоянных тенденций языкового развития можно считать наличие изменений, которые приводят к компенсациям в языке того, что было им по каким-то причинам утрачено. Изучение различных компенсаций, проявившихся в истории развития и функционирования языков, — проблема, которой касался в своих исследованиях О. Н. Трубачев. Так, характеризуя возможные этапы периодизаций собственно языка и ссылаясь на выступление Ив. Лекова «Компенсация — развивающий фактор в славянских языковых системах» (Леков 1973: 46), ученый отмечал: «Внимание также должно быть обращено на всякого рода компенсации (в том числе междууровневые) в развитии славянских языков» (Трубачев 1998: 3).

В трудах славистов компенсаторные процессы анализировались как правило в связи с описанием праиндоевропейских либо праславянских реконструкций. Компенсаторным процессам в истории русского глагола посвящен ряд публикаций С. П. Лопушанской, в которых компенсаторность понимается как заместительная функция, развивающаяся чаще всего на разных языковых уровнях взамен утраченных смысловых и функциональных отношений между грамматическими категориями и их формами (Лопушанская 2000; 2003; 2007). Опираясь на это положение исследователя, в докладе мы остановимся на тех вопросах, которые имеют отношение к компенсациям, затрагивающим видовременную систему русского глагола в связи с историей категории перфектности.

Предпринятый анализ фактического материала (всего рассмотрено 3800 случаев употребления древнерусских глагольных словоформ и 5000 словоупотреблений формы прошедшего времени в современном русском языке) позволил подтвердить вывод о том, что формирование категории

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-00264а).

перфектности является компенсаторным процессом в рамках компенсаций второй разновидности (по терминологии С. П. Лопушанской), сопровождавшим унификацию подсистемы прошедших времен и усиление в исторический период видовой дифференциации.

В ходе исследования были выявлены системные и функциональные средства выражения категории перфектности в древнерусском и современном русском языке. Системными средствами реализации категории перфектности являлись морфологическая форма перфекта и ее грамматическое значение; в качестве функциональных средств реализации категории перфектности могли выступать также формы плюсквам-перфекта и аориста, выражающие семантику перфектности в контексте. Унификация этой развернутой системы времен и формирование единой формы прошедшего времени, способной выступать как в абсолютном, так и относительном употреблении предопределили пути дальнейшего развития категории перфектности в русском языке в ходе аспектуально-темпоральных компенсаций на функционально-семантическом уровне.

Системными средствами реализации категории перфектности в современном русском языке являются морфологическая форма прошедшего времени и ее грамматическое значение, принадлежность к основе совершенного вида; в качестве функциональных средств реализации категории перфектности могут выступать лексические, словообразовательные, синтаксические средства (Терентьева 2008).

В современном русском языке перфектность, сохранив релевантные признаки результативности, завершенности и актуальности, включилась в сферу аспектуальности. В плане синхронии категория перфектности, имея статус функционально-семантической категории, опирается на абстрактное представление о времени высказывания и реализуется в контексте словоформами прошедшего времени глаголов от основ совершенного вида с помощью разноуровневых языковых средств.

Таким образом, на примере эволюции функционально-семантической категории перфектности были показаны общие тенденции межуровневых компенсаций, обеспечивших становление универсальной формы прошедшего времени и формирование в современном русском языке единого аспектуально-темпорального комплекса.

Литература

Леков 1973 — *Леков Ив.* Компенсацията — развоен фактор в славянските езикови системи // VII Międzynarodowy kongres slawistów. Streszenia referatów i komunikatów. — Warszawa, 1973.

Трубачев 1998 — *Трубачев О. Н.* Славянская этимология и сравнительность: От съезда к съезду // ВЯ, — М., 1998. № 3.

Лопушанская 2000 — *Лопушанская С. П.* Развитие системы времен древнерусского глагола // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. Волгоград, 2000.

Лопушанская 2003 — *Лопушанская С. П.* Компенсаторные процессы в истории русского глагола // Академик О. Н. Трубачев: Слово о замечательном волгоградце. — Волгоград, 2003.

Лопушанская 2007 — *Лопушанская С. П.* Компенсаторные процессы в истории русского (славянского) глагола как отражение языковой картины мира // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. — Волгоград, 2007.

Терентьева 2008 — *Терентьева Е. В.* Становление категории перфектности русского глагола как результат компенсаций на функционально-семантическом уровне // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — Тамбов, 2008. — Вып. 3 (59).

Пещерные монастыри и храмы горной Таврики в современных исследованиях.

Т. М. Фадеева
Москва

История изучения пещерных крепостей и монастырей Юго-Западной горной Таврики постоянно пополняется археологическими открытиями и находками. Значительный интерес представляют также исторические интерпретации, вскрывающие их роль и место в средневековой истории полуострова, в средние века ставшего перекрестком культурных влияний Византии, Руси и Востока.. За немногими исключениями (Чуфут-Кале, Мангуп) жители покинули их в XIII, XV, XVIII, а то и в X веке, что, наряду с трудностями, придает особый интерес их исследованию.

Остановимся на нескольких спорных вопросах и аспектах проблематики их изучения. 1. Прежде всего — о времени возникновения пещерных храмов и монастырей. Здесь сложились два противоположных подхода. Дореволюционные и большинство современных исследователей связывали появление пещерных монастырей в Таврике с иконоборческим движением в Византии (VIII—IX вв), что вызвало массовую эмиграцию монахов иконопочитателей на окраины империи, в том числе в Таврику. Широко известно послание Стефана Нового, указавшего монахам пути эмиграции, прежде всего на Таврическое побережье, именуемое в то время Готией. Видимо, обитатели «пещер и жители гор», прибыв в Таврику, и здесь обустроились, как им было привычно, тем более, что

пещерножительство к тому времени имело здесь давние и глубокие традиции¹.

Подробный анализ точек зрения различных авторов по этой проблеме был сделан в весьма обстоятельной монографии Ю. М. Мога-ричева «Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (Вопросы классификации, хронологии, интерпретации)» Симфе-рополь, 1992. Однако в результате анализа он занял противоположную точку зрения. По его мнению, никаких данных о сооружении в VIII—IX вв. пещерных монастырей в Ю-З Крыму не имеется. Реальные же остатки таких монастырей позволяют говорить о времени их возникновения не ранее XI—XII вв. Отсюда логично вытекал и был высказан несколько позднее вывод: Таврика в те годы была скорее «оплотом иконоборцев», то есть официального Константинополя, а отнюдь не иконопочитателей. Такой категорический вывод оживил полемику по данному вопросу. Была высказана дифференцированная точка зрения, согласно которой позицию «официального», то есть иконоборческого Константинополя мог разде-лять Херсонес с его византийской администрацией, но отнюдь не Крымская Готия, выделенная в отдельную епархию. В пользу тради-ционной «иконопочитательской» точки зрения были приведены следую-щие факты. 1. «Житие» написано через 50 лет после смерти святого в 765 г., но гонения на иконопочитателей еще продолжались. 2. Восстание против хазар в 787 году было поднято под руководством виднейшего иконопочитателя епископа Иоанна Готского (позднее канонизирован-ного). Это свидетельствует и о соответствующих настроениях в подвластной ему Готской епархии. Оно проходило накануне VII Вселенского собора и показало силу антииконоборческих настроений. 3. Археологические данные, полученные О. И. Домбровским и Е. А. Парши-ной в ходе исследования южных поселений говорят о наплыве в VIII—IX вв в Таврику греческого населения из малоазийских провинций Византии, о возникновении здесь многочисленных поселений и монастырей, о чем говорят могильники и надгробия этого времени.

Далее, археологические исследования указанных памятников вообще недостаточны. Скажем, в широко известном Успенском монастыре на окраине Бахчисарая они вообще не проводились. В пользу традиционной точки зрения приводятся новые аргументы. Известно, что скальные сооружения имеют ту особенность, что в них отсутствует самое важное для датирования памятника — «культурный слой», который, правда, не исчезал полностью — он скапливался на склонах под скалой. Там, где такие исследования проводились (Шулдан, Чилтер-коба, Чилтер-Мармара), подъемный материал указывает на VII в.² Исследование монастырского хозяйства показывает, что не следует представлять

миграцию сторонников иконопочитания как массовое движение. Напротив, основателями уединенного пещерного монастыря могла быть поначалу небольшая группа монахов в 5–7 человек³. Наконец, начало монастырю вообще мог положить пустынник, чей высокий духовный авторитет привлекал к нему все новых последователей, селившихся вокруг его уединенной пещерной кельи. Т. Ю. Яшаева, исследуя скит XIII—XIV вв. на мысу Виноградном близ Херсонеса, сумела показать этапы его возникновения. Скит возник «на месте, ранее приобретшем значение „святого“, включавшего отшельническую келью и погребения каких-то неизвестных нам христианских подвижников и, возможно, источник»⁴. Об отношении к этому месту как к «святому» свидетельствует большое количество погребений в пещерном склепе, возникшем уже в начале VII в. Еще один пример в пользу тезиса, что высокая духовная культура не обязательно оставляет самые заметные материальные следы, добавим мы.

Устройство алтаря, рассмотренное в связи с изменениями в богослужении, также может свидетельствовать о времени его возникновения. В соответствии с этим подходом ряд храмов можно датировать ранним периодом — VI—VIII вв. Наконец, письменные источники не следует считать столь уж скудными. «Во время иконноборчества Крым был местом ссылки и убежищем иконопочитателей» — утверждает австрийский историк Х. Ф. Байер, приводя в пользу этого тезиса новые свидетельства письменных источников⁵.

Представляется, что в этом вопросе путаницу вносят предвзятые точки зрения, сложившиеся в советское время. Первостепенное внимание уделялось средневековым наземным сооружениям, которые можно датировать археологически, сопоставлять находки с письменными источниками и т. д. В рамках этого подхода пещеры скорее «мешают» — культурный слой в них и вокруг них отсутствует (проще говоря, «выметен начисто»). От них отмахиваются, приписывая им вспомогательную, хозяйственную, подчиненную роль. Но вряд ли можно ограничиться таким заявлением, когда речь идет о пещерных храмах, монастырях, склепах, а порой и жилищах.

Некое внимание к пещерам было проявлено в связи с тем, что им нашли «практическое» применение. Поскольку в советское время «культовые сооружения» не жаловали, то при изучении «крипт» основное внимание уделялось сооружениям оборонительным, то есть наземным. Тогда все пещеры, находившиеся вдоль стен, или в непосредственной близости, получили название «пещерные казематы», к тому же созданные чуть ли не одновременно с сооружением укреплений. Но время внесло свои поправки. Весьма показателен случай с одним из самых известных

пещерных городов — Чуфут-Кале. Было замечено, что нынешняя оборонительная стена пересекает пещерный комплекс, появившийся на этом месте гораздо раньше и расположенный в несколько ярусов. В дореволюционной литературе есть упоминания о том, что в одной из крипт была церковь (или две) со следами росписи. Сегодня таковыми можно признать два пещерных помещения, хотя первоначальный облик их изменился. Сегодня этот комплекс признан ранним пещерным монастырем. После захвата крепости татарами оборонительная стена на этом участке разрежала пещерный комплекс, и часть крипт стала использоваться в качестве оборонительных.

Был пересмотрен взгляд и на ряд «оборонительных» пещер» вдоль подъемной дороги Мангупа, в верхней части мыса Тешкли-бурун: теперь это «комплекс, сочетающий оборонительные и культовые сооружения». Разумеется, в ходе долгого существования рукотворные пещеры играли самую разную роль, неоднократно переделывались и т. д. Но «пещерные казематы» явно уступают место ранним пещерным монастырям, хотя немало спорных вопросов остается.

II. Культурологический подход, учет исторического менталитета, позволяет проводить достаточно широкие аналогии. Представляется, что рассмотрение пещерножительства как самостоятельной, а не вспомогательной формы при наземных сооружениях есть феномен, который требует не только социально-экономического, не просто археологического, а культурологического подхода, акцентирующего проблемы исторического менталитета. Тогда пещерножительство может быть рассмотрено как архаический реликт иного типа сознания, иной культуры.

Остановимся несколько подробнее на взглядах дореволюционных исследователей Крыма, которые высказали мнение, что пещерные поселения — дело рук местных племен, традиция, возможно, уходящая корнями в самую архаичную древность. Так считал академик Паллас, давший их описание еще в конце XVIII в., известный швейцарский ученый-путешественник Дюбуа де Монпере, сопоставлявший виденное им в Крыму с аналогичными сооружениями в Европе; Г. А. Караулов, автор специального исследования о пещерных городах; известная исследовательница Крыма М. Л. Сосногорова; исследователь «святых мест» в Крыму Д. Струков. Традицию высекания пещер эти авторы ставят в непосредственную связь с мегалитическими сооружениями, встречающимися на Крымском полуострове — менгирами, дольменами, кромлехами, а также с каменными ящиками и циклопической кладкой стен. Эту точку зрения наиболее серьезно обосновал Дюбуа де Монпере, хорошо знакомый с подобными сооружениями в Европе. Во всяком случае не вызывает сомнения, что изучение их целесообразно вести в

контексте мегалитической культуры, некогда широко распространенной по всему Средиземноморью. Вероятно, создатели пещерных сооружений руководствовались соображениями не только прагматического, но и культурного порядка, заставлявшими их отдать предпочтение внутри-скальной архитектуре. Важность культурологического подхода демонстрирует, на наш взгляд, следующее обстоятельство. Там, где сохранился целостный ансамбль — дороги с парапетами, лесенки, скамьи, ниши, зерновые ямы, идеально выточенные внутри, все высеченное из цельного камня — не напоминают ли он нам подход скульптора к материалу? Если строитель дробит камень, чтобы сложить сооружение из отдельных кусочков, то скульптор, напротив, «удаляет лишнее», высвобождая нужную форму. Другими словами, оба подхода прямо противоположны и не могут не свидетельствовать об особенностях менталитета.

Согласно выводу культурной антропологии, нельзя делить культуры на высшие и низшие. Поэтому не будем трактовать образ жизни троглодитов как свидетельство примитивизма и отсталости в других областях — ведь к нему обратились и ранние христиане. Страбон в «Географии» отмечал, что «на Кавказе есть некие троглодиты, живущие в пещерах, у которых, однако же, имеется зерновой хлеб в изобилии»⁶. О таких же пещерножителях в Таврике упоминает и Плиний Старший⁷. Во всяком случае, объяснение подобного образа жизни следует искать не в «низком» уровне культуры, не в «неумении строить из камней», а в особенностях древней культуры.

Во всяком случае, несомненно одно — места, где было много пещер, привлекали внимание ранних христиан (римские и александрийские катакомбы, египетская Фиваида). Таких Фивайд было немало в раннесредневековом мире. Римская цивилизация, погрязшая в грехе и разврате, толкала вернуться к природе; христианство символически выражало себя в возврате к образу жизни времен детства рода человеческого, причем достаточно последовательно. Жилищем, как встарь, могла служить простая пещера, дикие звери приходили к праведникам и служили им — лев св. Иеронима, медведь св. Сергия, птицы приносили пищу и т.п. Сама природа становилась, где раскрывалось величие мира — творения Божия. Поэтому неудивительно, что жилища троглодитов вновь, уже по иным причинам, стали местом притяжения для ранних христиан. Они вновь сыграли свою роль в эпоху иконоборчества. Напомним, что иконопочитатели, искавшие спасения от иконоборческой ереси, описаны как «обитатели пещер и жители гор».

Так крымские пещеры вновь включились в кругооборот истории: начало христианской эры означало для них новую жизнь и новую интерпретацию. Раннее христианство всей своей символикой связано с

внутрискальными подземными сооружениями, или, как их называли, «криптами». Одно время бытовало мнение, что первохристиане селились в пустынных местностях, среди скал, скрываясь от преследователей. Но как можно скрываться у всех на виду, резонно возражали другие. Ведь любой мог прийти к ним просить исцеления и наставления. Дело в том, что неверно толковать уход из городов и селений как стремление прятаться. Это была «манифестация», внешняя форма проявления «ухода» от «прелестей» языческой мирской культуры; это было «погребение» для «мира» и возрождение — в самом чреве Земли — для новой жизни. Традиционная символика пещеры органично выражала эти состояния.

Обновление святых мест в Крыму, предпринятое в сер. 19 в. архиепископом Иннокентием, вновь обратило взоры к «подвигу пещерничества», с которого некогда начиналось христианство и на Руси — достаточно вспомнить преподобных Антония и Феодосия Печерских.

Иконоборческая смута VIII–IX вв. явилась важным дополнительным импульсом для миграций малоазийского населения, которая фактически никогда не прекращалась. Расцвет монастырей в XII–XIV вв. не должен отвлекать наше внимание от более ранних форм пещерножительства. И здесь мы хотели бы обратить внимание на особенности ранних пещерных храмов горной Таврики.

III. Пещерные храмы и монастыри горной Таврики невелики, скромны, практически лишены украшений. Они не подражают наземным храмам — роскошным византийским базиликам, возникшим в соседней Малой Азии, в Сирии, или в еще более близком Херсонесе. Ближайший материал для сравнения — пещерные храмы Каппадокии. Большинство из них возникло в подражание прославленным наземным храмам и отсюда делается вывод о времени их возникновения не ранее X–XII веков (Родли)⁸. Но попытка механически переносить этот вывод на храмы горной Таврики несостоятельна. Напротив, внимательное конкретное изучение их внутреннего пространства (внешнее, напомним, не подлежало обработке — сохранялась первозданность скалы, отдельно стоящего огромного камня) говорит о том, что они не только не пытались воспроизвести наземные формы, но напротив, отличались исключительным своеобразием. В каждом конкретном случае решение находилось вполне оригинальное, и каждый храм не похож на другой. В этом, представляется, их основной интерес, а не в том, что они «почти не украшены».

Итак, уточним нашу точку зрения. Если относить расцвет монастырей к XII–XIV вв., то именно в это время появляется все больше подражаний базиликам. Наиболее яркий пример — пещерная базилика св. Климента в Инкермане; св. Георгия на Фиоленте. Возможно, новые интерьеры появились в результате переделок прежде бывших. Но отсюда

мы хотели бы сделать иной вывод: небольшие, небогатые монастыри и просто «святые места», где проживал почитаемый отшельник в окружении учеников, могли существовать задолго до этого. Далее, для нас важно следующее: храмы, созданные в те раннехристианские времена, не были подражанием наземным базиликам. И многие сохранили свою первозданность. Именно в этом и заключена их особая ценность для нас.

Примечания

¹ Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь, 1992. — С. 178.

² Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь, 1992. — С. 179.

³ Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994. — С. 128.

⁴ Яшаева Т. Ю. Пещерный комплекс близ Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь 1994. — С. 79.

⁵ Байер Х. Ф. История крымских готов. — Екатеринбург, 2001. — С. 47.

⁶ Страбон. География в 17 книгах // Пер. и коммент. Г. А. Страгановского. — Л.: Наука, 1964. — Кн. XI, 5,8.

⁷ Histoire Naturelle de Plin / Avec la trad. en francais par M. E. Littré. — T. I — Paris, 1848. — IV, XXV, I.

⁸ Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. — L., Cambridge Univ. Press, 1985.

Архаическая семантика некоторых летописных слов и выражений

В. Ю. Франчук

Киев

Исследователи древнерусских летописей давно обратили внимание на различия в оформлении в них прямой речи и авторского текста. Так, Т. Н. Кандаурова пишет: «Воспроизводимая летописцем прямая речь... дает некоторый, пусть незначительный и требующий дальнейших корректив, но тем не менее единственный возможный материал для суждения об особенностях живой речи соответствующего времени»¹. Как отмечает А. А. Зализняк, максимально близкое отражение живой речи представлено в берестяных грамотах. «Близко к ранним берестяным грамотам, — подчеркивает он, — стоит прямая речь светских лиц в

Киевской летописи за XII в. по Ипат. (хотя здесь все же в какой-то мере сказывается эффект переписки в XV в.)»².

Наблюдения Т. Н. Кандауровой и А. А. Зализняка позволяют искать следы архаического мировоззрения восточных славян в летописной прямой речи.

Одним из наиболее поэтичных мест «Слова о полку Игореве», которое рассматривают как своеобразный рефрен, является дважды повторенное предложение-восклицание: *А Игоревѣ храброго плъку не крѣсити*. По мнению Д. С. Лихачева, это выражение создано на основе формулы, возникшей еще в дофеодальный период и означавшей отказ от родовой мести. Именно в этом смысле ее употребляет в «Повести временных лет» княгиня Ольга: *Уже мнѣ мужа своего не крѣсити*. В «Слове» это выражение употреблено в более новом значении – как формула утешения³. Единственным для этого времени, кроме «Слова», источником, содержащим данное выражение в таком же смысле, является Киевская летопись под 1151 г.: *и слыша [Изяслав Мстиславич] Изяслава плачуща надъ братомъ своимъ Володимеромъ, и тако оставя свою немочь, и всадиша и на конь и ѣха тамо. и тако плакашеть надъ нимъ, акы и по братѣ своемъ; и долго плкавъ, а рече Изяславу Давыдовичю: «Сего нама уже не крѣсити»* (304)⁴

Данная ситуация характерна для времени, когда будучи уже христианами русичи продолжали чтить и соблюдать традиции предков. Причитание, являющееся частью дохристианского ритуала погребения, нередко описывается в летописях как обязательный обряд. Так, когда умер упомянутый выше киевский князь Изяслав Мстиславич, то черниговский Изяслав, опоздавший на похороны, обратился к его родственнику с просьбой: *Приѣхаль есмь брата своего плакать, аче есмь тогды не былъ надъ братомъ своимъ; а повели ми нынѣ, ать оплачу гробъ его шедъ* (323). В свою очередь стрый Изяслава Мстиславича Вячеслав Володимирич плакался по сыновцу своему по Изяславѣ, река: *«Сыну! То мое было мѣсто, но предъ Богомъ нѣ что учинити»* (Там же).

Архаическая семантика глаголов **плакати**, **плакаться**, **вопити**, существительных **плачь** и **воплъ** не утрачена в восточнославянских языках и поныне.

Существительное **душа** фиксируется в значении „жизнь”, „дыхание” со связанными с этими понятиями представлениями языческой религии только в некоторых фрагментах древнейших летописей. Христианская религия вложила в слово **душа** иной смысл: это „то, что дает жизнь существу”, „бесплотное существо, являющееся носителем жизни и духовного мира человека и способное существовать отдельно от тела”. Это представление о душе, по наблюдениям Ф. П. Филина, утверждается

значительно позже. Когда сложилось мнение, что «**душа** подсудна только богу, — пишет ученый, — то это слово в значении „жизнь” начинают заменять словом **живот**». Ф. П. Филин приводит следующий пример. В сказании об ослеплении Василька сообщается, что Василько перед боем с князем Святополком на поле Рожне *възвыси крстъ глаголя, яко сего еси ѿѣловаль. се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею. а се нынѣ хоцещи взяти и душу мою* (Лавр. л. 91, с. 270. Радз., Акад., Ипат. и Никон.). В воскресенской летописи XI в. на месте слова **душа** стоит **живот**⁵.

Киевская летопись XII в. фиксирует значение „жизнь” у слова **душа** лишь в составе устойчивых оборотов, что может свидетельствовать о его постепенной утрате. Например: *И бѣ Игорь разболѣлся в порубѣ... И тогда, пославъ [Изяслав Мстиславич], повелѣ над нимъ порубѣ розоимати и тако выйша [Игоря Ольговича] ис поруба. вельми больнаго и несоша у кѣлю; до осьмого же дни толко ему Богъ душу вороти, не можашеть бо ни пити ни ѣсти* (239). В современной лингвистической литературе оборот **Богъ душу вороти** используют для подтверждения толкования слова **душа** в христианском смысле⁶. Иначе рассматривал этот же пример А. А. Потебня, полагавший, что причины метафоричности многих оборотов в стилистике летописания не только связаны с необходимостью выражения отвлеченного в конкретном, но в некоторых случаях уходят своими корнями в ту пору, когда мифы и мифологические представления играли важную роль в мировосприятии человека. Таковы, по его мнению, различные представления о душе, послужившие в дальнейшем основой для ряда метафор. Приведя ту же цитату, А. А. Потебня в скобках замечает: «душа ест»⁷.

Интересны и следующие обороты, в которых языческое понимание слова **душа** еще заметно. **Играти душою**: *Володимиръ же Давыдовичъ и братъ его Изяславъ тако отвѣчаста Гюргеви, рекуче: «Ты еси былъ к нама хрестъ целоваль, а Изяславъ пришедъ землю нашу повоеваль и по Задѣснью города наша пожеглъ; а нынѣ ѿѣловала есѣ крестъ къ Изяславу Мьстислаличю, с тѣми же хочевѣ быти, а душою не можевѣ играти»*⁸ (264). **С душою изойти**: *Игуменъ же рече Поликартъ: «Княже! Се дружина его не ѣдутъ с нимъ [покойным князем], а пусти своеѣ дружины нѣсколько, нѣ кто ни конь доведѣ. ни стяга донеса». Давыдъ рече: «Того стягъ и честь съ душою исшьла»* (374).

Оборот **погинути душою и жизнью**, то есть утратить жизнь (душу) и имущество (жизнь)⁹ летописец приписывает князю Володимиру Мстиславичу, обманутому союзными торками: *И рече князь: «Не дай Богъ поганому вѣры яти николи же, а язъ уже погинулъ и душою и жизнью»* (367).

Любопытно использование слова **душа** а значении „жизнь” в сравнении: Изяславъ же рече ему: «Всихъ нас старѣй отецъ твой, но с нами не умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свои въ правду, ако и душу свою» (257). Следует отметить, что во всех приведенных примерах, кроме первого, обороты со словом **душа** входят в состав прямой речи.

Близки к прямой речи Киевской летописи приведенные в ней княжеские послания. «Эта особенность, отличающая Киевскую летопись почти от всех других летописей (в том числе от Галицко-Волынской летописи, тоже входящей в Ипат.), – полагает А. А. Зализняк, – связана с тем, что здесь послания князей друг к другу цитируются почти буквально (возможно, с прямым использованием соответствующих грамот), а не перелагаются на стиль летописца»¹⁰.

Существительное **копие** в смысле „группа воинов, боевая единица” единственный раз употреблено в послании галицкого князя Ярослава Володимирича. Словари древнерусского языка не выделяют такого значения этого слова, а между тем оно вырисовывается достаточно определенно: *Аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ едино копие поставлено у гроба его, а и то в руку мою есть* (320). Ф. П. Сороколетов на основании этого примера дает следующее толкование: „воин, вооруженный копьем” (при обозначении количества воинов)¹¹. Не употребляют летописцы XII в. и глагола **дѣти** в смысле „говорить”, ставшего, по-видимому, к этому времени архаизмом¹². Однако в посланиях старшего поколения князей – сыновей Володимира Мономаха и Олега Святославича – это значение еще наблюдается: *Аже дѣши: Ты мой еси отецъ, а ты мои и сынъ* (290); *Аже дѣши: хотятъ на мя поѣхати, а иже поѣдутъ на тя с хвалою, а Богъ будетъ с тобою* (342). В послании Рюрика Ростиславича один раз отмечен глагол **творити** в значении „сообщать”: *Всеволодъ свать мой всѣлъ на коня, како ми ся былъ обѣчалъ помочи на Олговича и стати у Чернигова; а творять*¹³ *ми, како же ся уже совокупилъ с братомъ моимъ Давыдомъ и волость ихъ жьжета* (468).

Только в посланиях трижды встречается существительное **ворожда**: *Нынѣ же, брате, хрестьянъ дѣля и всее Руской земли умирия; но оба ать ворожду про Игоря отложить и пакы того не створять, что же хотѣли учинити, а того лишатся, то мирися; пакы ли имъ про Игоря ворожду имѣти, то лѣпле с ними в рати будучи, а како с ними Богъ дастъ* (256-257). *Нынѣ же ѡблудите на томъ хрестъ, оже вы про Игоря ворожды не имѣти* (257). Эта редкая полногласная форма фиксируется в

Киевской летописи всего четыре раза. Четвертый раз она появляется в тексте крестоцеловальной записи, посвященной событиям, о которых шла речь в посланиях: *Тако на томъ ѿѣловаша хрестъ у святомъ Спасѣ ворождѹ про Игоря отложити* (257). В других древнерусских памятниках употребляется лишь неполногласная форма **вражда**, что дало А. М. Селищеву повод причислить это слово по его происхождению к южнославянским¹⁴. Любопытно значение термина **вражда**, зафиксированного в «Русской правде» в составе словосочетания **увидить вражду**. По мнению Б. А. Ларина, это словосочетание как юридический термин обозначает штраф за какое-то преступление, а существительное **вражда** в его составе имеет утраченное ныне значение „повинность, наказание за преступление”¹⁵.

Значение оборота **мы ся в то не дамы** выясняется только из контекста послания Рюрика Ростиславича Святославу Всеволодовичу под 1190 г.: *Паки ли поминаешь давняя тяжа, которыи былѣ при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, мы ся в то не дамы* (450). В дореволюционных лексикографических трудах при глаголе **вѣдаться** со значением „отдаться”, „сдаться” этого примера нет, но приведен сходный с ним из Новгородской первой летописи: **А в то ся не вѣдим**¹⁶. Современные лексикографы выделяют у глагола **вѣдаться** пять значений, а пример из Новгородской первой летописи толкуют как „согласиться, пойти на что-либо”. Кроме того, указан пример из Никоновской летописи под 1342 г.: *Царь же проси у митрополита полѣтныхъ даней: митрополитъ же не вѣдадеся ему в таковая*¹⁷.

Любопытна глагольная форма **ся потѣкло** в послании Рюрика Ростиславича: *Нынѣ же, брате, и моему сынови и твоему Мъстиславу тако ся потѣкло, ажъ вязить у Волговичъ* (466). Ее производят от глагола **потѣкнутися** в значении „приключиться”, а оборот **такое ся потѣкло** толкуют как „до того дошло”¹⁸. Следует отметить, что этот оборот казался недостаточно современным уже переписчику Хлебниковского списка Ипатьевской летописи XVI в., который заменил его на **такое ся случилось**: *Нынѣ же, брате, моему сынови и твоему Мъстиславу тако ся случилось, ажъ вязить у Олговича*¹⁹.

Вопреки мнению современных ученых склонностью к устаревшим словам и выражениям отличаются и некоторые летописцы. Так, стиль автора, описавшего посольство Петра Бориславича к галицкому князю Володимиру Володаревичу, характеризует отсутствие точных дат. В отличие от своих современников он редко пользуется церковным календарем. Для его текстов характерно иное распределение событий, отличающееся приблизительностью, и разговорные формы отсчета времени. Например: *Петрови же выѣхавиу из Галича, и бѣ ему уже*

вечерь, и леже у Болиевѣ; и якоже бысть убо къ куроу, и пригна дѣтский... Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра (319). Подобное дробление временных отрезков встречается и в других фрагментах этого автора. Отмеченный в них характер делового отчета, военного донесения, можно думать, связан с традицией посольских отчетов. Следует подчеркнуть, что сходная манера отсчета времени, далекая от принятой в древнерусском летописании, наблюдается и в «Слове о полку Игореве»: *Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; Всю ноцъ съ вечера бусови врани възгряху; дорискаше до куръ Тматороканя; Погасоша вечеру зари... Комонь въ полуночи Овлуръ свисну*. В.В. Нимчук утверждает, что в последнем примере форма множественного числа существительного **заря** разрешает толкование „освещение небосвода после захода солнца”²⁰, т.е. предполагает временную семантику данного слова. Сопоставление «Слова о полку Игореве» и Киевской летописи в этом плане можно найти в трудах XIX в., в частности у Е. В. Барсова. Н. М. Дылевский убедительно показал, что в летописном **къ куроу** и в **до куръ** «Слова о полку Игореве» существительное **куръ** имеет значение „петух”²¹.

Слова и выражения, восходящие к древним дохристианским воззрениям и обычаям восточных славян, встречаются в языке летописей не так уж часто. С принятием христианства, например, были переосмыслены слова типа **Богъ, духъ, душа, вѣра, грѣхъ, молитися, рай**. Получив новую семантику, связанную с христианской идеологией, они не утратили и старых, бытовых значений. Однако такому слову, как **добрый**, в языческую пору имевшему значение „толстый, дородный, богатый”, христианское учение придало значение моральное, нравственное. **Добрый** в смысле „сочувствующий, милостивый или выдержанный, стойкий в своих принципах” – это совсем новое значение слова **добрый**, возникшее в IX–X вв.²² Оба эти значения встречаются в летописных текстах. Выявление и изучение подобных случаев позволяет не только правильно прочесть неясный текст, но и дает более полное представление об особенностях системы древнерусского языка – предка современных восточнославянских языков.

¹ Кандаурова Т. Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 75.

² Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. С. 50-51.

³ Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 83.

⁴ Примеры из Киевской летописи цитируются по изданию: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. Нумерация страниц в тексте в круглых скобках.

⁵ Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л. 1949. С. 29-30.

-
- ⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 4. 1977. С. 384.
- ⁷ Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков. 1905. С. 403.
- ⁸ Ср. в этом значении современный оборот **играть жизнью** в значении „беспечно относиться к жизни, рисковать ею”
- ⁹ О значении и происхождении слова **жизнь** см.: Колесов В. В. Лексичні південнорусизми у книжній мові Давньої Русі. Мовознавство. 1977. № 1. С. 41-49.
- ¹⁰ Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. С. 51.
- ¹¹ Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI-XVII вв. Л., 1970. С. 112.
- ¹² Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. М., 1984. С. 89.
- ¹³ В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского зафиксированы семь случаев употребления глагола **творити** в близком значении „указывать, говорить что про кого-либо”. Все – в Новгородской первой летописи (Т. 3. М., 1958. Стлб. 936).
- ¹⁴ Селищев А. М. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1968. С. 134.
- ¹⁵ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X– середина XVIII в.). М., 1975. С. 89.
- ¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. 1958. Стлб. 331.
- ¹⁷ Словарь древнерусского языка XI-XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 36.
- ¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. 1958. Стлб. 1302.
- ¹⁹ Хранится в Отделе рукописей Российской Публичной библиотеки. Ф. IV. № 31. Л. 295.
- ²⁰ Німчук В. В. Лексика й фразеологія «Слова о полку Ігоревім» з погляду сучасної діалектології. Мовознавство. 1987. № 6.
- ²¹ Дылевский Н. М. «Слово о полку Игореве» – актуальные задачи изучения и публикации текста // Славянська філологія. Т. 19. Езикознавство. Доклади і статті за X Міжнародний конгрес на славистите. Софія, 1988. С. 123-124.
- ²² Ср.: Ларин Б. М. Лекции по истории древнерусского литературного языка. С. 116.

Корсунский поход князя Владимира: новое прочтение источников

*В. В. Хапаев
Севастополь*

Традиционные точки зрения на причины и время Корсунского похода киевского князя Владимира Святославича не выдерживают источниковедческой критики. Все они основаны на допущении, что русско-византийский договор, предусматривавший оказание Владимиром военной помощи императору Василию II и женитьбу киевского князя на византийской принцессе Анне, был заключен с послом императора в Киеве в 986 (987) году. Между тем, источники не содержат даже намека на то, что такие переговоры состоялись. Летописная традиция сообщает лишь о приезде в Киев проповедника-философа «от грек». Но ни словом

не говорится о переговорах политического характера с ним. Не сказано и том, что прибыл он от императора. Зато говорится, что миссия «философа» не увенчалась успехом: крещения он тогда не принял. Поэтому, следующее допущение историографов, что Владимир пошел на Корсунь войной либо чтобы заставить Василия II выполнить обещание выдать за Владимира сестру, либо чтобы вернуть под власть будущего шурина мятежный город, также не имеют источниковой основы.

Отношения Византии с Русью в 80 годы X века продолжали оставаться напряженными. Об этом свидетельствует тот факт, что в истории об осаде, взятии и удержании Херсона князем Владимиром с корсунской стороны не фигурирует ни один русич. Видимо, херсониты считали подданных киевского князя (в том числе купцов) нежелательным элементом в городе и предпочитали сами отправляться по торговым делам в Киев. Константин Багрянородный, описывая путь «из варяг в греки», изобразил дорогу росов в Византию так: вниз по Днепру, затем — вдоль берега Черного моря на запад и юг, к Константинополю, без захода в Херсон. На этом пути росы, по данным Константина Багрянородного, *«достигают так называемой переправы Крария (современное название этого брода — Кичкас — В. Х.), через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты пути к Херсону»*. Росы на левый берег Днепра не переправляются. Достигнув острова св. Эферия (Березани или Кинбурнской косы) и, отдохнув несколько дней, они отправляются к реке Днестр и далее на запад. Путь «из варяг в греки», таким образом, был путём росов в Константинополь, а «из грек в варяги» — дорогой херсонитов вверх по Днепру, в земли Руси. Херсон и его власти предпочитали держать росов на расстоянии.

С 70-х годов X века в Византии усиливались «апокалиптические» настроения. Постоянные мятежи в Малой Азии, нарастание мусульманской угрозы, разгром византийских войск болгарами 17 августа 986, неослабевающая опасность со стороны Руси, загадочная смерть трёх императоров «цветущего» возраста подряд. Всё это создавало ощущение нарастающей угрозы и неотвратимости бедствий. Об этих настроениях не могли не знать на Руси. Поэтому, история с «выбором веры» князем Владимиром должна рассматриваться, в том числе, и в этом ключе. К 987 году никто не мог поручиться, что Византия останется сильным и влиятельным государством. Поэтому, Владимир делал свой выбор не между «верами», а между политическими союзами.

Был ли у Владимира посол от законной византийской власти в 986 или 987 году, неизвестно. Зато, по данным западного агиографа Петра Дамиани, практически современника тех событий, Владимир принял крещение от западного миссионера. Кем же был греческий посланец? И

когда он прибыл? Летопись помещает это известие под 986 годом. Полагаем, что это — верная дата. Союзника в лице Владимира мог искать провозгласивший себя императором в декабре того же года Варда Склир. Не зря Яхъя Антиохийский подчеркивал, что «царь русов» был врагом Василия II, т. е. императора, а не империи.

Что мог пообещать посланец Склира киевскому князю? Закрывать глаза на захват русичами Херсона? Такая сделка могла рассматриваться как обоюдно выгодная, хотя Варда Склир при этом в очередной раз предавал интересы империи. Владимир получал в свои руки богатый город (как бы его при этом ни рассматривали — в качестве добычи или «заложника на выкуп»), а Склир еще более ухудшал положение законной власти, создавая для нее третий (в дополнение к болгарскому и внутреннему) фронт борьбы. При этом, Владимир, отказавшись принять крещение от византийца и, возможно, тайно приняв его от «немца», обеспечивал себе внешнеполитическую независимость: он мог не брать на себя никаких обязательств ни перед одной из сторон византийской «апостасии». К предстоящему походу на Херсон Владимир, видимо, относился как к лёгкой прогулке. Он не рассчитывал на упорное сопротивление. Возможно, именно потому, что знал из первоисточника: силы империи будут отвлечены на борьбу со Склиром. Кроме того, ему могли сообщить, что снабжение Херсона продовольствием осуществляется из малоазийских фем, и это снабжение будет мятежниками прекращено.

Полагаю, что состоя в тайном сговоре с Вардой Склиром, Владимир в конце лета 987 года направился в Таврику и осадил Херсон. Там до него могла дойти весть, что Склир взят под стражу взбунтовавшимся Вардой Фокой 15 августа, который 17 сентября провозгласил себя императором. Таким образом, начало осады Херсона совпало с началом похода Фоки на Константинополь.

Об уверенности Владимира в скорой и неизбежной капитуляции Херсона говорит и вялое течение осады. Единственное активное действие осаждающих это — попытка насыпать штурмовой вал (приспу). В остальном Владимир просто «стоял». И Корсунь град «стоял». Откуда же у херсонитов взялось продовольствие? И откуда брались у них силы защищаться? На наш взгляд, объяснение этому таково.

1. Не стоит забывать, что Херсон был не просто городом, а административным центром фемы, простиравшейся до Боспора. Поэтому, стратиг имел власть над всем населением Южного и, возможно, Восточного Крыма. В сложившейся чрезвычайной обстановке его стратиоты были обязаны помочь осажденным жителям региональной столицы. «Корабельщики», доставлявшие в город продовольствие «земляным путем»,

прибывали в город, скорее всего, не из Малой Азии, и уж тем более не из окруженной врагами столицы, а из крымских портов: Партенита, Сугдеи, Боспора...

2. Если верно предположение, что осада началась осенью (а к этой мысли склоняется большинство экспертов), то город, извещенный о приближении ратей Владимира днепровскими эмпориями херсонитов, мог успеть заготовить продовольствие до начала осады: после сбора урожая это не было проблемой.

3. Херсониты боялись русичей и были осведомлены о нраве Владимира: обстоятельствах его «женитьбы» на Рогнеде, судьбе христианского князя Ярополка и т. д. Поэтому, они явно предпочитали тяготы вялой и не слишком обременительной осады ужасам «варварской оккупации».

4. До Владимира Херсон никогда и никому не удавалось захватить. Горожане наверняка считали свой город неприступным. Возможно, уповали на защиту городских святынь (мощей свв. Климента и Мартина etc.). Поэтому, мотивация «стоять до конца» была у горожан очень высокой.

Осада продолжалась до весны или начала лета 988 года. Тем временем Фока стоял в Хрисополе напротив императорского дворца, а болгары захватывали Фракию и Македонию. Херсонитов, отрезанных от подземного хода и воды (полагаю, что если уж Владимиру посоветовали перекрыть коммуникации, то сразу все), охватило отчаяние: помощи от центральной власти нет, продовольствие и вода иссякли. В этой ситуации было принято беспрецедентное для Херсона решение: впервые в истории сдать город неприятелю, причем без боя. Переговоры об условиях сдачи, видимо, велись. И, в целом, были соблюдены.

По данным письменных источников, именно из Херсона, с позиции силы, Владимир начал переговоры с Василием II о браке и военном союзе. Почему именно с императором, а не с Фокой, который находился буквально в километре от полного и окончательного захвата власти? Думаю, что причина в следующем. Владимир понимал, что от победившего Фоки он ничего не получит. Для коронованного «Варды I» он автоматически становился «варваром» и захватчиком, которого необходимо выгнать с территории империи. И можно не сомневаться, что победивший в апостасии узурпатор нашел бы для этого достаточно сил, как дипломатических (в соответствии с наставлениями Константина Багрянородного), так и военных, высвободившихся по окончании гражданского противостояния.

С Василием II ситуация была иной. Протянув ему руку помощи в безнадёжной ситуации, Владимир мог рассчитывать не выполнение самых

невероятных требований. Именно в той, безвыходной для Македонской династии ситуации, он мог потребовать (не попросить как немцы ранее, а именно потребовать) руки порфирородной принцессы, сестры, дочери, внучки и правнучки «римских» императоров. Только при этом «уступка» в вопросе о православном крещении его самого и его подданных по восточному обряду не означала перехода под протекторат империи, ввиду ослабленности «протектора».

Владимир спасал Македонскую династию (не тогда, когда ее представители попросили, а тогда, когда он считал это выгодным для себя и своей страны). В обмен он получал не просто «девицу», как полагали Н. М. Костомаров и А. А. Шахматов, а новый высокий статус для себя и своей страны.

Полагаю, что в течение лета 988 года они завершились, и брак был заключен. Не позже октября 988 года (т.е. до окончания навигации) военный отряд Владимира прибыл в Константинополь в распоряжение Василия II. Предстояла победная для Василия II и его русской дружины битва при Хрисополе.

Возникает вопрос: почему Фока, стоявший на азиатской стороне пролива, не помешал контактам Владимира и Василия, и уж тем более — отправке Анны к жениху. Предотвратив этот брак, он, скорее всего, заработал бы в глазах константинопольцев дополнительные очки. Видимо, Фока не вполне контролировал судоходство по Черному морю, и не был уверен в полной лояльности захваченных им византийских провинций. Напомним, что при Хрисополе за него сражались не столько византийские, сколько грузинские (иверийские) солдаты.

Чтобы избежать прохождения по Босфору, ставшему линией противостояния между сторонами апостасии, русичи, видимо, брали из Херсона курс на привычный им, судя по данным Константина Багрянородного, порт Месемврия (совр. Несебр). По мнению Г. Г. Литаврина, Месемврия в X веке была единственным портом, куда разрешался заход русских судов. Далее путь росов в Константинополь лежал либо сухим путем, либо на византийских кораблях. Возможно, что в условиях апостасии, именно этим путем пользовались послы Владимира для осуществления челночной дипломатии между захваченным Херсоном и Константинополем. Видимо, этим же путем прибыли в Херсон Анна и ее свита. Учитывая, что «моноксилы» росов были приспособлены в основном для каботажного плавания, послы Владимира перемещались, вероятно, на херсонских «кубарах».

Таким образом, подтверждается, что летописный рассказ о крещении князя Владимира является достоверным и добросовестным, как по дате,

так и по содержанию. И он полностью согласуется с данными византийской, арабской и армянской исторической традиции.

Феномен пассионарности в Северном Причерноморье эпохи неолита и энеолита: К постановке проблемы

*А. Г. Чередниченко
Белгород-Харьков*

В конце XX века этнология и историческая наука выработали несколько взаимосвязанных концепций, объясняющих сущность этногенеза. По определению Ю. В. Бромлея, этнос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [3, с. 57 — 58]. В эпоху родового строя основными этносами были группы родственных племен или соплеменности [9, с. 72 — 73]. По мнению В. П. Алексеева, «под этногенезом понимается вся та совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица», а «решающим моментом в отнесении данного человека к той или иной этнической общности является его самосознание» [1, с. 3, 27]. По мнению И. М. Дьяконова, в древности самосознание, определяющее деление на «своих» и «чужих», сводилось не только к ощущению общности языка и территории, но, главным образом, к осознанию общности обычаев, образа жизни и народного характера [5, с. 7 — 9; 6, с. 31 — 37]. Таким образом, этногенетические процессы можно изучать, опираясь на анализ семиотических систем этноса. Как известно, базовыми знаковыми системами этноса являются язык, обряды, народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, пение и музыка, изобразительные искусства, орнаменты, народная архитектура, прикладные искусства, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, игры [8, с. 63 — 65].

Значительно углубляют понятия этноса и этногенеза определения Л. Н. Гумилева. Этнос — «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [4, с. 135, 549]. Стереотип поведения — это изменяющийся по ходу

времени комплекс стандартов поведения членов этнической системы, передаваемый путем сигнальной наследственности, а комплиментарность — положительная или отрицательная — ощущение подсознательной взаимной симпатии или антипатии особей, определяющее деление на «своих» и «чужих» [4, с. 235 — 237, 543, 546]. Этногенез — это «весь процесс от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности» [4, с. 548]. Пассионарность (как характеристика поведения) — это эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность индивидов ради цели социума [4, с. 278 — 280, 544]. Пассионарность (как энергия) — «избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению» [4, с. 544]. По мнению Л. Н. Гумилёва, «пассионарный признак — рецессивный генетический признак, обуславливающий повышенную абсорбцию особью биохимической энергии из внешней среды и выдачу этой энергии в виде работы», а «пассионарный толчок — микромутация, вызывающая появление пассионарного признака в популяции и приводящая к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах» [4, с. 545].

Термин «пассионарность» происходит от латинского слова “passio” — «претерпевание, страдание, страдательность», но также «страсть, аффект». Однокоренные слова в европейских языках различаются смысловыми оттенками. “Pasion” у испанцев соответствует латинскому значению. Итальянцы применяют “passione” ещё и для выражения страстной любви. Французы и румыны используют термины “passion” и “passione” для характеристики, главным образом, чувственных пристрастий. “Passionant” по-румынски — это человек, способный увлечь, привести в восторг. Англичане привнесли в понимание пассионарности новый смысл. В английском языке “passion” — это ещё и вспышка гнева, взрыв чувств. У поляков это — ярость, бешенство. А для голландцев, немцев, скандинавов “passion” — просто увлечение. Что касается русского языка, то латинскому “passio” в нём лучше всего соответствует слово «страсть». В современном словоупотреблении «страсть» — это сильная любовь, сильное чувственное влечение, сильно выраженное чувство, воодушевленность, крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь, а также страх, ужас. Но, согласно словарю В. И. Даля, страстью на Руси называли ещё и страданье, муки, маету, мученье, телесную боль, душевную скорбь, тоску, а также подвиг, сознательное принятие на себя тягот, мученичества, страх, испуг, ужас, боязнь, бездну, пропасть, тьму, множество, силу, душевный порыв к чему-либо, нравственную жажду, алчбу, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотение. Таким

образом, русский «пассионарий» ещё в XIX веке мог быть или «страстником», то есть необузданным, поработанным страстями грешником, распутным, развратным человеком, или, наоборот, «страстотерпцем» — святым мучеником, подвижником.

Наблюдения за феноменом пассионарности позволяют прийти к выводу, что это — явление, едва ощутимое. Избыток пассионарности может быть охарактеризован как любовь к своему этносу и всему, что тот воспроизводит. Недостаток пассионарности — это пренебрежение к своему этносу и утрата интереса ко всему, что с ним связано. Природа «любви» или «нелюбви» к своему народу пока не выяснена. Может быть, в основе этой любви лежит не только многолетняя привычка, но и какой-нибудь химический процесс наподобие того, что в русских сказках сформулировано следующим образом: «Здесь русский дух, тут Русью пахнет». Если в основе энергии пассионарности находится биохимический процесс, то природа её, в таком случае, связана с генетическим кодом этнической группы.

Другие наблюдения над поведением так называемых пассионариев, т. е. людей, которые чрезмерно выплескивают свою энергию, приводят к обобщению, что это, по большей части, — разные формы особей с известными отклонениями психики, склонностью скорее к истерии, нежели к шизоидному или параноидальному поведению. Однако подоснова любой формы энергии, как известно, в ближайшей к нам части космоса — солнечная энергия, которая то выплескивается, то затихает с определенной цикличностью или с нарушением её. Поэтому, какая бы вспышка или затишье пассионарности не наблюдались, всегда в подоснове залегает мощное излияние или затишье солнечной активности [10; 11].

Заметим также, что не все «Великие переселения народов» связаны с «взрывами» пассионарности. Переселение германских племен в первых веках нашей эры было спровоцировано, в значительной степени, климатическими изменениями и увеличением численности населения на севере Европы. Траекторию движения германцев можно объяснить их стремлением попасть в более благоприятные условия Средиземноморья и Причерноморья.

Возникает вопрос, в какой степени теорию пассионарности можно спроецировать на этногенетические процессы эпохи неолита, энеолита или даже более отдалённых эпох. Своего рода индикатором пассионарного «толчка» или «взрыва» пассионарности являются имена героев, сохраненные в народной памяти. Например, гомеровский эпос сохранил имена Агамемнона, Менелая, Ахиллеса, Одиссея, Александра-Париса, Энея — пассионариев эпохи движения «народов моря», т.е.

переселения эгейских народов в XIII–XII вв. до н.э. Этногенез ряда древних народов Причерноморья был связан с именем Алкида-Геракла (яркого пассионария) и его сыновей Агафирса, Гелона и Скифа (XIV — XIII вв. до н.э.) (Herodot. IV, 8–10).

Можно также предположить, что выделение этноса носителей индоевропейского праязыка из доиндоевропейского языкового континуума произошло в одном из центров «неолитической революции» (скорее всего, на юге Балкан) вследствие «взрыва» пассионарности [2, с. 128–137; 9, с. 48–49; 12]. Однако древнейшая миграция индоевропейцев — носителей диалектов «сатэм» (странствие куретов вслед за телицей Ио) — пример «непассионарной» миграции. «Сатэмные» этнические группы продвигались с прародины на Балканском полуострове в Подунавье, Северное Причерноморье, Закавказье, на Ближний Восток, совершая обряд *ver sacrum* («священная весна») [7]. «Вспышка» пассионарности произошла среди «сатэмных» индоевропейских племен уже во время миграции, о чем свидетельствуют сохраненные мифологией имена (Данай, Эгипт, Агенор и т. д.).

Таким образом, теория пассионарности может использоваться для анализа этногенетических процессов в глубокой древности, а показателем пассионарного «толчка» являются имена героев, зафиксированные мифолого-эпическими традициями древних народов.

Литература

1. Алексеев В. П. Этногенез / В. П. Алексеев. — М.: Высш. шк., 1986. — 176 с.

2. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху / Пер. с англ.; Предисл. М. В. Крюкова; Коммент. В. А. Шнирельмана, М. С. Полинской / П. Беллвуд. — М.: Наука, 1986. — 523 с., ил.

3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1983. — 412 с.

4. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. — 557 с.

5. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа: История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне / И. М. Дьяконов. — Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1968. — 264 с.

6. Дьяконов И. М. Все мы — люди: Размышления историка об этническом самосознании / И. М. Дьяконов // Знание — сила (М.). — 1989. — № 4. — С. 31 — 37.

7. Йорданов Ст. Обичаят «свещена пролет» у прабългарите и механизъмът на преселенията им в Северното Причерноморие и на

Балканите / Ст. Йорданов // Българите в Северното Причерноморие: изследвания и материали. — Т. 2. — Велико Търново: Издателска къща АСТА, 1993. — С. 30 — 51.

8. *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. — М.: Высшая школа, 1990. — 381 с.

9. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Расы. Культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. — 2-е изд., испр., доп. — М.: Наука, 1985. — 271 с.

10. *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь / Предисл. О. Г. Газенко; Ред. коллегия: П. А. Коржуев (отв. ред.) и др. / А. Л. Чижевский. — 2-е изд. — М.: Мысль, 1976. — 367 с. со схем.

11. *Чижевский А. Л.* Земля в объятиях Солнца / А. Л. Чижевский. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 928 с.

12. *Renfrew C.* The Origins of Indo—European Languages / C. Renfrew // Scientific American (New York). — 1989. — № 10. — P. 82—90.

Древняя культура Северного Причерноморья и исторические корни славянского образа Бабы-Яги

*О. А. Черепанова
Санкт-Петербург*

Баба-яга — один из ярких образов русского фольклора. Уже в середине XIX века стало ясно, что этот образ имеет сложный характер и принадлежит к центральным персонажам славянской мифологии. Мифологическая сущность персонажа, по мере накопления материала и его осмысления, приобретала определенные очертания благодаря трудам А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, позднее В. Я. Проппа, К. Д. Лаушкина и др.

Из всех многочисленных версий о происхождении и исходной сущности образа в докладе обосновывается та, которая была высказана А. Н. Афанасьевым и периодически обсуждалась позднее, а именно версия о связи образа бабы-яги со змеей, а именованная *яга* с санскритским *ahi* 'змея'. По данным этимологических словарей, в том числе ЭССЯ под ред. О. Н. Трубачева, связь санскр. *ahi* со славянскими *уж*, *угорь*, *язь* вполне обоснованна. Предположительно в этот ряд включается и элемент *яга*.

Типологические характеристики бабы-яги дают достаточные основания, чтобы поместить этот образ в мифологическое поле змеи/змея, что предполагает и ее связь с подземным миром, царством мертвых, смертью. Однако требуются дополнительные обоснования того, что элемент *яга* есть древнее именование змеи, возможно, исконное, замененное впоследствии в процессе табуирования рядом других, из

которых общеупотребительным стало известное нам *змея* (возникшее по связи с *земля*).

В докладе приводятся непосредственно найденные автором и почерпнутые из специальной литературы обоснования семантизации элемента *яга* как названия змеи. Найден заговор на кровь в записи XVIII в., где *змея* в концовке заговора названа *яга бура*; зафиксировано на Севере (русские говоры Республики Коми, 1992г.) употребление слова *агашка* как названия змеи (запись, к сожалению, не документирована); известны именованья *бабы-яги ягабура*; в украинском фольклоре зафиксированы легенды о том, как из маленькой пташки по прошествии определенного ряда лет и в результате ряда инкарнаций получается вредоносный змей о нескольких головах – *язя*. Полагаю, что имена змей в заговорах, созвучные наименованиям *ага*, *яга*, могут быть косвенным доказательством семантизации *яга* как 'змея': царица змей нередко именуется Агафьей, известны *змея Грипина* (Агриппина), *инорогая змея Гарафена* (Аграфена) и под.

Есть основания полагать, что славянский образ полиморфного существа, женщины-змеи, *бабы-яги*, несмотря на универсальность и территориальную широту мифологии змеи, сформировался в недрах ранней культуры Северного Причерноморья, где сходились культурные линии античности, индоиранской зоны, Востока и славян. В пользу этого говорит ряд фактов. Начиная с первых веков н. э. в этих местах широко распространены амулеты-змеевики, на многих из которых изображены змеи с женским лицом, иногда торсом. Это был именно женский оберег; использование этого амулета отмечалось даже в XVIII в. Скифской мифологии не чужд образ полиморфного существа с признаками змеи.

Развернутые легенды о многоголовом змее *язе* представлены в фольклоре именно южной Руси, в украинском фольклоре (XIX в.). Образ *бабы-яги* наиболее ярко развернут у восточных славян. У южных и западных он затухает, там усиливается мифология *василиска*, также связанная с чудесным змеем. Южнославянское название персонажа, напоминающего *бабу-ягу*, *баба-рога*, возможно, представляет иное табуированное именование змеи – *рога*, *рохля* (ср. присутствие в фольклоре рогатых змей; именование *инорокая змея Гарафена*, *русское рохля* 'змея' и под.)

Семантическая оппозиция корневых групп *сыр-* и *сух-*

М. И. Чернышева
Москва

В готовящемся к печати 29 выпуске «Словаря русского языка XI—XVII вв.» впервые на материале памятников древнерусского языка столь

подробно разрабатывается семантика слов с корнями **сыр-** и **сух-**. Эти две группы являют собой семантическую оппозицию.

В средневековых трактатах (отчасти воспроизводящих античные представления), которые дошли до нас в переводах с греческого языка, повествуется о четырех основных природных состояниях, заключающих противоположные начала: горячий — холодный, сырой — сухой, которые, в свою очередь, находятся во взаимосвязи с четырьмя природными стихиями: огонь, воздух, вода, земля. Эти литературные свидетельства не противоречат основным представлениям славян о природе.

Материалы древнерусских оригинальных и переводных памятников позволяют говорить о том, что группа **сыр-** так или иначе отражает не только семантические элементы: 'влажность', 'мокрота', но и: 'свежесть', 'сочность', 'гибкость', 'сила'; в связи с этим наиболее важным оказывается присутствие в словах группы **сыр-** идеи жизни и жизнепорождающего начала. Соответственно группа **сух-** несет в себе прямо противоположные начала.

Обе группы включают в себе, помимо прочего, древние хтонические представления, важнейшим из которых является идея связи сырой, т. е. увлажненной, оплодотворенной дождем, земли с жизнью (напомним свидетельства Гесиода в его «Теогонии» о всепорождающей силе земли).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что русское выражение **Мать-сыра земля** во многих словарях современного русского языка уже не имеет адекватного толкования, что, безусловно, свидетельствует об утрате современным человеком основополагающих представлений своих предков, которые могут быть восполнены или восстановлены в основном на основе создающегося исторического словаря русского языка (ср. в статье **сырой** 29 вып. «Словаря русского языка XI–XVII вв.»: Сырая (сыра) матерая (матера) земля — *мать сыра-земля (в фольклоре: об увлажненной плодородной земле как о первоначальной животворящей силе, олицетворяющей связь с родной природой)*).

Этимология языковых реликтов фракийского вида в Северном Причерноморье

А. К. Шапошников
Коктебель — Москва

Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье замечены давно (см. публикации Д. Дечева, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, В. П. Шмида, Г. Шрамма, В. П. Яйленко). По моим данным сейчас

количество языковых реликтов и.-е. диалектного, фракийского и раннего балто-славянского вида превышает 300 единиц разной степени вероятности. В различных изданиях и публикациях приводятся разнообразные примеры фракийских языковых реликтов из Северного Причерноморья, Приазовья и Западного Кавказа, которые приведены с этимологическим комментарием в данной работе. Многочисленные примеры сходства языковых реликтов Скифии и Фракии сейчас мало кого удивляют. Однако убедительного объяснения этого явления до сих пор предложено не было.

Некоторые исследователи полагали, что киммерийцы имели фракийское происхождение, другие писали о фракийской экспансии, третьи усматривали в данном явлении перенос фракийских имен эллинами-колонистами из Ионии на Боспор.

Без должного внимания оставлены многочисленные свидетельства эллинской словесности о фракийском происхождении скифов. Помимо мифов имеются и прямые указания типа: «Скифы — этнос фракийский. Прежде они назывались номаями. Скифы же — по имени Скифа, сына Геракла» (Стефан Византийский).

Сюжет о поисках коров в предгорьях Фракии Гераклом и его сожительстве с праматерью скифских племен — подлинное предание об этногенезе скифов, балтов и славян. Как ни парадоксально, местом этногенеза этих племен указаны Борисфен (Геллеспонт, Дарданеллы) и некая Гилея (т. е. лесистая местность близ Геллеспонта, Текирдаг?).

Сами скифы впоследствии переселялись из Фракии в Малую Скифию, Великую Скифию вплоть до Танаиса и Боспора Киммерийского. Вот почему династы Одрисов и династы Боспора Киммерийского носят одинаковые имена Перисад, Спарток, Реметалк. Все они оказываются потомками династии Паралатов и Данайцев.

В связи с этими двумя генеалогическими мифами находится третья скифская генеалогическая легенда, изложенная у Диодора Сицилийского (кн. 2, гл. 43):

«Этот (Скиф) прославился больше своих предшественников и назвал свой народ по своему имени скифами. Из потомков этого царя отличились своими доблестями два брата, и одного из них звали Палом, а другого Напой. После того, как они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, народы прозвались по каждому из них, одни палами, другие — напами».

Плиний Старший (*Historia Naturalis* VI, 50) добавляет к этому, что позднее, «здесь, у Танаиса, как говорят, напей были уничтожены палеями» (*Ibi Napaei interisse dicuntur a Palaeis*).

Из этих преданий можно сделать вывод, что в этногенезе скифских племен было два главных этапа.

Согласно скифскому преданию после Девкалионова потопа 1529 г. до н. э. единый этнос под условным именем Таргитая обитал где-то в области Геллеспонта (Борисфена).

Сыновья Таргитая Липоксай, Арпоксай и Колаксай предводительствовали отдельными народами авхатов, катиаров с траспиями и паралатов. Следовательно, ок. 1500 г. до н. э. единый этнос распался на несколько дочерних. Из них авхаты, катиары и траспии выселились из страны, а паралаты остались в отчизне.

Расселение авхатов, катиаров и траспиев, похоже происходило по долине Хебра в сев.-зап. направлении до Софийского поля и через пролив Босфор в Анатолию. Эти племена были носителями будущих идиом балтийского вида во Фракии и Вифинии и, м. б., предками древних пруссов (западных балтов). Кроме того, возможно и сев.-вост. направление миграции в сторону будущих Малой Скифии и Великой Скифии. Эти племена были, скорее всего, носителями древних восточно-балтийских диалектов. Именно эти племена первой миграционной волны, позднее именовались собирательно палами «старшими, старыми».

Через 200 лет произошел ключевой момент скифского этногенеза. Согласно греческой мифологии, родоначальник народа, Скиф, был сыном Геракла и фракийской Эхидны, дочери Борисфена, обитавшей у Геллеспонта. Иными словами в результате соединения данайцев Геракла и паралатов змееногой богини появилась новая этническая общность напов. Эта общность также скоро распалась на три группы, одна из которых (скифы) осталась, вероятно, в области Малой Скифии, одна (агатирсы) переселилась в Дакию, одна (гелоны) — в низовья Гера (Днепра).

Позднее скифы из Малой Скифии освоили Поднестровье, а оттуда — всю Великую Скифию вплоть до Танаиса (Северского Донца и Дона), а также — до Боспора Киммерийского (Керчи).

М. Скифия была заселена скифами еще в XII–XI вв. до н. э. а в X–начале VII в. до н. э. часть скифских племен сконцентрировалась на небольшой территории среднего Поднестровья в ареале Сахарнянско-Солонченской группы археологических памятников. Эта археологическая культура единодушно считается пришлой. Согласно наиболее обоснованной теории (Мелюкова 1979) ее принесли племена южно-фракийского происхождения, продвинувшиеся на среднее Поднестровье с нижнего Подунавья, где они представлены поселениями типа Бабадаг (средний слой) в Добрудже и в устье Дуная, а также Инсула-Банулуй в районе Железных Ворот. Румынские исследователи помещают и те и другие в X в. до н. э. и ведут от них происхождение ряда памятников румынской Молдовы, получивших в литературе название Стойканы-

Козия и содержащих керамику, сходную с сахарнянско-солонченской (László A., 1976).

Население М. Скифии всегда было пестрым, там сосуществовали скифы, геты, фракийцы, сигинны, сарматы и проч. В 280–270 гг. в М. Скифию вторглись галаты (кельты).

Великая Скифия — область вторичного расселения скифов из области Малой Скифии, давших новоосвоенной стране свое имя. Большинство исследователей полагают, что носители Сахарнянско-Солонченской группы археологических памятников заселили правобережье лесостепной Украины в VIII в. до н. э. (Мелюкова А. И., 1979, 30–324 Смирнова Г. И., 1983, 60–72, Мелюкова А. И. 1989, 22–23)

Жители Скифии назывались прежде сколотами, и только греки называли их скифами. Кроме того, позднее на этой территории упоминаются и другие племена, напр., ревксиналы, роксоланы, сарматы, аланы и др.

Исторические Скифы (ассир. клинописн. IŠKUZU, гр. ΣΚΥΘΑΙ, лат. SCYTHAE), формально — «происходящие от родоначальника по имени Скиф», этноним историко-культурной общности, данный ей по имени мифического родоначальника, а затем от него образовано название страны, в которую эта общность вселилась между 1200 и 800 гг. до н. э. Ок. 800 г. до н. э. скифы распространились по Северному Причерноморью, где они покорили или прогнали живших у Понта киммерийцев (первоначальное иллиро-кельтское население?). Последний бой, якобы, между собой, киммерийские цари устроили у Тираса, где и были захоронены соплеменниками.

Между Днестром и Донцом вплоть до Таврических гор расселились сколоты (к 800 г. до н. э.). Скифы-Басилиды летом пасли свои стада в поймах рек и степях Приднепровья, а на зиму откочевывали в селения предгорной Таврики, где имели постоянные зимники (остатки которых можно усматривать в предгорных памятниках Кизил-Кобинской археологической культуры). Там же они имели обыкновение хоронить своих умерших в родовых каменных гробницах, принесся этот обычай из Фракии.

Царей своих они погребали в степных курганах (также палеобалканская традиция), которых более всего образовалось в долине Герра (Нижнего Днепра). Однако, до самого исчезновения скифов со страниц истории, в Скифии повсюду обитали и другие племена, говорившие на хеттских (амазонки), восточно-иранских (сарматы и туранцы), индоарийских (синдо-меоты), кельтских и иллирийских диалектах (киммерийцы).

В первые десятилетия III в. до н. э. скифы подверглись изгнанию и поголовному избиению со стороны сарматских племен. Остатки скифов

укрылись в степях Таврического полуострова, превратив свои зимние стойбища в укрепленные городища. Затем, между 288 и 259 гг. до н. э. скифы отвоевали у херсонеситов все их земельные владения на равнине вместе с укрепленными поместьями, крепостями и городами Калос Лимен и Керкинитида. Они вели упорное наступление на Ольвию, Тиру, Херсонес и Феодосию. Следующее упоминание скифов связано с Митридатом Великим, который через Диофанта вел борьбу с таврическими скифами, и вытеснил их из владений херсонеситов (ок. 114—112 гг. до н. э.).

В конце II — начале III вв. н. э. скифское царство в Таврике было окончательно сокрушено походами боспорских подданных аланов и сугдаев, а их земли заселены прикубанскими меотскими племенами (сугдаями, фуллами). В середине III в. н. э. имя скифы вновь появилось в римских хрониках и исторических сочинениях. Скифы вместе с прочими племенами — боранами (борадами), готами, герулами, скирами и др., совершали опустошительные морские рейды в римские провинции, лежащие вокруг Понта Эвксинского, вторгаясь иногда вглубь империи до Каппадокии и Киликии, Ионии и Ахайи. Со второй трети III в. н. э. Великая Скифия подвергалась опустошительным нашествиям готов (250—350), затем гуннов (в 367—467 гг. н. э.).

Принимая во внимание факты происхождения многих элементов базовых знаковых систем (включая язык и погребально-поминальную обрядность) традиционной культуры населения Керченского п-ова античного времени из Фракии, особенно ее причерноморских областей, можно прийти к выводу о том, что это население также переместилось из Фракии на Боспор Киммерийский.

Единственный народ, который своим происхождением был тесно связан с юго-восточной Фракией, — это скифы. Во Фракии же существовала историко-культурная область Малая Скифия, которую можно считать первой промежуточной прародиной скифов. Великая Скифия в Северном Причерноморье — область позднейшей колонизации, а Боспор Киммерийский — удаленная периферия. Именно эта периферийность скифов Боспора способствовала сохранению у них не только традиционного ономастикона, но и прикладных ремесел, народной архитектуры, включая сооружение царских гробниц с явными чертами микенской и позднейшей фракийской погребальной архитектуры.

Если языковые реликты фракийского облика и другие манифестации базовых знаковых систем фракийского происхождения Боспора оставлены скифами, то по-другому выглядит не только этногенез скифских племен, но и династическая история Боспорского царства. Родоначальник династии Спартокидов из фракийского наемника Археанактидов превра-

щается в наследственного царька соседних Пантикапею и Мирмекию скифов. Время династии Спартокидов (438–110 гг. до н. э.) — своего рода эллинистическое царство, в котором, подобно македонцам, скифы получили военную власть, оставив эллинам сферы производства, торговли и гражданского самоуправления. Савроматская династия Боспора (8–342 гг. н. э. с перерывами), судя по именам Рескупорид, Котис, Ройметалк, Радамсад, также была скифской.

Давно подмечены особые языковые отношения фракийских и скифских реликтов с балтийскими и славянскими языками, см. публикации Д. Дечева, И. Дуриданова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева.

Как известно, во Фракии и северо-западной Анатолии имеется большое количество гидронимов, топонимов и антропонимов балтийского вида. Общее количество топонимических сходств между балтийским и палеобалканским ареалами весьма значительно (несколько сотен убедительных сопоставлений), при этом около сотни параллелей претендуют на абсолютную точность исходных форм и не допускают сомнений в их подлинности и доказательности. Первые опыты подобных сопоставлений принадлежали еще Й. Басанавичюсу, наиболее очевидные и убедительные сопоставления приведены в трудах К. Каспарсонса, Х. Краэ, А. Брейдакса, А. Каулинса, В. Топорова.

Помимо цельнолексемных соответствий, обратим внимание и на некоторые продуктивные словообразовательные суффиксы. К примеру, балто-славянский суф. **-is-* (праслав. **-ix-*), первоначальный суффикс принадлежности и происхождения, может пережиточно сохраняться в составе реликтовых топонимов Симеиз, Кореиз, Кикинеиз, Олеиз и подобн.

Выводы:

1) Языковые реликты фракийского вида оставлены в Северном Причерноморье и в Закавказье скифами;

2) Эти языковые реликты проявляют черты генетического и ареального родства с балтийскими и славянскими языками, вернее, их древними состояниями.

Вопросы исторического словообразования в контексте высказываний академика О. Н. Трубачева *

*Е. М. Шептухина
Волгоград*

В нескольких работах 1994 года О. Н. Трубачев, рассматривая особенности русского исторического словообразования и русской

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-00264а).

исторической лексикологии, сформулировал положения, значимые для изучения слова в диахроническом аспекте (Трубачев 1994а, Трубачев 1994б). Считая важным постулат о «единой и непрерывной истории языка и слова», О. Н. Трубачев подчеркивал условность противопоставления синхроническое — диахроническое, историческое — описательное, лексикология — лексикография, историческая лексикология — этимология, историческая лексикология — историческое словообразование, литературное — диалектное, дописменное — письменное. Такой широкий подход к осмыслению фактов в рамках всего языка позволяет не только адекватно описать значение, но и раскрыть причины и механизм языковых изменений, помогает объяснить то, что с позиций современного состояния языка кажется трудно объяснимым.

Одним из таких явлений в русском языке можно считать глаголы со связанными основами, образования двойственного характера, отражающие переход производных слов в разряд непроеводных. Глаголы со связанными основами понимаются нами как особый тип двух или нескольких взаимно мотивированных префиксальных образований, у которых сохраняется исходная категориально-лексическая сема производящего глагола и формируется общность семантики на лексико-грамматическом уровне. В ретроспективном плане рассматриваемые единицы представлены тремя разновидностями, отражающими степень сохранения производящего слова в русском языке (Шептухина 2006: 8–10).

Перспективным представляется рассмотрение языковых явлений с опорой на когнитивно-коммуникативную парадигму, базовыми элементами которой являются понятия концептуальное ядро, стереотипность, семантическая модуляция, семантическая деривация, существенным является также разграничение семантической и смысловой структуры слова. (подробно о понятиях и терминах см.: Лопушанская 2003). Процесс формирования глаголов со связанными основами можно проиллюстрировать приставочными образованиями *обуть*, *разуть*, которые в научной литературе приводятся как «классический» пример слов со связанной основой.

В современном русском языке у этих глаголов отсутствует производящее слово. Однако данные этимологии позволяют реконструировать исходный древний глагол **uti*, вероятно имевший значение «носить обувь, обуваться». (Фасмер III: 109). Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов отмечают, что «общеевропейский термин для ‘одежды’ и ‘одевания’ вообще восстанавливается в форме **ves*—, отраженной во всех основных древних индоевропейских диалектах... Основа **ves*- может этимологически увязываться с первичным корнем **ew*— (нулевая ступень с суффиксом *-es-) ‘надевать’, ‘натягивать’, ср. ... лат. *ex-uo* ‘раздеваю’,

ind-uō ‘надеваю’, ind-uuiāe ‘одежда’; арм. aganim ‘надеваю’, др.-ирл. fuan ..., лит. avėti ‘носить обувь’, aiūti ‘обувать’, латыш. āut ‘обувать’, ст.-слав. ob-ujǫ ‘обуваю’» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 705).

Этимологические сведения, а также весь комплекс значений приставочных производных дают возможность гипотетически определить некоторые характеристики древней производящей основы. С этой целью мы используем понятие стереотипности, которое трактуется как выражение минимальной языковой компетенции, характеризуемой знанием обязательных характеристик некоторого конкретного стереотипа. Это свойство слова обеспечивает набор значимых признаков определенного концепта, его концептуальное ядро, в которое включаются, в частности, наивные представления о том, что человек (одушевленный субъект) покрывает ноги (неодушевленный объект) изделием из кожи, других материалов, как правило, с твердой подошвой (второстепенный объект) или извлекает ноги из такого изделия. Признаки концептуального ядра находят отражение в признаках, формирующих семантические структуры языковых единиц.

Обобщенная семантика бесприставочного глагола, характеризующего надевание, ношение обуви, конкретизирована в приставочных производных. В современном русском языке глаголы обуть, разуть обозначают противоположно направленные действия: обуть — «надеть кому-л. обувь», разуть — «снять с кого-л. обувь».

В памятниках древнерусской письменности зафиксированы префиксальные образования **обѹти**, **изѹти**, образования с приставкой **раз-** представлены единичными употреблениями.

У глагола **обѹти** в словарях древнерусского языка отмечены значения «надеть обувь, снабдить обувью кого-л.». В морфологической структуре глагола приставка **об-** реализует свое древнее локальное значение «вокруг»; направление действия, подчеркивается и контекстуально: глагол **обѹти** сочетается с уточнителями, называющими тип обуви и выраженными конструкцией «**въ** + винительный падеж», например: **а обѹвенъ в сапогы** (Житие Андрея Юродивого, к. XIV); **обоувенъ въ санѣдалиа** (Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.). Конструкция «**въ** + винительный падеж» актуализирует направленность действия внутрь, в пределы некоего пространства, а глагольные формы сохраняют признак направленности действия вокруг, характеризуя способ создания такого пространства. Значение «надеть обувь» в большинстве славянских языков выражено глаголом с префиксом **об-**, однако в украинском наряду с **обути** существует приставочное образование **взути**, в котором направление действия внутрь маркировано приставкой **в-**.

Глагол **изѹти** имел в древнерусском языке значение «разуть, снять обувь», противоположное значению, выражаемому глаголом **обѹти**. У глагола **изѹти** направление действия «изнутри наружу» актуализируется значением приставки.

Что касается глагола **разѹти**, то по-видимому, древнее пространственное значение префикса **раз-** (**роз-**) «направление действия в разные стороны» противоречило семантике производящей основы *uti. Развитие в качестве доминанты абстрактно-пространственных представлений человека о мире нашло опосредованное отражение в формировании у приставки **раз-** значения «аннулировать результаты действия, названного мотивирующим глаголом», что в русском языке могло способствовать вытеснению глагола **изѹти** и закреплению значения «снять обувь» за глаголом **разуть**. Однако в некоторых славянских языках образование с префиксом **из-** сохранилось, например, в сербском **изути**, словенском **izúti**.

Анализ древнерусских глаголов **обѹти**, **изѹти**, **разѹти** позволяет предположить, что признаки их семантических и смысловых структур отражают реализацию того, что было свойственно концептуальному ядру реконструированного бесприставочного глагола *uti. Приставочные образования **обѹти**, **изѹти**, выражая противоположные значения, полностью исчерпывают возможности пространственной интерпретации действия, названного бесприставочным *uti, в результате чего создаются условия, способствовавшие утрате бесприставочного глагола.

Предпосылки для формирования приставочных глаголов со связанными основами создаются в рамках модуляционных семантических изменений в смысловой структуре производящего глагола при сохранении стереотипности, реализующей общее концептуальное ядро. В случаях, когда производные образования от одной основы выражают общую категориально-лексическую сему, их семантическая соотнесенность обусловлена тем, что производящая основа и приставки реализуют модуляционно-маркирующую функцию. При этом в смысловой структуре производных глаголов сохраняется категориально-лексическая сема производящего слова, а свойственные ему дифференциальные признаки перераспределяются между производными с разными префиксами.

Таким образом, высказанные О. Н. Трубачевым мысли о преемственности семантического развития слова, о том, что «в истории языка преобладали не абсолютные утраты, а переосмысления» (Трубачев 1994а: 18) находят подтверждение в истории русских глаголов со связанными основами.

Литература

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко—типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. — Т. 1. — Тбилиси: Изд—во Тбилисского ун-та, 1984.

Лопушанская 2003 — Лопушанская, С.П. Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте / С.П. Лопушанская // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд—во Саратовского ун-та, 2003. — С. 259—269.

Трубачев 1994а — Трубачев, О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода / О.Н. Трубачев // Этимология. 1991—1993 / Ин-т рус. языка РАН. — М.: Наука, 1994. — С. 3—23.

Трубачев 1994б — Трубачев, О.Н. Синхрония и диахрония — *und kein Ende...* (маргиналии по русскому историческому словообразованию) / О.Н. Трубачев // Исследования по историческому словообразованию. — М., 1994. — С. 16—28.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III. — М.: Прогресс, 1987.

Шептухина 2006 — Шептухина, Е.М. История русских глаголов со связанными основами / Е.М. Шептухина. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.

К этимологической реинтерпретации некоторых диалектных лексем

В. П. Шульгач

Киев

В настоящих заметках предложено новое этимологическое истолкование некоторых диалектных слов украинского языка с учетом, в первую очередь, их ареальных связей и модификаций формального характера.

Бавхати ‘разбрасывать, валять, перемешивать’. Квалифицируется как результат экспрессивного преобразования слова *бахати* (ЕСУМ 1, 108), что вряд ли приемлемо. С учетом слвц. диал. *balchat* ‘валиться (про дым, воду)’ (SSN I, 90) можно предполагать первоначальное **bьlxati*. В ЭССЯ отсутствует.

По вокализму и структуре корня (тъlt) заглавное слово соотносительно с укр. диал. **бавкун** ‘место в реке, где сильно бьет вода’ (ЕСУМ 1, 108 — «неясно») < **bьlkinъ*, далее — к и.е. **bhel-* ‘вздуваться, набухать’, как и укр. диал. **бавда** ‘несколько стручков фасоли’ (ЕСУМ 1,

107 — «не совсем ясно») < **bьlda*; **балбута** ‘болтун’ (ЕСУМ 1, 126 — «очевидно, заимствование из латинского языка через посредство семинаристов и под.») < **bьlbōta*; **бамбура** ‘большая грубая вещь’ (ЕСУМ 1, 131 — «неясно») < **bьlbura* (л > м в позиции перед лабиальным б) и др.

Багабач ‘струдель’. Отнесено к неясным. «Возможно, результат контаминации двух различных по происхождению названий выпечки — диал. *богач* (*погача*) и **гбаник*» (ЕСУМ 1, 108). На наш взгляд, нет препятствий для выделения в этом слове приставки *ба-* и корня *габач*, соотносительного с глаголом *габати*, ср. слав. **gabati* (ЭССЯ 6, 77—78). В таком случае возможна реконструкция **bagabaśь* / **pagabaśь* (с учетом озвончения глухих в этимологических позициях неозвончения).

Бамбух, бембух ‘желудок’, а также слов. *bambuch* ‘пузо’ отнесены к числу не совсем ясных (ЕСУМ 1, 131). Этимологическая перспектива для этих слов (первоначальное **bьlbuxь*) намечается при сопоставлении их с укр. диал. *бумбух* ‘волдырь’ (Онишкевич 1, 76), *бельбухи* ‘внутренности’ (ЕСУМ 1, 165), русск. диал. *бомбуха* ‘о толстой женщине’ (СОГ 1, 87), *бульбух* ‘пузырь на воде’ (СРНГ 3, 274), *бельбухи* ‘внутренности’ (СРДГ 1, 20) и под., объединяемых на основе общей семантики **‘что-либо толстое, круглое, вздувшееся’*. С формальной точки зрения переход -л- > -м- в корневой морфеме — результат ассимиляции (лабиализации) плавного в позиции перед лабиальным -б-. Наблюдается также разнообразная вокализация ь в бинарной группе ьл (корневая структура тьлт).

Ср. также иносуффиксальные укр. диал. *бельбахи*, *бельбехи* ‘внутренности’, *бебех* ‘большой живот’ (ЕСУМ 1, 165) < **bьlbaхь*, **bьlbexь*. Учитывая факт абсорбции плавного, можно по-новому прокомментировать и укр. диал. *бабухатий* ‘пузатый’ (ЕСУМ 1, 131) < **балбухатий*.

Бандури мн. ‘внутренности, в основном у животных’. Подано с ремаркой «неясно, возможно, связано с русск. диал. *бандать* ‘пачкать’» (ЕСУМ 1, 133).

На наш взгляд, в данном случае следует предполагать исходное *балдури* — с учетом распространенного фонетического явления дентализация плавного в позиции перед дентальным. Ср. аналогично русск. диал. *бандура* ‘внутренности животного, нечистоты, скрытые в чем-либо’ (СРНГ 2, 93), чешск. диал. *bandur* ‘большой живот’ (Bartoš 11), возводимые к **bьldura*, **bьldurь*. Сюда же семантически близкие русск. диал. *бандура* ‘о толстой неповоротливой женщине’ (ССГ 1, 119), блр. диал. *бандура* ‘снежная баба’ (ТС 1, 41), ‘большой предмет’ (ДСБ 18) < **балдура*.

Относительно перехода л > н ср., например, русск. диал. *болдырь*, *булдырь*, *бундырь* ‘волдырь, прыщ, вздутие на коже’ (АОС 2, 54, 165, 171) < **bьldyrь*.

Бармаки ‘вилы с тупыми рожками для картофеля или свеклы’ (ЕСУМ 1, 145 — «очевидно, заимствование из крымско—татарского языка, ср. *bärmäk* ‘давать’»). С таким заключением нельзя согласиться как по структурно—словообразовательным, семантическим, так и по другим причинам: это слово известно не только украинскому языку; оно фиксируется в различных формах, которые не объяснимы в случае заимствования. Ср.: укр. диал. *бурмаки* ‘железные вилы с густыми и тупыми рожками на концах’ (Аркушин 1, 11), *бармаки* ‘деревянные вилы’ (Сизько 10), *бармак* ‘вилы с утолщенными концами для погрузки картофеля, свеклы’ (Зеленько 8), *бірмак* ‘тризуб; вилы’ (ЕСУМ 1, 145), блр. диал. *бармакі* ‘вилы для погрузки картофеля’ (ЖС 30), русск. диал. *бармаки* ‘деревянные вилы’ (Мордов. словарь 1, 30), *бормаки* ‘железные вилы [...]’ (СРНГ 3, 101), *бармаки*, *брмаки* (!), *бурмаки* ‘большие толстые вилы [...]’ (СВГ 1, 75) и др. При этом вокализм *ар*, *ор*, *ур*, *ір*, наблюдаемый в корневой морфеме, — не изолированное явление, он характерен и для других корней подобной структуры (тырт).

Об исконности приведенной лексики свидетельствует также факт ее отражения в сфере ономастики: ст.-укр. Грышко *Буръмака*, 1649 г. (Реестр 85), укр. *Бурмак*, *Бурмака*, *Бармак* — современные фамилии, блр. *Бурмака*, ст.—русс. Иванко *Бурмакинъ*, 1596—1598 гг. — в Можайских актах, русск. *Бармаков*, *Бурмака* ~ диал. *бурмак* ‘бродяга’ (СГРС 1, 223), пол. *Burmak* — современные фамилии. Ср. также названия населенных пунктов отантропонимного происхождения: укр. *Бармаки* — в Ровенской обл., известный уже в 1570 г., блр. *Бурмакі* — в Брестской и Минской обл., *Бармакова*, *Бурмаки*, *Бурмакова* (2), *Бурмакино* (14) — в различных регионах России.

Первоначальные **bъrmakъ* / **bъrmaka* // **Bъrmakъ* / **Bъrmaka* — производные с суффиксом *-ak-* от основы **bъrm-* < и.е. **bher* — ‘быть острым’ — могут квалифицироваться как потенциальные праславянизмы как на апеллятивном, так и на онимном уровне. В ЭССЯ словарная статья **bъrmakъ* / **bъrmaka* отсутствует.

Бурдуг ‘желудок животного’, ‘большой живот человека’ (Бевка 38). В генетическом плане может сопоставляться с диал. *бурдюг* ‘свиной мехур’ (СБук.Г 43), *борд’ух*, *борд’уг*, *борд’ук* ‘орган пищеварения’ (Куриленко 55), *борд’ух* ‘кожаный мешок’, *бурд’ук* ‘оболонка мочевого пузыря’ (Горбач Бродин 141, 143). Скорее всего, эти формы следует возвести к первоисточнику **bъrdukъ* (**bъrd’ukъ*) — с последующим диалектным озвончением *-к* (*бурдук* > *бурдуг*) и оглушением *-г* (*бурдуг* > *бурдух*). Версия о заимствовании из тюркского первоисточника (ЕСУМ 1, 299—300; ЭСБМ 1, 417) может быть пересмотрена.

Гарч ‘черная гадюка, *Pelias prester*; гадюка обыкновенная, *Pelias berus* L.’ (ЕСУМ 1, 478 — «неясно»). Соотносится с диал. *гарч* ‘змея; сказочное чудовище (пажура)’ (Бевка 46). С точки зрения семантики это континуанты первоначального ‘гнуť(ся), сгибать(ся)’ в гнезде и. е. **ger-*, как и укр. диал. *гарч* ‘сом’, словц. *hrča* ‘т. ж.’, заимствованные в венгерский язык — венгер. *harcsa* ‘сом’ (ЕСУМ 1, 478). В данном случае это дополнительная сема для включения указанных фактов в гнездо псл. **gьrčь* и для квалификации последнего как оригинального праславянизма, а не результата экспрессивного преобразования **kьrčь*, см.: (ЭССЯ 7, 202).

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1982. Вып. 2.

Аркушин — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1—2.

Бевка — *Бевка О.* Словник—пам’ятник: Діалектний словник села Поляни Мараморошського комітату / Ред. І. Удварт. Ніредьгаза, 2004.

Горбач Бродин — *Горбач О.* Південнобуковинська гуцульська говірка і діалектний словник села Бродина, повіту Радівці (Румунія). Мюнхен, 1997.

ДСБ — Дыялектны слоўнік Брэстчыны / Рэд. Г. М. Малажай, Ф. Д. Клімчук. Мінск, 1989.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О. С. Мельничука. К., 1982. Т. 1.

ЖС — Жывое слова / Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшін. Мінск, 1978. С. 29—33.

Зеленько — Методичні вказівки з діалектології української мови (та матеріали до словника східнополіського говору) / Уклав А. С. Зеленько. Луганськ, 1990.

Куриленко — *Куриленко В. М.* Лексика тваринництва поліських говорів. Суми, 1991.

Онишкевич — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок: У 2 ч. К., 1984.

Реєстр — Реєстр Війська Запорозького 1649 року: Транслітерація тексту / Підгот. до друку: О. В. Тодійчук (головн. упорядн.), В. В. Страшко, Р. І. Остап та ін. К., 1995.

СБук.Г — Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.

СВГ — Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по рус. диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983. Вып. 1.

СГРС — Словарь говоров русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. Т. 1.

Сизько — Сизько А. Т. Словник діалектної лексики говірок сіл південно—східної Полтавщини. Дніпропетровськ, 1990.

СОГ — Словарь орловских говоров: Учеб. пособие по рус. диалектологии / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 1989. Вып. 1.

СРДГ — Словарь русских донских говоров. Ростов, 1976. Т. 1.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1968. Вып. 3.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Смоленск, 1974. Вып. 1.

ТС — Тураўскі слоўнік / Рэд. А. А. Крывіцкі. Мінск, 1982. Т. 1.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978. Т. 1.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1979—1980. Вып. 6, 7.

Bartoš — Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii. 6).

SSN — Slovník slovenských nárečí / Ved. red. I. Ripka. Bratislava, 1994. Т. I.

Вопросы словарной типологии в трудах О. Н. Трубачева

В. К. Щербин
Минск

Особая значимость вопросов словарной типологии была отмечена еще академиком Л. В. Щербой в его поистине новаторской работе «Опыт общей теории лексикографии»: «Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается. Между тем в основе его лежит ряд теоретических противоположений, которые и необходимо вскрыть» [Щерба 1958: 54]. В частности, в рамках выявленных им 6-ти словарных противоположений (или антиномий) Л. В. Щерба всесторонне описал 12 основных типов словарей: *словарь академического типа — словарь-справочник; энциклопедический словарь — общий словарь; thesaurus — обычный (толковый или переводной) словарь; обычный (толковый или переводной) словарь — идеологический словарь; толковый словарь — переводной словарь; неисторический словарь — исторический словарь* [Щерба 1958: 54—91]. В качестве весьма положительной черты словарной типологии

Л. В. Щербы необходимо отметить то, что в ней получают свою совокупную типологическую характеристику наиболее известные конкретные словари самых разных языков — русского, немецкого, английского и французского. Позднее появились словарные типологии отечественных и зарубежных исследователей (Т. А. Себека, Я. Малькеля, Л. Згусты, С. И. Ожегова, П. Н. Денисова, Ю. Н. Караулова, Б. Ю. Городецкого, В. Г. Гака, В. В. Морковкина, А. М. Цывина и др.), в основе которых лежит использование как отдельных словарных характеристик и критериев (дифференциальных признаков, параметров, требований, решений и т. п.), так и целых комплексов таких характеристик и критериев. Обзоры существующих аспектных словарных классификаций и типологий, а также многопараметрических и многокритериальных таксономических систем и металексикографических гипертипологий представлены в [Щчэрбін 2002: 108—113; Щербин 2003: 217—229].

Тем не менее, даже на фоне сегодняшнего многообразия существующих словарных классификаций и типологий весьма достойно выглядит таксономический подход академика О. Н. Трубачева к оценке словарей разных типов. Будучи инициатором создания и непосредственным разработчиком целого ряда фундаментальных словарей, он большое внимание в своих работах уделял рассмотрению как теоретических проблем общей словарной типологии, так и более частных вопросов типологической характеристики отдельных конкретных словарей. В частности, рецензируя одну из первых работ по общей типологии этимологических словарей — «*Etymological dictionaries. A tentative typology*» Я. Малькеля (Чикаго; Лондон, 1976), О. Н. Трубачев четко разграничил (в зависимости от степени охвата ими разноязычных и одноязычных словарей) такие таксономические понятия, как *общая типология этимологических словарей*, *типология этимологических словарей больших самостоятельных языковых семей* и *типология избранных этимологических словарей* [Трубачев 1979: 172—174]. Отдавая должное научной смелости Я. Малькеля и высоко оценивая большой объем проделанной им работы по изучению и классификации этимологических словарей разных языков, О. Н. Трубачев, вместе с тем, отмечает, что в своей работе «Малькель оперирует не совокупными типами обследуемых словарей, а скорее своеобразным структурным анализом по дифференциальным признакам» [Трубачев 1979: 173].

В отличие от Я. Малькеля, который группировал этимологические словари по отдельным присущим им дифференциальным признакам, О. Н. Трубачев следовал в своих трудах заложенной еще академиком Л. В. Щербой отечественной традиции выделения совокупных типов словарей. При этом Олег Николаевич творчески развил разработанный

Л. В. Щербой прием построения словарных антиномий, применив его при рассмотрении существующих совокупных типов этимологических словарей славянских и иных языков [Щербин 2007: 17]. Так, в своих рецензиях на эти словари О. Н. Трубачев выделяет следующие пять словарных антиномий:

1) *историко-этимологический словарь* — «чистый» *этимологический словарь*. К примеру, сравнивая рассматриваемый им «Этимологический словарь украинского языка» с историческим словарем староукраинского языка, О. Н. Трубачев делает следующий вывод: «то, что относится к истории украинского слова, дается крайне лаконично, дабы не дублировать задачи ныне также уже подготовленного словаря староукраинского языка. Таким образом, мы получаем еще один возможный вариант решения: если, с одной стороны, имеются так называемые историко-этимологические словари, этимологические словари с подчеркнутым вниманием к истории, то, с другой стороны, надлежит поместить этот своего рода «чистый» этимологический словарь, почти без исторической документации» [Трубачев 1978а: 22];

2) *частный этимологический словарь* — *общий этимологический словарь (словарь-синтез)*. Данная антиномия, по мнению О. Н. Трубачева, отражает динамику развития этимологических исследований. В частности, если на начальном этапе проведения таких исследований «имеются все основания считать именно работу над частными этимологическими словарями наиболее важной и перспективной» [Трубачев 1960: 60—61], то на следующем, более продвинутом этапе, когда исследователи уже будут иметь под рукой опубликованные частные этимологические словари для каждого славянского языка, станет «реальным и интересным словарь-синтез, который охватывал бы все славянские языки» [Трубачев 1960: 61];

3) *словарь-реконструкция* — *словарь-коллекция*. Впервые обратился О. Н. Трубачев к этой словарной антиномии в 1965 году: «Заметим, что речь идет не о словаре-реконструкции, для которого этот вопрос [о порядке подачи реестрового материала. — В. Щ.] совершенно ясен, а о словаре-коллекции типа Бернекера» [Трубачев 1965: 346]. Затем названная антиномия получила свое развитие в его рецензии на издаваемый в Польше «Słownik prasłowiański»: «Лексикографический труд под названием „Праславянский словарь“ — это не тезаурус (греч. ‘сокровище’, ‘сокровищница’), где „всего много“, его составители должны, как мне кажется, стремиться достичь в нем адекватного соответствия довольно строгому лексикографическому понятию словаря-реконструкции, а не словаря-коллекции. Очень большая избыточность так же исказит первичную картину, как и неполнота» [Трубачев 1978б: 10].

Наконец, к 1994 году отдельные элементы этой словарной антиномии получают в статье О. Н. Трубачева даже определенный терминологический статус: «ЭССЯ — словарь праязыка („словарь-реконструкция“, в нашей терминологии), но праязык мы трактуем как живой язык» [Трубачев 1994: 90];

4) *словарь корней (корневой словарь) — словарь лексем (этимологический словарь)*. Введение О. Н. Трубачевым данной антиномии позволяет терминологически отграничить словарную продукцию «самой старой и традиционной области сравнительной грамматики — этимологии» [Трубачев 2004: 17] от оформленных в виде словарей продуктов других разделов и областей грамматики: «Несколько корневых этимологических словарей XIX в. вряд ли заслуживают здесь упоминания, тем более, что *этимологический* значило тогда скорее „морфологический“, чем „относящийся к происхождению и истории слова“ в собственном смысле. Но блестящий успех и большая притягательная сила сравнительного языкознания произвели глубокое впечатление на культурный мир России, и преподаватели русских гимназий начали издавать, вместо корневых словарей, этимологические словари в современном понимании того времени» [Трубачев 1978а: 17]. В другой работе О. Н. Трубачева (в рецензии на «*Slownik praslowianski*») рассматриваемая антиномия принимает еще более императивную форму: «Едва ли может служить объектом лексикографирования то, что не употребляется в качестве самостоятельного слова. Наука пришла к этому убеждению, отказавшись от словаря корней в пользу словаря лексем. Попытки словарной трактовки суффиксов тоже едва ли оправданы, как и словари морфем вообще» [Трубачев 1978в: 163];

5) *краткий (школьный) этимологический словарь — этимологический словарь «большекорпусного языка» («словарь-левиафан»)*. Первую часть этой антиномии О. Н. Трубачев выделил в 1978 году, делая обзор этимологических словарей восточнославянских языков: «В 1955 г. вышел маленький „Школьный этимологический словарь“, изданный Калининским педагогическим институтом. Менее элементарный характер, чем этот морфемно-корневой словарик, носил „Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя“ трех авторов (Н. М. Шанский и др., 1-е изд. — М., 1961)... Наконец, „Этимологический словарь русского языка“ Г. П. Цыганенко (Киев, 1970, тираж 54000 экземпляров) завершает пока, насколько мне известно, эту серию „кратких“ этимологических словарей русского языка, составители которых спешат на помощь учителю русского языка» [Трубачев 1978а: 18—19]. В свою очередь, основаниями для выделения О. Н. Трубачевым второй части данной словарной антиномии послужили результаты рассмотрения им

следующих этимологических словарей: а) «Этимологического словаря древнеиндоарийского языка» М. Майрхофера: «Этимологу-словарнику должны быть понятны терзания Майрхофера, и ... он думает именно об этом, размышляя о форме словаря, который, с одной стороны, отличался бы практичностью и удобозавершаемостью (*praktikabel und abschließbar*), а с другой стороны, приближался бы к идеальным параметрам этимологического словаря „большекорпусного“ языка...» [Трубачев 1994: 88]; б) «Этимологического словаря славянских языков: Праславянский лексический фонд»: «Как показывают изложенные краткие сведения о нашем словаре, эффект словаря „*Großcorpussprache*“ здесь налицо. Больше того, здесь, пожалуй, целесообразно говорить о „словаре-левиафане“ („*Leviathan-Wörterbuch*“) с особо большим словником (*Wortindex*). К тому же, словник этого словаря не дан нам в непосредственном наблюдении, как это имеет место в словаре языка сколько угодно большого корпуса» [Трубачев 1994: 90].

Вклад О. Н. Трубачева в решение актуальных вопросов словарной типологии не ограничивается рамками этимологической лексикографии. Будучи настоящей словарной личностью, которая творчески освоила все языковое и типологическое разнообразие существующей словарно-справочной литературы, О. Н. Трубачев оставил нам в своих трудах лаконичные, но весьма содержательные описания ключевых характеристик словарей самых разных типов. Так, в опубликованной еще в 1961 году статье О. Н. Трубачева, т. е. за 4 года до выхода первого выпуска «Словаря русских народных говоров», излагаются следующие пожелания составителям этого наиболее полного свода русской диалектной лексики (и других аналогичных сводов) от автора статьи: «Не менее насущна потребность этимолога в возможно более полных словарях диалектной лексики. Материалов по словарю народных говоров русского, украинского и белорусского языков опубликовано и публикуется очень много, но пользование этими многочисленными словарями, появлявшимися в разных изданиях, очень затруднено. Весьма полезно было бы получить в будущем для каждого языка объединенный в одном издании свод, который бы включал критически обработанные материалы по областной лексике, т. е. в первую очередь материал всех соответствующих публикаций, пополненных при возможности дополнительными изысканиями (ср., например, план, разработанный Ф. П. Филиным). Очевидно, подобные своды будут содержать довольно полные сведения об ареалах областной лексики во всем ее многообразии» [Трубачев 1961: 203]. Насколько актуальным было пожелание О. Н. Трубачева относительно «критической обработки материалов по областной лексике», показывает

серия статей А. Ф. Журавлева о лексикографических фантомах в «Словаре русских народных говоров» [Журавлев 1995; Журавлев 2002].

Спустя три года (в 1964 г.) О. Н. Трубачев опубликовал статью словарно-проективного характера «„Молчать“ и „таять“: о необходимости семасиологического словаря нового типа», в которой задолго до появления современных словарей концептов раскрыты ключевые характеристики специального многоязычного концептуария: «Семасиологический словарь индоевропейских языков мог бы явиться словарем семантических переходов на материале широкого круга языков. Такая выраженная направленность делает его словарем нового типа со специальными задачами и специфической структурой. ...Структура нового семасиологического словаря должна обладать определенными специфическими отличиями начиная со словника. Собственно говоря, место обычного словника занимает здесь — в нашем понимании — (алфавитное) собрание семантических статей-рубрик. Формально—этимологические отношения даются всякий раз под соответствующей семантической рубрикой. Нахождение того или иного слова возможно главным образом благодаря алфавитным лексическим индексам (по языкам)» [Трубачев 1964: 103].

Перечень найденных нами в трудах О. Н. Трубачева новаторских и просто удачных определений содержания словарей самых разных типов можно цитировать очень долго. Однако из-за ограничений в объеме статьи приведем еще буквально пару таких определений (для энциклопедии и толкового словаря). Так, в рамках интервью, данного О. Н. Трубачевым корреспонденту «Литературной газеты» Н. Ивиной, было опубликовано следующее исключительно образное определение национального справочника энциклопедического типа: «Русская энциклопедия — это доступные нам знания за всю историю человечества, пропущенные через русскую культуру. Информация — и по точным, и по гуманитарным наукам. Это как бы отражение „русской картины мира“. Ведь и Британская энциклопедия — это тоже, если хотите, „британский взгляд“ на мир» [Трубачев, Ивина 1989: 5]. Наконец, о словаре толкового типа О. Н. Трубачев пишет следующее: «Правда, человеческая мысль не сразу, лишь в итоге долгого развития пришла к высшему типу словаря — толковому, или объясняющему словарю одного языка. Этот тип, по—видимому, останется главным и в будущем, независимо от технологии составления — ручной или машинной. Толковый словарь национального языка, этот наиболее совершенный продукт лексикографической теории и практики, сам развился и произошел из переводного — как правило, двуязычного словаря, насколько известно, древнейшего из всех донныне существующих типов словарей» [Трубачев 2000: 14].

Таким образом, многие весьма непростые вопросы современной словарной типологии получили в трудах О. Н. Трубачева свое теоретическое рассмотрение и практическое решение.

Литература

Журавлев 1995: Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А—З // *Dialectologia slavica*. Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна. — М., 1995.

Журавлев 2002: Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. — Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. — М., 2002. — С. 120—131.

Трубачев 1960: Трубачев О. Н. Об этимологическом словаре русского языка: [Рец. на: Фасмер М. Русский этимологический словарь] // Вопросы языкознания. — 1960. — № 3. — С. 60—69.

Трубачев 1961: Трубачев О. Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. — Вып. 33—34. Актуальные проблемы славяноведения. — М., 1961. — С. 202—210.

Трубачев 1964: Трубачев О. Н. «Молчать» и «таять»: о необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. — М., 1964. — С. 100—105.

Трубачев 1965: Трубачев О. Н. [Рец.] Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963. Lfg. 1 // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследований. — М., 1965. — С. 345—347.

Трубачев 1971: Трубачев О. Н. [Рец.] A magyar nyelv történeti — etimológiai szótára. Budapest, 1967 // Этимология, 1968. — М., 1971. — С. 259—263.

Трубачев 1978a: Трубачев О. Н. Этимологические исследования восточнославянских языков: Словари // Вопросы языкознания. — 1978. — № 3. — С. 16—25.

Трубачев 1978б: Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь: (Опыт параллельного чтения) // Этимология, 1976. — М., 1978. — С. 3—17.

Трубачев 1978в: Трубачев О. Н. [Рец.] Słownik prasłowiański. Wrocław etc., 1976. Т. 2. 367 s. // Там же. — С. 163—164.

Трубачев 1979: Трубачев О. Н. [Рец.] Malkiel Y. Etymological dictionaries: A tentative typology. Chicago; London, 1976. 144 p. // Этимология, 1977. — М., 1979. — С. 172—174.

Трубачев, Ивина 1989: Трубачев О., Ивина Н. Русская энциклопедия // Литературная газета. — 22 марта 1989 г. — С. 5.

Трубачев 1994: Трубачев О. Н. Маргиналии к новому «Этимологическому словарю древнеиндоарийского языка» М. Майрхофера // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 81—91.

Трубачев 2000: Трубачев О. Н. Меняющийся мир и вечные слова // Отечественные лексикографы. XVIII—XX века / Под ред. Богатовой Г. А. — М., 2000. — С. 12—18.

Трубачев 2004: Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. — Т. 1. — М., 2004.

Шчэрбін 2002: Шчэрбін В. К. Сучасныя класіфікацыі і тыпалогіі слоўнікаў // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 2002. — № 2. — С. 108—113.

Щерба 1958: Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Т. 1. — Л., 1958. — С. 54—91.

Щербин 2003: Щербин В. К. Проблемы систематизации словарного знания // Wiener Slawistischer Almanach. — 2003. — Band 52. — S. 217—229.

Щербин 2007: Щербин В. К. Вклад О. Н. Трубачева в развитие научной критики словарей // Вопросы языкознания. — 2007. — № 5. — С. 3—21.

Malkiel 1976: Malkiel Y. Etymological dictionaries: A tentative typology. — Chicago; London, 1976.

Архетип Великой Матери: славянские и финно-угорские параллели

Н. Г. Юрченкова

Саранск

Стремление людей выявить и осмыслить истоки традиций, воссоздать картину мировосприятия и мировоззрения, которые являются стержнем культуры этносов, обращает внимание исследователей на мифологию и шире — на духовную культуру прошедших эпох. Особый интерес вызывают мифологические образы и сюжеты, в числе которых находится образ Великой Матери, содержащие квинтэссенцию этнического менталитета и способствующие выявлению смысловых оснований современного мира.

Мать относится к числу основных архетипов коллективного бессознательного. В своей работе мы обратимся к исследованию образа Великой Матери — ключевого архетипа, отражающего мифологическое мировидение восточных славян и мордвы, относящейся к восточным финно-

угорским народам. Подобное исследование, на наш взгляд, правомочно в силу того, что на определенных исторических этапах развития восточных славян наблюдались тесные контакты с финно-угорскими племенами (весь, меря, мордва, чудь и др.) на территории Европейской России, что могло привести к взаимовлиянию и взаимообогащению культурных традиций этносов. На данном этапе мы не ставим задачу определения степени и сферы этого влияния, так как достаточно сложно определить какие элементы мифологических представлений и обрядов отнести к базовым, перманентным, а какие к заимствованным в результате межэтнических контактов. Тем более, подобный опыт сравнительного анализа мордовской мифологии предпринимается впервые.

Формирование архетипа Великой Матери исследователи связывают, во-первых, с появлением земледельческой и скотоводческой культур, во-вторых, с первыми попытками человека понять истоки мироздания. Великая мать у многих этносов стала родительницей богов-мужчин и хранительницей мужского семени (на это указывается в «Авесте»). Иногда многие жизненно важные стороны этого архетипа символизировали несколько богинь, например Гера, Артемида и Деметра, но не исчерпывали его. Земля и Космос всегда продолжали ощущаться как не менее существенные части архетипа вне зависимости от богинь.

В числе важнейших функций Великой Матери выделяют несколько аспектов: во-первых, как супруга бога-творца, она участвует в творении мира и в этом качестве обычно идентифицируется с землей; во-вторых, богиня-мать участвует в создании населяющих землю существ: богов, людей, животных, чудовищ и т. п.; в-третьих, богиня-мать покровительствует плодородию почвы, скота и людей, а в связи с этим и сексуальной активности как источнику плодovitости; в-четвертых, она выступает как источник жизненной силы и бессмертия — высшего проявления этой силы, возрождения жизни, в-пятых, покровительство культуре, а также законам и тайным знаниям¹.

В мифологии восточных славян функциональные характеристики Великой богини-матери сосредоточены в образе Матери-Земли, богини Макоши — олицетворении стихии Земли, духами близкими к богине Макоши — русалками, связанными с культом земли и плодородия, а также в образе Бабы-Яги, изначально олицетворяющей мать-родоначальницу².

В мордовской мифологии созидательные функции Великой богини-матери были распределены между многочисленными божествами-покровителями. Наиболее ярко они выражены в образах божеств, покровительствующих земле, полю, урожаю (Мастор ава, Пакся ава,

Норов ава), богинь воды и леса (Ведь ава, Вирь ава), хозяйки бани (Баня ава), божеств-покровителей двора и дома (Куд ава, Юрт ава) ³.

Для восточных славян, как и для многих других народов, были характерны представления о Земле как о супруге Неба, божестве плодородия, источнике жизни, матери всего живого, в том числе и человека. Заговорные формулы типа: «Земля — мать, небо — отец» или «небо — ключ, Земля — замок» сохранили представления о небе и Земле как супружеской паре. Бытовавшее у восточных славян выражение «мать — сыра земля» подразумевало связь со стихией воды, землю увлажненную, оплодотворенную дождем, а значит способную стать матерью.

Земля воплощала в мировоззрении славян не только образ матери человека, но и весь род как единство живых и мертвых. Поэтому смерть означала возвращение в лоно Матери-Земли, где они как бы сливались с нею, становились ее частью и давали начало новой жизни.

Мордва почитала Землю как божество, олицетворяло ее и приписывало человеческие черты и свойства. В песнях и заговорах дается антропоморфный образ хозяйки Земли — Матор авы, где подчеркивается, что «...Матор-ава некрасива, у нее черное лицо, у нее длинный нос, у нее толстые губы...» ⁴. Зафиксированы указания на существование у нее дома, хозяйства и детей.

В мордовской мифологии нет прямых доказательств наличия представлений о Земле как о супруге Неба. Однако существовали представления, что плодородие зависит как от «Земли-матушки», так и от Верховного бога Вере паз, олицетворяющего небо. Мордва говорила: «Вере паз — наш отец, Матор ава — наша матушка.

В народных верованиях восточных славян и мордвы Земля, подобно человеку, могла испытывать чувства боли, холода, жажды. По народному убеждению она могла вылечить человека от всех болезней. У нее просили защиты от злых духов и ведьм и т. д. В сознании представителей обоих народов Земля являлась главным местопребыванием умерших.

В отличие от восточнославянского образа Матери-Земли, воплощающего в себе основной комплекс функций, связанных с женским производящим началом и плодородием, Матор ава у мордвы в себе эти функции не исчерпывает. Они восполняются хранительницей поля Пакся авой, имеющей непосредственное отношение к хлебу, и богиней урожая Норов авой, которые означали не только божества, но и собственно поле и урожай.

В восточнославянской мифологии тесную связь со стихией Земли имела единственное женское божество древнерусского пантеона Макошь, в древности воспринимаемая как богиня, связанная с аграрно-магическим комплексом представлений, водной стихией, способствующая

получению урожая. Исходя из этимологии имени (къшь, кошь — судьба, жребий; слог «ма» может сокращенно обозначать слово «мать»), она могла почитаться богиней-пряхой человеческих судеб.

Учитывая, что тема нашего исследования предполагает сопоставительный анализ мифологии восточных славян и мордвы, напомним предположения Б. А. Рыбакова относительно имени богини Макоши. Он сообщал, что это слово связывали с глаголом «мокнуть» или же с финским племенным названием «мокша», являющегося одним из субэтносов мордовского народа. Этот вариант этимологии имени Макошь учеными был впоследствии отвергнут, однако отметим, что подобное предположение могло возникнуть не только по имеющемуся созвучию в имени богини и названия субэтноса «мокша», но и по факту особого распространения у этого народа многочисленных божеств-матерей⁵.

В восточнославянской мифологии составляющими образа Великой матери могут выступать связанные с культом земли и плодородия русалки. В древности они считались берегинями — духами, защищающими человека от всяких неприятностей, связанных с водой. Русалки покровительствовали домашним работам, в том числе прядению и ткачеству, и могли влиять на судьбы людей. Они были духами воды, жизненно необходимой влаги, а значит — покровительствовали урожаю. На это указывает их появление на поле в период цветения и созревания злаков. Позднее (по мере утверждения христианства) в культуре восточных славян русалки стали восприниматься как демонические существа, стремящиеся принести вред человеку. Однако отпечатки их былых созидательных функций явно просматриваются в славянском фольклоре.

С древнейшими представлениями о Великой Матери может быть связан и образ Бабы Яги. Изначально в мифологии восточных славян она считалась прародительницей рода, хранительницей обычаев и традиций, женщиной-ведуньей, проводящей обряд инициации и имеющей отношение не просто к смерти, а к потустороннему миру мертвых, к бессмертию — идее умирания и воскрешения. В. Я. Пропп считает, что все женские мифологические персонажи, связанные с рукоделием, группируются вокруг образа сказочной Бабы Яги, бывшей некогда грозной богиней смерти⁶. По мнению Т. А. Бернштам и Н. А. Криничной процессы прядения, плетения, тканья семантически соотнесены с рождением, плодородием и смертью. Следовательно, и персонажи — покровители этих процессов — имеют, по меньшей мере, косвенное отношение к процессу мироздания⁷.

Составляющими архетипа Великой Матери в мордовской мифологии, наряду с божествами земли, поля и урожая, являются и другие божества-покровители, олицетворяющие стихию земли. В числе первых, следует назвать хозяйку воды Ведь аву — подательницу живительной влаги, плодородия, покровительницу любви, брака, деторождения, на что указывают семейно-бытовые (особенно свадебные) и календарные обряды. К божеству воды обращались за помощью не только во время засухи, но и при бесплодии супругов, по поводу исцеления от болезни каким-то образом связанной с водой; обращалась невеста, прося благословения на счастливую брачную жизнь, чтобы родилось у нее много сыновей и дочерей. На второй день свадьбы подобные просьбы со стороны невесты сопровождались жертвоприношениями в виде денег или курицы, которую топили в воде. Необходимым обрядом считалось обливание невесты водой, которую вели к реке прямо с брачной постели. Подобный обряд, по мнению мордвы, способствовал удачному деторождению.

Образ мордовской Ведь авы имеет определенные сходства с русалками, проявляющиеся как во внешности, так и в отдельных функциях и характеристиках. Как и русалки, Ведь ава имела антропоморфный образ — могла представляться как юной красивой девушкой с распущенными длинными волосами, обнаженной или одетой, так и в виде страшной, уродливой женщины с отвисшей грудью. Местом обитания Ведь авы, подобно русалкам, была вода. Она также, как и они, могла влиять на судьбу человека, на плодородие и урожай. В некоторых верованиях Ведь ава, как и русалки, отождествляется с заложными покойниками.

Божеством функционально близким Ведь аве выступает в мордовской мифологии Баня ава — покровительница банного пространства. Из совокупности созидательных функций Великой богини матери для нее свойственны покровительство роженицам, семье и здоровью. Антропоморфный образ Баня авы похож на обычную женщину: в быличках она изображается голой женщиной, сидящей на полке и расчесывающей длинные волосы.

Жилищем-вместилищем Баня авы является полук или реке каменка. Она живет там со своим семейством — детьми и мужем Баня атей. Изредка этот персонаж локализуется на чердаке.

В качестве покровительницы роженицам, семье и здоровью, Баня ава является участницей семейных обрядов: родильных, свадебных, похоронных и поминальных. Прослеживается явная связь между Баня авой и роженицами, так как именно здесь повивальные бабки принимали роды.

Четко выражено покровительство Бани авы семье и роду, на что указывает ее участие в свадебных обрядах. Ритуальное мытье в бане перед свадьбой, содержание причитаний, обращенных к Баня аве, обнаруживают связь с обрядом инициации, после которого невеста получает право на брак. Семантика этого обычая легко прочитывается: невеста оставляет покровительнице бани в семейно-родовом святилище свою душу-девичество. Этот акт ассоциируется со смертью. Признаки намечающегося воскресения можно увидеть в обряде расплетения косы, что символизирует в народной поэзии перевоплощение, обретение нового облика, возрождение в новом качестве.

Хозяйка бани у мордвы выступает и в качестве дарителя здоровья. В ее власти, как целительницы, избавить человека от недуга, но в то же время, она может напустить на него и болезнь. Лечение осмысляется и как изгнание болезни, происходящее в бане и обусловленное ее воздействием, санитарно—гигиеническим, лечебным и магическим. Поскольку покровительница бани осмысляется в качестве вершителя жизненного цикла и человеческой судьбы, неудивительно, что она предстает и в роли прорицательницы будущего, выполняя (на ряду с другими божествами-покровителями) часть функций божества судьбы, отсутствующего в мордовской мифологии как цельный образ.

В образе хозяйки леса Вирь авы проявляются черты покровительницы женского плодородия. В отдельных источниках фольклора она выступает в качестве повитухи. Об этом же, возможно, свидетельствует наличие в ее антропоморфном образе больших грудей, которые свисают до колен или перекинута через плечи. Вирь ава обладает даром предсказательницы судьбы, поэтому однажды, выступая в роли повивальной бабки при родах, первое дитя утопила, второго бросила в печь, а третьего завернула в пеленки и передала матери. Поступила она так потому, что предугадала судьбу новорожденных: «первый бы, выросши, утонул, второй сгорел бы в пожаре, и матери было бы жальче чем теперь»⁸.

Многие сказочные сюжеты о Вирь аве, основывающиеся на похищении ею детей и последующем их возвращении домой, указывают на ее связь с обрядом инициации. Детям оказавшимся в чужом пространстве (вне своего дома — в лесу — ином мире) и выдержавшим испытания, Вирь ава помогает советами и оказывает помощь. В ситуациях, связанных с инициацией, просматривается схожесть ее функций с русской Бабой Ягой. Общие черты обнаруживаются и в антропоморфном образе этих персонажей. Внешность их неприглядна, а чаще — безобразна: у Вирь авы непомерно длинные ноги или одна нога; один глаз на макушке, зубы большие, похожие на зубья бороны; у Бабы Яги одна нога костяная, она

слепа (или у нее болят глаза), а зубы большие и острые. В образах этих персонажей подчеркивается отличительный женский признак: большие груди, видимо указывающий на плодородие.

К божествам, дополняющим образ Великой матери в мордовской мифологии, можно причислить Куд аву — хозяйку дома и Юрт аву — покровительницу рода, всего домашнего хозяйства, которые являлись хранительницами жизненного пространства человека, обычаев и традиций, жизненного уклада. Они не только могли предсказывать судьбу человека, но и были способны изменить ее в определенном направлении. В образах этих божеств ярче, чем в других ранее указанных, прослеживается связь с культом предков и подземным миром. На это указывают обязательное присутствие этих божеств на свадьбе, похоронах, поминках, при закладке, строительстве нового дома и переходе в него и т. п.

В отличие от восточных славян, у мордвы среди указанных божеств-матерей, составляющих архетип Великой матери, не зафиксировано четко выраженного образа, покровительствующего прядению, плетению и ткачеству, которые имеют косвенное отношение к процессу мироздания. Однако имеются обряды, свидетельствующие о том, что нить, как и сам процесс прядения, мордвой осознавались непосредственно относящимися к представлениям о судьбе и человеческой жизни. Показателен в этом плане обряд, проводимый в случае какой-либо эпидемии. С целью защиты от нее, непорочная девушка должна была спрясть нить такой длины, чтобы охватить всю округность деревни. Позднее, в процессе утверждения патриархата, в мифологии мордвы появляется образ матери богов Анге патяй, для которой прядение и ткачество является важнейшей составляющей ее образа⁹.

Таким образом, мы можем предположить, что архетип Великой Матери в культурной традиции восточных славян и мордвы представлен в совокупности женских персонажей, являющихся покровителями плодородия, судьбы, брака, домашнего очага, и обладающих мантическими функциями. Наиболее полно данный архетип репрезентирован в традициях обоих этносов в образах Матери-Земли и богини земли Мастор авы, имеющих определенные типологические сходства, объясняющиеся, прежде всего, единством материнского архетипа. В тоже время имеется специфика функционирования архетипа, обусловленная параллельным существованием дополнительных образов, несущих в себе определенную часть его функций.

Примечания

¹ *Антонян Ю. М.* Миф и вечность. — М: Логос, 2001. — С. 330.

² *Пушкина О. И.* Репрезентация архетипа Матери в мифологических представлениях восточных славян // <http://www.ruthenia.r/folklore/index.htm>.

³ *Юрченкова Н. Г.* Мифология в культурном сознании мордовского этноса. — Саранск, 2002. — С. 44—50.

⁴ *Harva U.* Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen — Helsinki, 1952. — S.189.

⁵ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М, 1994. — С. 380.

⁶ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — СПб, 1994. — С. 75.

⁷ *Бернштам Т. А.* Прялка в символическом контексте культуры // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб, 1992. — С. 91; Криничная Н.А. Нить жизни. Петрозаводск, 1995. — С. 59.

⁸ *Смирнов И. Н.* Мордва: Историко—этнографический очерк. — Саранск, 2002. — С. 221.

⁹ *Юрченкова Н. Г.* Мифология в культурном сознании мордовского этноса. — Саранск, 2002. — С. 42—43.

Етимологічні спостереження над деякими західноукраїнськими діалектизмами

В. О. Яций
Київ

З-поміж різноманітних наріч і говірок української мови особливо вирізняється західноукраїнський регіон, який становить вагому частину загальноукраїнського діалектного фонду. Саме дослідження регіональної лексики цього терену допомагає віднайти приховані зв'язки з архаїкою праслов'янської доби. З-поміж багатьох діалектизмів Західної України розглянемо такі:

Бутук 1) 'стовбур дерева'; 2) 'колодка в колесі воза'; 3) 'знаряддя для розпушування ґрунту та його валкування'; 4) 'товстун' — із позначкою переносне [Сл. БГ 44]. З погляду словотворення досліджувана назва — суфіксальний дериват, про що свідчить формант -ук. Щодо кореневої морфеми, то автори «Етимологического словаря славянских языков» вважають, що найраціональніше виводити її з псл. **butь*, що продовжують такі слов'янські номени, як: укр. *бут* 'молода зелена цибуля' [Грінченко 1, 116], 'червоний буряк; листяні овочі' [Желехівський, Недільський 51], болг. *бут* 'бедро, стегно', 'задня частина (туші)', 'товкач', діал. *бут* 'великий дерев'яний молот на сукновальні', макед. *бут* 'бедро, стегно', схв. *but* 'т. с.' [ЭССЯ 3, 103], також ця лексема поширена на східнослов'янських землях: рос. діал. *бут* 'цибуля-сіянка, дрібне зелене

перо цибулі' [Даль 1, 145], 'Butomus umbellatus, озерний очерет' [СРНГ 3, 303] тощо. Проте, на нашу думку, не варто ігнорувати зв'язок кореня *бут-* із псл. **buta*, що продовжують слвн. *buta* 'людина з великою головою', 'тупа людина', пол. *buta* 'зарозумілість, гордовитість, гордість' [ЕССЯ 3, 101 — 102], укр. *бума* 'гордість, зарозумілість, пиха' [Грінченко 1, 116] та ін. Наведений апелятивний матеріал доречно, без сумніву, етимологізувати на дієслівному ґрунті. Для підтвердження про віддієслівне походження додамо такі дієслова: болг. *бутам* 'штовхати', 'щупати', 'торкати', 'збивати (масло)', макед. *бума* 'штовхати', схв. *бутати* 'штовхати', слвн. *butati* 'бити (ся)', 'штовхати' (< псл. **butati*) або ж слвн. *butiti* 'сильно вдарити (ся), гримнутися', рос. діал. *бутить* 'бити, стукати', 'видавати гучний звук під час удару' [ЕССЯ 3, 102], *бутить* 'завалювати яму, рів чи воду каменем і землею; засипати рів щебнем, каменем, цеглою і заливати вапном' [Даль 1, 145], укр. діал. (бойк.) *бутити* 1) 'пустувати', 'збиткувати'; 2) '(про дітей, худобу) неспокійно бігати, гратися' [Онишкевич 1, 78], бук. *бутити* 1) 'ревіти'; 2) '(знев.) плакати' [Сл. БГ 44] і под. (< псл. **butiti* (sę) [ЕССЯ 3, 102]). До співвідносних варто також додати ще сучасні: (спільнокореневі) антропоніми укр. *Бут*, *Бутько* [СКТК 101, 102], *Буткевич* [ХХ Він. 2001 2, 4], *Бумов*, (похідне) *Бумович*, *Бумченко* та ряд інших із різними формантами [докладніше див.: СКТК 101 — 102]; композитні найменування *Hołobutow* (ukr. *Hołobutiw*) — ойконім у колишній Галичині [Vasmer RGN II, 401], сучасне *Голобутів* — село на Стрийщині Львівської обл. [АТУ 188] і под.

Можна припускати, що лексему *бутук* раціональніше відновлювати на основі псл. **buta* (особливо щодо четвертого її значення [див.]), аніж пов'язувати з псл. **butъ*, оскільки саме перше містить у собі семантику 'людина з великою головою', 'тупа людина'.

Жвір 'гравій, жорства, щебінь' [Пиртей 89]. Має аналоги й в інших слов'янських мовах, пор. блр. *жвір* 'грубий жовтий пісок' [ТСБМ 2, 256]. Етимологи схильні вважати, що досліджуване слово — запозичення з польської мови. Аргументуючи цю думку західнослов'янським матеріалом (пор., зокрема, пол. *żwir* 'гравій, жорства', *zvir* 'т. с.', схв. *зврст* 'вид м'якого каменю'), дослідники співставляють його з лексемою *жорства*, вбачаючи в останній спільнокореневий аналог [ЕССЯ 2, 190]. До співвідносного онімного матеріалу належить і сучасне укр. *Жвирка* — селище в Сокальському р-ні Львівської обл. [АТУ 186], а також *Жвири* (4), *Жвирики* (2), *Жвиранка* (2) — поселення в колишніх Віленській та Каунаській губ., *Жвири* — топонім у колишній Мінській губ. [Vasmer RGN III, 266, 267] тощо.

Бук. *писла* 'рядно, різновид вовняної ковдри' (із поміткою: рідкісне, застаріле) та його фонетичний варіант *писло* 'т. с.' [Сл. БГ 412], швидше за

все, репрезентують усічену форму інфінітива *ни(і)слати* зі значенням *‘покласти, постелити, заслати що-небудь’, що семантично рівноцінні таким дериватам, як: укр. *стелити* ‘стелити’ [Грінченко 4, 202], рос. діал. *слать* ‘розкладати, класти що-небудь де-небудь’, ‘розстеляти на поверхні землі (льон, коноплі і т. д.) для біління, сушіння тощо’, ‘розкидати (гній) по полю’, ‘стелитися, розповсюджуватися (по землі, про полум’я)’ [СРНГ 38, 239], блр. *слаць* ‘класти, накриваючи поверхню чого-небудь’, ‘розкладати на лузі, полю тоненьким шаром для вилеження (льон, коноплі); розстеляти на траві для відбілювання (полотно) і под.’ [ТСБМ 5, 200]. Стосовно ж самого дієслова *ни(і)слати*, то його первинніша фонетична форма яскраво представлена в ст.-сл. **постълати (постѣлъж)** із тим же значенням. Усі вищенаведені слова, без сумніву зводяться і продовжують псл. **stylati*, **steljq*, які, у свою чергу, відображають більш давнє і.-є. **stel-* ‘розстилати’ [ЕСУМ 5, 296 — 297].

Література

АТУ — Українська РСР: Адміністративно—територіальний устрій на 1 січня 1987 р. / Відп. ред. В. І. Кирненко, В. І. Стадник. — К.: Головна редакція УРЕ, 1987. — 504 с.

Грінченко — Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. — К.: Наукова думка, 1996. — Т. 1. — 496 с.; 1997. — Т. 4. — 616с.

Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Гос. изд.—во иностр. и нац. словарей, 1955. — Т. 1. — 700 с.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: В 7—и томах / За ред. О. С. Мельничука. — К.: Наукова думка, 2006. — Т. 5. — 704 с.

Желехівський, Недільський — *Желехівський Є., Недільський С.* Малорусько—німецький словар. — Львів: З друкарні тов. ім. Шевченка, 1886. — Т. 1. — 598 с.

Онишкевич — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок: У 2 ч. — К.: Наукова думка, 1984. — Т. 1. — 496 с.

Пиртей — *Пиртей П. С.* Короткий словник лемківських говірок. — Івано—Франківськ: Сіверсія МЗ, 2004. — 364 с.

СКТК — Справочник квартирных телефонов г. Киева / Сост. Д. М. Циолек. — К.: Наукова думка, 1976. — 983 с.

Сл. БГ — Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. — Чернівці: Рута, 2005. — 688 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. — М.; Л. (Санкт—Петербург): Наука, 1968. — Вып. 3. — 360 с.; 2004. — Вып. 38. — 373 с.

ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. К. К. Атраховіча. — Мінск: Выд—ва «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя», 1978. — Т. 2. — 777 с.; 1983. — Т. 5. — 664 с.

ХХВ — Хто є хто на Вінниччині: Видатні земляки / Автор—упор. В. Болгов. — К.: ДП «Такі Справи», 2001. — Т. II. — 200 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1975. — Вып. 2. — 238 с.; 1976. — Вып. 3. — 200 с.

Vasmer RGN — Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. — Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1962—1980. — Bd I–X.

Содержание

Предисловие	3
Е. Анастасова (София). Этническое и национальное в культуре болгар Бессарабии (на материале с. Криничное)	5
Е. В. Архипова (Рязань). Преемственность в изучении наследия выдающихся лексикографов как фактор сохранения славянского единства (И. И. Срезневский и О. Н. Трубачев)	6
Л. Ю. Астахина (Москва). Лексика царских грамот фонда Оружейной палаты РГАДА (подарки крымским послам)	9
Н. В. Бессарабова (Москва). Русско-турецкие противоречия в Северном Причерноморье в 80-х годах XVIII века	14
Г. А. Богатова (Москва). Юбилейные даты славистов	18
Н. А. Бойко (Киев). Праславянская гидрографическая терминология в славянской ойконимии	22
В. Л. Васильев (Великий Новгород). О проблеме раннеславянского заселения Русского Северо-запада (по материалам ономастики и диалектной лексики).....	25
С. О. Вербич (Київ). Карпатські топоніми з основою <i>желемен-</i> , <i>зелемен-</i> / <i>зелемін-</i> у давньоєвропейському онімному контексті	29
М. Н. Громов (Москва). Южный цивилизационный вектор в отечественной истории.....	32
М. Ю. Досталь (Москва). Труды В. И. Григоровича по проблемам Северного Причерноморья в одесский период его деятельности (1865–1876)	36
А. А. Дудин (Рязань). Этимология есенинского поэтического слова <i>кутомарина</i>	39
Г. В. Егорова (Волгоград). Эволюция рефлексов праславянской корневой морфемы *bēg- в древнерусской микрогруппе глаголов перемещения в пространстве	41
И. В. Ефименко (Киев). Историческая топонимия херсонщины.....	43
А. В. Иваненко (Киев). реализация псл. *sēd- : *sod- в апеллятивной и проприальной лексике	48
О. М. Ильина (Харьков). Культ Асклепия в официальном пантеоне полисов северо-западного Понта в I в. до н. э. – III в. н. э.	52
О. С. Ильченко (Новороссийск). К вопросу о развитии категории одушевленности в русском языке (на материале рукописи XV в. «Книга нарицаема Козьма Индикоплов»)	57
Т. А. Исаченко (Москва). О трансляции в русский перевод средневековой фармацевтической номенклатуры	62
Р. М. Козлова (Гомель). К проблеме генезиса античных ономастичных реликтов (Cytæ, Oranos, Σκαρτανος)	68
Н. В. Колгушкина (Рязань). Слависты И. И. Срезневский и О. Н. Трубачёв. Культурная преемственность	77

Н. А. Куценко (Москва). Деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) по обустройству монастырей Херсонской и Таврической епархий.....	83
Л. П. Лаптева (Москва). Профессор Крымского университета	
Е. В. Петухов о проблемах славистики и Северного Причерноморья	87
Г. В. Леснікова (Одеса). Побут українців буджака за матеріалами ліричного фольклору	89
В. С. Лопатин (Москва). Из истории Черноморского флота (адмиралы Джон Роль Джонс и Федор Федорович Ушаков)	92
К. А. Максимович (Москва). Моравский субстрат в языке Паннонских житий свв. Константина и Мефодия	98
Л. И. Маршева (Москва). И снова о топонимическом типе	102
В. И. Меркулов (Москва). Россия и Украина: исторические параллели	105
Л. П. Михайлова (Петрозаводск). Поиск этимологии с опорой на экстенциальные признаки диалектного слова	111
Ю. М. Могаричев, А. К. Шапошников (Симферополь-Коктебель). К вопросу о времени создания и основных этапах формирования Жития Стефана Сурожского	115
І. М. Нечитайло (Київ). Семантика праслов'янських девербативів в українських діалектах	121
Н. А. Николаева (Москва). Хронология, периодизация и происхождение некоторых элементов славянской мифологической системы	125
Л. И. Никонова (Саранск). Культурная преемственность в традиционной медицине славянских и финно-угорских народов	130
М. Х. Парзулова (Бургас). Следите от българите в онимията на Крим	138
Л. В. Педченко (Харьков). Семантическая реконструкция в контексте архаических ритуалов: к этимологии слав. <i>*slěpъ</i>	145
Е. В. Пчелов (Москва). Херсонис Таврический в императорском титуле и государственной геральдике России	150
И. Н. Рассоха (Харьков). Древнейшая индоевропейская гидронимия ареала среднестоговской культуры и решение проблемы индоевропейской прародины.....	153
А. В. Сазанов, Ю. М. Могаричев (Симферополь, Москва). Сугдея в византийский период (по археологическим данным)	157
Е. В. Сердюкова (Ростов-на-Дону). Ономаσιологический аспект праславянских фитонимов	162
Н. И. Серебрянникова (Одесса). Полевые исследования народной лечебной практики славянского населения Северо-Западного Причерноморья: опыт и перспективы.	166
Т. А. Сироткина (Пермь). Этнонимика как раздел ареальной лингвистики	170
Е. Л. Смаль (Киев). Микротопонимия города киева: историко-	

лингвистический аспект	175
К. П. Смолина (Москва). Историческая лексикология и ее место в сфере инновационных образовательных программ.....	178
Л. В. Табаченко (Ростов-на-Дону). Слова с корнями <i>ныр/нур</i> в истории русского языка.....	181
Е. В. Терентьева (Волгоград). Функционально-семантические компенсации в истории русского глагола	188
Т. М. Фадеева (Москва). Пещерные монастыри и храмы горной Таврики в современных исследованиях	190
В. Ю. Франчук (Киев). Архаическая семантика некоторых летописных слов и выражений	196
В. В. Хапаев (Севастополь). Корсунский поход князя Владимира: новое прочтение источников	202
А. Г. Чередниченко (Белгород-Харьков). Феномен пассионарности в Северном Причерноморье эпохи неолита и энеолита: к постановке проблемы.....	207
О. А. Черепанова (Санкт-Петербург). Древняя культура Северного Причерноморья и исторические корни славянского образа Бабы-Яги ..	211
М. И. Чернышева (Москва). Семантическая оппозиция корневых групп <i>сыр-</i> и <i>сух-</i>	212
А. К. Шапошников (Коктебель – Москва). Этимология языковых реликтов фракийского вида в Северном Причерноморье	213
Е. М. Шептухина (Волгоград). Вопросы исторического словообразо- вания в контексте высказываний академика О. Н. Трубачева	218
В. П. Шульгач (Киев). К этимологической реинтерпретации некоторых диалектных лексем.....	222
В. К. Щербин (Минск). Вопросы словарной типологии в трудах О. Н. Трубачева.....	226
Н. Г. Юрченкова (Саранск). Архетип Великой Матери: славянские и финно-угорские параллели	233
В. О. Яцій (Київ). Етимологічні спостереження над деякими західноукраїнськими діалектизмами	240

Редакторы-составители:
Богатова Галина Александровна,
Шапошников Александр Константинович

Международная конференция «Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О.Н.Трубачева), Алушка, 25–30 сентября 2008 г. / Материалы конференции.

Компьютерная верстка – В.В.Богатов,
Подготовка рукописи – А.А.Дудин

Подписано в печать 2.09.2008. Заказ № 32
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 16. Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО "Медведь-97"